РУССКИЙ АПОКАЛИПСИС

Юрий Ливень

АД - УДЕЛ ЖИВЫХ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Наш хрупкий мир оказался беззащитным перед равнодушием, глупостью, чрезмерным честолюбием и алчностью нескольких людей, в чьи руки попали не только власть и деньги, но и страшное орудие Апокалипсиса — смертельный вирус, возвращающий к жизни мертвецов. Миллиарды людей превратились в алчущих плоти существ, рухнувшая цивилизация стала местом, в котором выживут только те, кто нашел в себе силы для борьбы за право называться Человеком. Фанфик, мечтающий стать продолжением «Эпохи мертвых» Андрея Круза. Использование персонажей оригинальной трилогии согласовано с правообладателем (Марией Круз) Серия книг «Ад — удел живых», «Борьба — удел сильных», «Память — удел мертвых» является продолжением серии «Эпоха мертвых» Андрея Круза и фанфиков нескольких других авторов, объединяя их в единый мир. Все совпадения случайны, имена и события вымышлены. Текст является научной фантастикой и не подстрекает к насилию и вражде по любому признаку. Отдельные благодарности Марии Круз, Борису Громову, Сергею «Серый волк», Павлу Калашникову и читателям портала «Миры Круза» за консультации, критику и моральную поддержку. Действие книги, разворачивается в межавторском цикле книг разных авторов, объединенных большой вселенной — «Мир Танатоса» Образы на обложке вдохновлены образами предложенными автором

- Юрий Ливень
  - Пролог
  - Глава 1
  -
  - Глава 2
  -
  - Глава 3
  -
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  -
  - Глава 8
  - Глава 9
  -
  - Глава 10

- Глава 11
- Глава 12

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Юрий Ливень
Ад — удел живых

Памяти Андрея Круза посвящается.

Пролог

Первый месяц весны выдался необычно теплым для Ярославля. Привычные для других лет весенние сугробы, грязные и плотные, сохранились разве что в тенистых дворах и ложбинах, почти невидимые ручейки талой воды быстро иссякали, воздух благоухал ароматом приближающегося буйства жизни. Тысячи людей торопились куда-то по своим делам, наслаждаясь солнцем и голубым небом, от которых изрядно поотвыкли за несколько месяцев промозглой, бесцветной зимы. Центральные улицы наполнились шумом машин и привычной для города суетой, глядя на которую ни один, даже самый отъявленный пессимист, не смог бы сказать, что привычная жизнь уже перестала существовать, равно как и миллионы людей…

Глава 1
Денис Хворостов, сотрудник ЧОП «Легион»

6 июня, понедельник, 10 месяцев до Катастрофы

Трудное в борьбе на войне — это превратить путь обходный в прямой, превратить бедствие в выгоду.

Сунь Цзы, «Искусство войны»

…Подвал разрушенной школы в окрестностях Грозного, заполненный пылью и мусором, стал моим последним укрытием. Дальше бежать некуда — единственный выход перекрыт, крошечные окошки под потолком не способны выпустить меня туда, где светит Солнце, где Жизнь и простор.

— Эй, русский! Бросай оружие, сдавайся! — из коридора, усыпанного битым стеклом и каменной крошкой, в очередной раз раздался гортанный крик боевика.

Не ответив, я быстро выглянул из-за угла, заметив шевеление у одной из колонн. Гранату бы туда, но нет гранат… К счастью, у моего врага они тоже кончились. Как и сами враги, кроме одного. Как и мои боевые друзья… Мы остались один на один, с той лишь разницей, что у меня остался один, последний патрон, а у противника столько, что он даже не думал экономить, от души поливая проход в мое последнее пристанище длинными очередями.

Неожиданно грохот автоматной стрельбы прервался трелью телефонного звонка. С каждым разом она звучала все громче, заглушая собой шум боя, становясь невыносимой, и я в конце концов проснулся, с трудом выныривая из наваждения сна, приходящего с удручающим постоянством.

— Алло… Кто здесь?.. — хриплым ото сна голосом я сказал в трубку первое, пришедшее на ум.

— Алло!!! Спишь еще, полено?!! Подъем, кавалерия приехала! — трубка загрохотала сочным, могучим басом, чей владелец не может быть ни кем иным, только моим другом и боевым побратимом, Витькой Одинцом по прозвищу Бэтэр.

— Опять ты? Приперся что ли, из своей Воркуты? Вали обратно, я сплю ещё… — проворчал я, но трубка в ответ раскатисто хохотнула.

— Встретишь добровольно, или я сам к тебе заявлюсь, за последствия не отвечаю! — не унимался мой шумный друг.

— Встречу, конечно, хреновые от тебя, коня, последствия… — ворчливо ответил я, поднимаясь с постели, нащупывая ногами тапочки.

Витька попытался что-то еще сказать, но связь неожиданно прервалась, как это часто случается, когда едешь в поезде, и я, пошатываясь, пошел в душ смывать с себя следы сна.

Мы давно планировали встретиться. Вспомнить былое, поохотиться на кабана в окрестностях Рыбинского водохранилища, прогулять мой начавшийся отпуск и напоследок побродить по Москве, куда ехал Витёк на новое место работы, телохранителем какого-то там депутата Госдумы. Для ветерана двух чеченских войн, до сих пор прозябавшего в захолустном воркутинском спортзале тренером рукопашного боя, эта работа могла стать отличной возможностью обеспечить семью, и вообще, стать трамплином в новую, сытую жизнь. К счастью, Бэтэр не стал сопротивляться благосклонности судьбы, хоть и относился к чиновникам с известной долей презрения. Стареющие родители и неустроенная в жизни сестра не особо располагали к излишней щепетильности…

Пошатываясь и матерясь, я добрался до душа, попутно уронив с вешалки полотенце и едва не оборвав шторку, несколько минут стоял под холодными струями воды, приходя в сознание. Когда в голове окончательно прояснилось, почистил зубы и наспех побрился, после чего зашел на кухню, не одеваясь. Достав из холодильника банку энергетика, жадно припал к источнику бодрящей влаги, опустошив его за какую-то минуту.

Окончательно приведя себя в относительно приличное состояние, я оделся, запрыгнул в легкие летние кроссовки и вывалился из подъезда в рассветное, свежее утро, почти столкнувшись лбами со своим соседом, Игорем Лукиным. Тот топтался у подъезда с сигаретой в зубах, выглядя так, словно неделю не выходил из запоя. Многодневная щетина, потухшие глаза, вопреки обычному его состоянию, ссутулившийся и поникший плечами.

— Превед, интилигенция! — начал было я. — Чего как привидение? Случилось чего, или заплыв на сто литров состоялся?

— Да так, с четверга не сплю… — хмуро ответил сосед, щелчком отправляя окурок в кусты. — Только не спрашивай

почему, не хочу тебя грузить с утра, настроение портить.

— Тут это… Ко мне друг приехал, давай ближе к вечеру в гости заходи, по стописят выпьем, поболтаем за жизнь. — я попытался было улыбнуться Игорю, но он даже глаза на меня не поднял.

— Ага… Давай… Если не усну… — рассеянно оглядываясь, ответил сосед. — Стучись, если что…

Странно… Непоседливый, веселый, вечный заводила беспорядков и безобразий, Лукин выглядел так, словно его подменили…

Расставшись с соседом, я поздоровался с бабулькой из соседнего дома, с утра пораньше выбравшейся на свою цветочную клумбу, за десять минут доехал до вокзала. Едва вышел на перрон к прибывшему поезду, как выпрыгнувший из вагона Витёк бесцеремонно сгреб меня в охапку своими лапищами вместо рукопожатия, дружески похлопал пару раз по спине, и милостиво отпустил, позволив вдохнуть выбитый из груди воздух. Чуть не закашлялся после его медвежьих объятий…

— Здоров, брат! — пробасил Бэтэр, сдавливая мою руку в своей безразмерной клешне.

— Привет, бродяга! — наконец, я обрел способность говорить. — Как доехал?

— Ништяк! Такая цыпа ехала со мной в купе, мечта поэта! Телефон даже оставила!

— С тебя рифмоплёт, как с меня математик. Не льсти себе. Ей, наверное, грузчик нужен, вот и поделилась номером.

— Да, грузил ей всю дорогу! — Витька проводил масляным взглядом миниатюрную, очень симпатичную блондиночку, которую встречал лысеющий седовласый мужик, отец, наверное. — Видал?

— Хороша! Но ты ж её раздавишь, Годзилла! Тебе гектар зеркала надо, чтоб только харю рассмотреть!

— Нормальная у меня харя! Бабам на загляденье!

— Ну да, ну да, красавчик… Ночью приснишься, утром в психушку увезут.

Витька хохотнул и подхватил свою сумку, габаритами и весом сравнимую со стиральной машиной. Мы пошли ко входу в вокзал, а вдалеке перед нами катила за ручку чемодан его новая знакомая, соблазнительно покачивая округлыми бедрами под тонкой талией…

Всю дорогу до дома Витек не умолкал, рассказывая подробности года, прошедшего с нашей прошлой встречи. Про встречу со старым генералом, дядей Гришей, сосватавшего нас с Бэтэром её величеству Армии, после того как мы, отслужив

срочку, едва не влипли в бандитскую романтику девяностых, про младшую сестру, в очередной раз не вышедшую замуж, про пацанов из спортклуба, и само собой, о бесконечных романах с красотками всех сортов и видов.

— Бэтэр, ты неисправим! — заметил я, уже поднимаясь по лестнице к своей квартире. — Может, пора остепениться, жениться, детей завести?

— Не дрейфь, полено! — забасил друг, протискивая свой баул в слишком узкую для него дверь. — Деньжат подниму, сохранив депутатское тело для исторического музея, а потом затащу в свою берлогу какую-нибудь симпатяжку, ты еще завидовать будешь! Сам-то до сих пор тоже на вольных хлебах!

— Так я давно уж определился, разве что не живем пока вместе. Алька в следующем году вторую вышку закончит, сразу свадьбу сыграем. Ты же в курсе наших планов.

Я улыбнулся, вспомнив про свою подругу, Альку, Александру Фролову. Милая, домашняя девушка, покорившая меня своим кротким характером и добрым сердцем. Из тех девушек, которых хочется защищать и носить на руках, сдувая пылинки, но, в то же время, способных создать для мужчины крепкий, надежный тыл. Жаль, что сегодня вечером её никак не позвать, компания из двух или трёх подвыпивших мужиков, если Лукин присоединится, будет ей совсем не в радость.

Наскоро помывшись с дороги и проглотив приготовленный мной завтрак из подгоревшего, как всегда, омлета и остатков колбасы, Бэтэр потребовал зрелищ, а именно — экскурсию по Ярославлю, столице Золотого Кольца России. Уж как я нахваливал свою малую Родину за годы службы, а показать другу всё было недосуг.

— С чего начнем, с пивной или набережной? И то, и другое, тут недалеко! — спросил я Виктора, возившегося со шнурками кроссовок в прихожей.

— Я что, приехал сюда знакомиться с облезлой белочкой на дне стакана? Веди на набережную, там девчонки! — возмущенно заревел из коридора Витек.

— Какие в семь утра девчонки, маньячелло? — ухмыльнулся я, протискиваясь мимо могучего Бэтэра к двери, коридор оказался слишком узким для нас двоих. — Сейчас разве что физкультурниц и молодых мамочек с колясками можно встретить.

— Пошли уже, там разберемся! — пробасил Витек, незаметным самосвалом выскальзывая за мной в подъезд.

Разбираться пришлось до самого вечера, бесконечно вытаскивая друга из приключений, находившихся буквально на

каждом шагу. Началось все с пробежки по дорожке вдоль Волги, неуемный Бэтэр на ходу пытался завязать знакомство с фигуристой бегуньей, закончилось в супермаркете, где мы запасались провиантом для вечерних посиделок и предстоящего выезда в лес. Нагрузив две телеги, мы мирно встали у кассы, и тут из соседней очереди в адрес Витька прозвучала роковая фраза из уст совсем мелкого пацана:

— Стлаааасный дядя! — сказал пацан, делая круглые глаза и хватая за руку стоящую рядом маму.

Бэтэр в ответ состроил гримасу, от которой даже у меня пробежали мурашки по коже, а малой зашелся в испуганном плаче. Впрочем, закончилось все хорошо. Страшный дядя подарил малышу какую-то игрушку, с разрешения мамы, конечно же, ей самой досталось несколько комплиментов от нас обоих, все разошлись в добром настроении.

Набравшись впечатлений от городских достопримечательностей и безобидных стычек с его обитателями, мы поднимались по лестнице ко мне в квартиру, нагруженные сумками. Проходя мимо квартиры Лукина, услышали отчетливую канонаду какой-то компьютерной стрелялки.

— Диванный воен планету спасает! — гоготнул Витек, прищуром показывая в сторону двери соседа.

— Да не, там нормальный мужик живет. Случилось у него что-то, стресс снимает. Кстати, я его в гости сегодня пригласил, сообразим на троих, как порядочные алкоголики!

— Дык, ежели нормальный, только в радость познакомиться! — с энтузиазмом ответил на мои слова Бэтэр. — Заодно узнаем, что за беда с ним случилась, может поможем.

Затащив сумки в квартиру, я оставил друга разбирать покупки, а сам сбежал этажом ниже. После нескольких безответных звонков дверь все же отворилась, явив за собой растрепанного, чем-то похожего на клиента психушки моего соседа, Игоря Лукина.

— Привет еще раз, Игорян! Не забыл, что у нас сегодня мероприятие?

— Забыл… — вздохнул сосед и как-то совсем по-детски, виновато потупился.

— Давай не кисни. Собирайся и заходи, дверь открыта! — хлопнув его по плечу, я развернулся, и в несколько прыжков поднялся на свой этаж.

Быстро разобрав сумки в четыре руки, мы с Бэтэром начали накрывать на стол. К моменту, когда в дверях появилась фигура Лукина, Витек уже пытался резать сало и колбасу, впрочем, получалось у него так себе, ломти отваливались в палец

толщиной.

— О, ты как раз вовремя! — обрадовался я столь своевременному появлению соседа. — Витек, это Игорь, мой сосед, а это мой друг, Виктор!

— Для друзей Витек, или Бэтэр. — пробасил Одинец, улыбаясь во время рукопожатия.

— Прозвище видимо из-за сходства с одноименной боевой машиной? — на изможденном лице соседа проступило что-то отдаленно похожее на улыбку.

— Ха, наш парняга! — засветился Витек. — Подружимся!

И снова схватился за нож, моментально став похожим на зловещего маньяка.

— Ужас какой… — прокомментировал душераздирающее зрелище Лукин. — Ну-ка, дай перышко…

Взяв нож каким-то необычным хватом, Игорь ловко и быстро настрогал сало тончайшими пластинками, затем со скоростью пулемета нарубил колбасу, легким движением выложив все на плоскую тарелку, красивыми полосами.

— Ого, талантище! — восхитился Виктор. — Повар, что ли?

— Нет, архитектор… — ответил Лукин, попутно совершая волшебство уже с куском сыра. — Просто люблю готовить.

— Это он скромничает! — вклинился в разговор я. — Готовит как шеф-повар, еще и в спиртном разбирается, как сомелье. Посмотри, что он принес!

— Харди… Твердый, что ли? Погрызем! ХО — значит хороший? — Витек озадаченно покрутил в руках изящную бутылку с иностранной этикеткой.

— Хороший, хороший! — Лукин наконец-то повеселел. — Х.О. значит Экс О, или ЭкстраОлд. Очень старый, то есть. Этот двадцати пяти лет выдержки.

— Нифига себе!.. — чуть не присвистнул я. — Такой даже неудобно колбасой закусывать…

— А его вообще не надо закусывать. — Игорь отобрал у Бэтэра бутылку и принялся её откупоривать. — Тащи пузатые бокалы, если есть.

Бокалы, к счастью, нашлись, Лукин плеснул на дно каждого небольшую порцию напитка цвета темного янтаря, и показал, как надо пить подобный деликатес.

— Во буржуи жируют… — восхищенно сказал Витек после того, как первая порция была выпита. — Шикарно! Игорь, а ты чего не пьешь?

— Да так, доктора не велят… — уклончиво ответил Лукин, едва пригубивший из своего бокала.

— Ха, ну нам значит, больше достанется! — не стал

настаивать Одинец, наслаждаясь ароматом дорогого коньяка.

Пару раз освежив налитое, Игорь поинтересовался, откуда у Бэтэра такая кличка.

— Его один дух так окрестил. — я принялся рассказывать давнюю историю. — Мы были под Гудермесом, когда Витек на блок поехал, с коробочкой и «Уралом» припасов. А там разведчики языка притащили, задохлика бородатого. Афганца, что ли. Когда начали его грузить, так Витек с брони спрыгнул и глиста этого прямо с земли в Урал закинул, как мяч баскетбольный.

— Особисты его колоть начали, а он в незнанку и отказ пошел. — продолжил, улыбаясь Виктор, рассматривая при этом тонкий, как бумага, кусочек сыра. — Причитал только, что он «ваенаплени», а его «Бэтэр пригнул, страшни, миня в машина шивирнул, шайтан».

— Чекисты как услышали, так чуть животы не порвали со смеху — снова продолжил я. — Позвали Витьку, только тот зашел, душара в истерику «Вай, Бэтэр, Бэтэр, шайтан!»

— А я возьми да скажи, что сейчас его возьму, да в свинарник закину — продолжил Витек. — Душара аж побелел, маму звать начал. Запел аки соловей летом. Ко мне погоняло так и прилипло, позывным потом стало.

Когда коньяк закончился, мы немного перекусили, и я принес из холодильника слегка остывшую бутылку нашей, беленькой. Поднимая тосты за нас, мужиков, за прекрасных дам, за тех, кого с нами нет, за командира нашей части дядю Гришу, мы потихоньку добрались до того состояния, когда откровенный разговор начинается уже сам собой.

— Игорян, так что у тебя такое стряслось? — осторожно спросил я соседа, наливая очередную рюмку.

По его лицу тут же пронеслась тень, застряв в глубокой складке между нахмурившихся бровей. Кажется, я встал на очень тонкий лед со своим вопросом…

— Да так, всякое… Долго рассказывать. — Лукин вдруг потемнел, словно туча перед ливнем.

— А мы никуда не торопимся. У меня отпуск сегодня начался, можем хоть до утра сидеть. Не ломайся аки красна девица, выкладывай.

Я разлил по половине рюмки, чокнулись без тоста, закусили. Игорь, поставив на стол свой бокал, из которого он за весь вечер отпил едва глоток, обреченно вздохнул, затем, как-то затравленно посмотрев на нас с Витьком, начал говорить. О том, что недавно у него обнаружился рак в последней стадии, о сбежавшей после известия о болезни жене, о том, что жить

осталось всего ничего. Он говорил, словно боясь остановиться и не продолжить после паузы, но выговорившись, замолчал. Над столом повисла тишина. Тяжелая, долгая… Слышно стало, как тикают часы на стене…

— Мдааа уж… — первым нарушил тишину Витек. — Врагу не пожелаешь, нарочно не придумаешь.

— Вот ссука… — прошипел я. — А я твою Олю уважал… Такая… Правильная была!

— И ведь не вернуть ничего… — снова пробасил Виктор — Хорошо хоть детей не завели.

— Не скисай, братан — я хлопнул по плечу Игоря. — Последние дни, все твои, всё можно! Проведи их так, чтобы крышу сносило! Будешь щи вялить, в тоске уйдешь!

— Да, наверное… Ничего другого не остаётся… — Игорь взял со стола бутылку, наполнив наши с Бэтэром рюмки почти до краев.

— Ну, давай, братан, за тебя! — Поднял тост Витек. Стукнулись рюмками, выпили.

— Я выйду, покурю… — Игорь поднялся из-за стола, вынимая из кармана летних брюк пачку.

— Ты это, в ванной кури! — я остановил соседа, идущего к выходу из квартиры. — Там можно!

— Спасибо… — Лукин закрыл за собой дверь ванной и щелкнул зажигалкой.

— Вот так писец у мужика… — у меня не находилось слов, чтобы выразить все эмоции.

— Да я тоже в шоке! — негромко ответил Бэтэр.

Внезапно Витек о чем-то крепко задумался, после чего его лицо словно солнечным лучом осветило.

— Дэн, помнишь Серого, из разведки? Мы с ним в округе Урус-Мартана хорошо пошумели, худой такой, волчара жилистый.

— Да, помню конечно! Он ещё хитрые ловушки из гранат делал.

— Ну да! — Витек оживился. — Я с ним перед поездкой в ваши палестины созвонился, хотел с нами в леса вытащить, но он сейчас работает ассистентом… или аспирантом, хрен его маму знает. Короче, пацан в каком-то НИИ службу тащит, что-то противораковое разработали, экспериментальное лекарство. Подробностей не знаю, он осторожно так похвастался.

— Что с того? — удивился я.

— Как что? Соседу твоему терять нечего, одной ногой на Луне стоит, вторую за ней тянет. Амбец мужику через пару месяцев.

— Что ты предлагаешь?

— Я ему сейчас дам номер Серого, пусть созвонится. Может снова поможет разведка, не?

— Если есть шанс, даже самый маленький, его надо использовать… — мне оставалось только согласиться с Витьком.

Из ванной вышел Игорь, неся за собой шлейф удушливого табачного дыма. Я, чуть скривившись, отмахнулся рукой, сосед извинился и сел за стол, потянувшись к початой бутылке. Витек же в это время сидел, уставившись в экран телефона, перелистывая номера. Наконец нашел нужное, и взглянув на часы, набрал номер. Спустя несколько гудков с той стороны ответили.

— Алло! Привет, Бэтэр! Ты где, в Воркуте? Не приехал еще? — Витек включил громкую и я услышал знакомый, давно не слышанный голос.

— Привет, разведка! Не, в Ярике уже, сидим с Дэном, коньяки вкушаем, Моцарта слушаем! — прогудел в трубку Виктор.

— Знаю я ваши коньяки, спиртом небось баки заправляете?

— Гыгы, солярой! Ты же знаешь, на чем БТР ездит!

— Да в тебя что ни залей, все впрок пойдет!

— Эт точно! Серый, я тебе вот по какому делу звоню! Сидит с нами человек хороший, правильный. Только приуныл малость, ему доктора дорогу в один конец показали. Походу, серьезно так парня прищемило. Он, кажется, по твоему профилю, если я ничего не путаю!

— По какому такому моему профилю? — голос в телефоне моментально насторожился.

— Ну всякие там раки-крабы, и прочие креветки.

— Ааа… Но Витек, у нас тут ничего не понятно еще, самая ранняя стадия опытов. До испытания на людях ещё лет пять, если не больше.

— У вас ранняя, а у него поздняя, в яму собирается… — не унимался Виктор.

Игорь удивленно и непонимающе смотрел на Бэтэра, тем не менее, не вмешиваясь в разговор. Голос с той стороны замолчал на несколько секунд, потом снова заговорил.

— Витек, дай товарищу трубу. Парой слов с ним перекинусь на всякий случай.

— Добрый вечер! — поздоровался с Серым Лукин. — Меня зовут Игорь.

— Рад слышать! Сергей. Рассказывайте, что у вас случилось.

— Рак желудка, метастазы в печени, легких, лимфоузлах. Задеты сердце и поджелудочная. Прогнозы — два, максимум три месяца, потом конец.

— Серьезно… Боли есть? Диагноз правильный, никто не ошибся?

— Не болит ничего, никаких симптомов как таковых. Случайно попал на диспансеризацию, и вот… Потом всю диагностику обошел, в разных клиниках.

— Сочувствую… Но, чтобы не тешить Вас надеждами… Наш препарат очень сырой, экспериментальный. Мы едва начали опыты на обезьянах. Результаты хорошие, но… Никто не знает, как препарат поведет себя на человеке. Вы представляете себе риск? Учитывая Ваше состояние, я не стану отговаривать Вас от подобного шага, направляя в другую клинику, где вам уже не помогут… Если у Вас действительно все так, как Вы описали, можем рискнуть.

— Я подумаю… — вздохнул Игорь.

— Подумайте, не смею торопить. Завтра поговорю с руководителем проекта. Боюсь, он откажет, но вдруг… Запишите мой номер телефона, завтра к вечеру позвоните. Хорошо?

— Да. — Игорь вытащил из кармана свой мобильник — Готов.

— Восемь, девятьсот….. пять два. Сергей. Сергей Крамцов Сергей Крамцов, аспирант. Главный герой оригинальной трилогии Андрея Круза «Эпоха мёртвых».

Глава 2
Игорь Лукин, архитектор

после застолья, задолго до Катастрофы

Непобедимость заключена в себе самом, возможность победы заключена в противнике.

Сунь Цзы, «Искусство войны»

Далеко за полночь, когда его друзей уже начало клонить в сон, Игорь покинул гостеприимную квартиру Дениса Хворостова, поднялся к себе. Но лишь для того, чтобы сменить домашние тапочки на кроссовки и прихватить термос с ароматным чаем, привезенным в феврале из самой Индии. Ужасно хотелось напиться, в хлам, до потери чувств, но лишняя рюмка спиртного могла стать фатальной в его положении. А успеть, за оставшиеся месяц-другой, надо было очень многое…

Выйдя из дома, Лукин направился к Волге. К той её части, которая не была закована в бетон. Хотелось обдумать услышанное, понять, готов ли он, почти попрощавшийся с жизнью, начать её заново. Если повезет, конечно.

Добравшись до нужного места ко времени, когда уже начало светать, Игорь спустился к самой кромке берега, снял обувь, носки, сел на кроссовки, и опустил стопы в прохладную, почти холодную воду рассветной реки. Налив чая в крышку-стаканчик, уставился на искрящуюся оранжевыми искрами воду. Надежда… Робкая, трепетная… Может, не все так плохо? Возможно, лаборатория друга Виктора и Дениса все же создала Лекарство? Может, жить осталось не два месяца, а весь отведенный судьбой срок, может, впереди хотя бы двадцать лет?

«Не хочу быть твоей сиделкой, доживай в больнице» — всплывшие в памяти слова, брошенные уходящей из его жизни супругой, больно укололи сознание. Была ведь любовь, счастливые годы, почему, зачем она так поступила? Потерпела бы пару месяцев, получив в наследство квартиру, машину, счет в банке. Не очень большой, но все же, копил на строительство дома… Предательство жгло даже сильней, чем осознание скорой

смерти.

Плеснув из термоса в крышку еще пару раз, с огорчением обнаружил, что чай почти закончился. Потом вдруг понял, что уже давно не рассвет, побелевшее солнце уверенно карабкается в чистое, глубокое небо, наполненное криками чаек. Наскоро обтерев ноги о штанины, обулся и уверенно, быстро пошел домой. Нет, нельзя ***так*** умирать. Надо бороться за жизнь, если есть хоть малейшая надежда.

Едва добравшись до своей комнаты, Игорь упал на кровать, моментально уснув, не успев даже раздеться. Зародившаяся надежда и решимость бороться до конца победили многодневную бессонницу.

Под вечер тяжелый, глубокий сон прервала настойчивая трель телефона, по-прежнему лежавшего в кармане. Игорь застонал, спросонья пытаясь найти на плечах свою голову и понять, где именно находится взбесившийся мобильник. Наконец, найдя его, нажал на кнопку ответа. Попытался что-то сказать, но из пересохшего горла вырвалось только хриплое сипение.

— Алло… Игорь, с Вами все в порядке? — прозвучал из трубки смутно знакомый голос.

Прокашлявшись, Лукин все же смог произнести в ответ что-то членораздельное, на что голос из трубки спросил о принятом решении насчет лечения.

— Да, Сергей, я согласен. Готов. Могу выехать завтра… — на одном выдохе ответил Игорь. Дождавшись ответных слов, попрощался, после чего расслабленно раскинул руки, лежа на спине, все еще сжимая в руке мобильник…

Последующие дни пролетели, словно горячечный сон. Прощание с Денисом и Виктором, горячо и искренне пожелавшим ему выздоровления, поезд в Москву, в пути Игорь никак не мог усидеть на одном месте, почти всю дорогу проведя с сигаретой в тамбуре, знакомство с Сергеем Крамцовым и его шефом, Владимиром Сергеевичем Дегтярёвым, показавшиеся бесконечными анализы и тесты в пропахших лекарствами кабинетах научного центра, безумная боль во всем теле после инъекции экспериментального препарата, длившаяся, как ему тогда казалось, целую вечность, хотя острая фаза длилась всего сутки.

Последовавшая за инъекцией неделя также не была сказочной — его то выворачивало наизнанку, то бросало в сильный жар, все тело нестерпимо жгло изнутри, приступы сильнейшего озноба начинались внезапно, так же неожиданно заканчиваясь, обессиленное тело едва держалось за жизнь. Слегка сутуловатая, жилистая фигура Крамцова то и дело нависала над

ним, обеспокоенные поначалу голоса, доносившиеся из затянувшего зрение тумана, сменились уверенными интонациями, затем туман рассеялся, и Лукин обнаружил себя лежащим на больничной койке. В руке торчала капельница, голова пыталась думать, тело, казалось, парило в воздухе.

— Очнулся! — радостно вскочила со стоящего рядом с койкой офисного кресла миловидная медсестричка. — Вы живы?!!

— Вы ангел? — задал довольно идиотский вопрос Игорь, заодно порадовавшись возможности осознанно управлять своей речью.

— Ой, вы разговариваете! — все так же восторженно почти прокричала сиделка. — Никуда не уходите, я сейчас!

Проводив взглядом вылетевшую из палаты, словно пуля, сестричку, Лукин попробовал пошевелить руками и пальцами ног. Получилось не очень, тело по-прежнему плохо ощущалось, но он был определенно жив. Идти куда-либо точно не было желания, зато адски хотелось есть и еще больше — спать, но в коридоре уже слышались возбужденные голоса спешащих докторов. Дверь резко распахнулась, в палату ворвался запыхавшийся Дегтярёв Владимир Сергеевич Дегтярёв. Научный руководитель из оригинальной трилогии «Эпоха мертвых», следом за ним вошли еще какие-то люди, моментально заполнив комнату до отказа. Почему-то не было видно только Крамцова.

— Как вы себя чувствуете? — вместо приветствия спросил профессор, бесцеремонно ощупывая лоб, живот, шею и запястья пациента.

— Не знаю… Кажется, живой, если только вы мне не снитесь. — слабым, но довольно уверенным голосом ответил Лукин.

— Ничего не болит? Голова не кружится?

— Нет, все в порядке. Только очень есть хочется…

— Неудивительно! Целую неделю из Вас все только выходило, питались глюкозой из капельницы! — заявил Дегтярёв, озабоченно рассматривая глаза Игоря. — Лежите, сейчас вам принесут немного поесть. Сегодня отдыхайте, набирайтесь сил, а завтра мы начнем обследование…

Снова анализы, рентген, зонды и прочие процедуры… В первые дни его перевозили на кресле, но спустя неделю Лукин уже бодро передвигался по коридору самостоятельно. К сожалению, выходить за пределы небольшого отделения ему запрещали, на улицу также, но все эти неудобства выглядели мелочью. Он был жив, и главное — полностью здоров. Ни одной опухоли, никаких следов раковых клеток! О большем он не мог и мечтать всего двадцать дней назад, когда ехал из дома в

неизвестность.

В очередной день пребывания в лаборатории, Лукин проснулся от ощущения чужого взгляда, давившего во сне на сознание. Открыв глаза, увидел в кресле, стоящем в паре метров от койки, вместо привычной медсестрички, невысокого, седого круглолицего мужчину.

— Доброе утро, Игорь Алексеевич. — тихо сказал мужчина, таким же невнятным голосом, как и черты его лица. — Как ваше самочувствие?

— Спасибо… Прекрасно… — ответил Лукин, садясь на койке. — Кажется, я вас не видел раньше… Как вас зовут?

— Не важно. Как не важно и то, чем я занимаюсь. Важен только ваш ответ на мой вопрос.

Игорь вопросительно посмотрел на собеседника, но тот молчал, неотрывно глядя прямо в глаза.

— Игорь Алексеевич, вы помните о том, что перед лечением не подписывали никаких бумаг? — все тем же тихим, бесцветным голосом, спросил круглолицый.

— Конечно…

— Стоит ли напоминать о том, что вы отдыхали прошедшие три недели в санатории на Алтае? — загадочный посетитель смотрел на Игоря так, как смотрят на подопытного кролика, крысу или неодушевленный предмет. — Вот, ваши документы из санатория, фото на память, билеты из Горно-Алтайска в Москву…

Круглолицый протянул ничего не понимающему Лукину большой конверт, набитый какими-то бумагами. Высыпав содержимое на койку, Игорь удивленно посмотрел на несколько фотографий, запечатлевших его на фоне алтайских гор, в столовой санатория, в компании симпатичной девушки и незнакомых людей преклонного возраста. Кроме фотокарточек, среди бумаг обнаружились билеты на экскурсии, погашенные авиабилеты, измятые чеки из магазинов курортного городка Белокурихи, прочие бумажки, обычно скапливающиеся в карманах путешественников.

— Кажется, я вас понимаю, господин Неважно. — не отрывая взгляда от фотографий, тихо сказал Игорь. — В данный момент я, наверное, еду из аэропорта на Ярославский вокзал?

— Рад, что мы понимаем друг друга, Игорь Алексеевич. — едва заметно улыбнулся неизвестный. — У вас полчаса на сборы, потом за вами зайдут. Мобильник не ищите, вам его передадут на вокзале. Советую иногда звонить Наде, с которой вы весело провели время в санатории, она *очень* беспокоится о вашем здоровье. Желаю здравствовать!

Мужчина поднялся из кресла и вышел из палаты, неслышно

затворив за собой дверь и оставив на душе неприятный осадок, словно не здоровья пожелал, а осыпал проклятиями.

Откинувшись спиной на прохладную стену, Лукин закрыл глаза и мысленно выругался. Ощущать себя подопытной крысой, даже получив в подарок жизнь и здоровье, оказалось довольно неприятно. Но, в то же время, он испытывал безмерную благодарность всем этим людям, даже круглолицему, за спасение, за подаренные надежду и здоровье. Только как отблагодарить их, если его здесь даже не было, он не знал. Впрочем… Какая теперь разница? Все получили желаемое, он — здоровье, они — опыт. Пора и честь знать.

Быстро умывшись и собрав сумку, неожиданно обнаружив в ней всякие сибирские сувениры и несколько пачек лечебного чая из горных трав, Игорь рассовал бумажки по карманам, соблюдая правила игры в путешественника, заправил койку, присел на её краешек, ожидая сопровождающего. Тот, не заставив себя долго ждать, молча проводил до микроавтобуса с комфортным, но совершенно закрытым салоном, а спустя час петляний по московским улицам оставил его в одиночестве у продуктового магазина на площади трех вокзалов. Прищурившись от слепящего глаза летнего солнца, Игорь привычным движением набросил на плечо ремень дорожной сумки, собираясь пойти в сторону вокзала, как за спиной вдруг раздался чей-то громкий крик.

— Дарагой! Дарагой!!! Ти в мой машина свой тэлефон забыль, да?!

Обернувшись, Лукин увидел грузного кавказца, бегущего к нему от машины с шашечками на крыше. В руке кавказца он заметил свой мобильник.

— Спасибо, уважаемый! — поблагодарил он таксиста. — Рассеянный с дороги, не люблю самолеты!

— Вай, нэ за чьто! — развел руками кавказец — Мнэ твой вещь ни нужэн, будь здаров, брат!

…Уже в поезде, поудобнее устроившись в кресле, Лукин пролистал список последних вызовов в телефоне. Известный всем номер для заказа такси, какие-то номера с кодами алтайских операторов, Надя, снова Надя. Надежда…

* * *

— Милый, ты чего загрустил? — чуть встревоженно спросила Игоря вошедшая на кухню девушка. — После поездки на родину ты сам не свой…

Лукин, сидевший за столом, сервированном чашками и

чайником из тонкого, ручной работы китайского фарфора, отрешенно вертел в руке маленькую баранку, глядя сквозь неё в пустоту. Из глубины мыслей его выдернул голос Ксении, впорхнувшей на кухню изящной бурей, одетой лишь в распахнутую мужскую рубашку, слишком просторную для обнаженной девичьей фигурки.

— Да так… Все ещё не могу поверить в то, что узнал… — Игорь рассеянно посмотрел по сторонам и на саму Ксению, вопреки привычке, не распуская рук и не пытаясь наброситься на девушку.

— Ну не молчи… Знаю, знаю, ты не любишь рассказывать о проблемах, всё в себе перевариваешь… — прошептала Ксюша, усаживаясь на колени Игоря и обнимая его за плечи. — Выползай из своей раковины, молчун! Я же не чужая тебе…

Лукин потерся щекой о нежную, теплую руку своей подруги. Не чужая… Их роман, накалом похожий на стихийное бедствие, длился третий месяц. Его тело, восстановившись после лечения, начало стремительно крепнуть и молодеть, в сентябре он пошел в спортивный зал, испытывая нестерпимую потребность в физических нагрузках. Всего через месяц изнурительных, интенсивных тренировок, он уже вполне мог побороться за призовое место на конкурсе бодибилдеров, но вместо покорения спортивного подиума увлекся красивой, стройной брюнеткой, занимавшейся фитнесом в том же спортклубе, где тренировался Игорь. Для отношений с темпераментной, своенравной и довольно стервозной женщиной, сочетание его нового, помолодевшего тела и зрелого ума оказалось как нельзя кстати — бесконечные сексуальные марафоны сменялись долгими, иногда длившимися всю ночь, откровенными разговорами обо всем на свете. Игорь и Ксения быстро научились понимать друг друга чуть ли не с полуслова, а её привычное стремление манипулировать мужчинами растворялось без следа, стоило лишь подумать о нем…

— Мой Новошахтинск маленький городок, все друг друга знают. Да ты ж сама из тех краёв, Краснодар хоть и полумиллионный город, но такая же деревня…

— Да-да, на Елизавете чихнешь Районы г. Краснодар, с Краснолита позвонят, здоровья пожелают! — улыбнулась Ксения, вспоминая родной город.

— Так вот, приехал я в свой дом, на кладбище к родителям съездил, а вечером домой возвращаюсь, старушки у подъезда сидят. И так мне, с претензией, будто я им сто рублей должен: «Игорёчек, а ты знаешь, что сынок твой приезжал к деду с бабой?». Я чуть сознание не потерял, у меня ж не было детей. Не

успел рот раскрыть, как бабки снова за своё: «На тебя, как две капли воды похож. Погостил у своих, а к твоему дому даже не подходил!»

— Ну и что? Может, просто похожий мальчик, мало ли как бывает? — удивилась Ксюша, запустив пальцы в волосы на широкой, мускулистой груди Игоря.

— В том и дело, что не просто похожий… Я после разговора с бабками выяснил, что за парень, к кому приезжал. Пошел знакомиться, а мне от ворот поворот — не твоего ума дело, надо было тогда жениться, поздно опомнился, поезд ушел… Оказалось, что девушка, с которой пару недель встречались, забеременела от меня. Ничего не сказала, да и пацан не знал. Она замуж выскочила за какого-то богатея, уехала с ним в Европу и там уже родила. Ему сейчас двадцать четыре года должно быть.

— Так ты даже не знаешь, где он живет?

— Не знаю… Её родители ничего не сказали, меня просто за дверь выставили, и всё.

— Твои переживания ни к чему не приведут, ты же мудрый, опытный мужчина, сам всё понимаешь… — прошептала Ксюша, наклонившись к лицу Игоря и легонько поцеловав его в кончик носа. — Если он узнает о том, что ты есть, может и встретитесь. Главное, что он есть, живой и здоровый. Правда?

— Ты права, пожалуй… Самокопание ни к чему хорошему не приведет, сплошное расстройство… для тебя тоже… — в глазах Лукина проскочили искры, он поднялся, подхватывая подругу на руки. — Давай лучше посмотрим, что происходит в спальне!

— Безобразия там творятся, вот что! — игриво заявила Ксюша, обвивая руками шею своего мужчины.

* * *

— Здаров, Денисище! — радостно зашумел вернувшийся с тренировки Лукин, увидев соседа, выходящего из подъезда в морозный и снежный январский день.

— Превед, Игорянище! — приветливо поднял руки Хворостов навстречу когда-то чудом восставшему из мертвых, а ныне счастливо здравствующему соседу, с которым за прошедшие полгода крепко сдружились. — Как дела молодые?

— Всё лучшее и лучшее! — искренне улыбаясь, крепко пожал руку друга Игорь. — Свидетелем на свадьбу пойдешь?

— На чью? — деланно удивился Денис, потряхивая сдавленной пятерней. — Ну и лапища у тебя, что те тиски!..

— Как на чью? Мы с Ксюхой…

— Да знаю я, весь двор уже знает! — рассмеялся Денис. — Вы, блин, громкие, как коты мартовские, трудно не быть в курсе! Когда свадьба?

— В феврале, Денис… Мы после Рождества заявление подали, нам на семнадцатое назначили. Еще успеешь приготовиться! — Лукин светился от счастья. — Ты к Альке собрался? Может, к нам заглянете? Я пирог с клубникой утром запёк, почаевничаем!

— Да не, извини… Мне послезавтра опять на дежурство, хочу с ней побыть… Хотя от твоих пирогов грех отказываться!

— Ну как знаешь, нам больше достанется! Привет ей передавай!

Игорь хлопнул Дениса по плечу, друзья попрощались, и разошлись в свои стороны. Лукин домой, к ожидавшей его возвращения Ксении. Хворостов, проводив взглядом окончательно вернувшегося к жизни соседа, залез в машину, и прогрев остывший на морозе двигатель, вырулил из заснеженного двора. Его тоже ждала любимая женщина…

* * *

…Услышав радостное щебетание подруги Объекта, встретившей жениха после его встречи с соседом, невысокий круглолицый мужчина, сидевший в своем кабинете за массивным двух тумбовым столом, снял наушники и выключил запись. Охи-вздохи и крики страсти влюбленной парочки давно ему приелись.

Немного потерев виски, Александр Васильевич Александр Васильевич Пасечник, глава службы безопасности корпорации «Фармкор». Подробно описан в оригинальной трилогии Андрея Круза «Эпоха мёртвых», курировавший процесс испытания экспериментального препарата на человеке, поднялся из удобного, глубокого кресла и подошел к окну. Объект жив, здоров, биологические показатели существенно превышают ожидаемые результаты. Кроме того (что для Пасечника было едва ли не важнее состояния здоровья подопытного образца), за прошедшие полгода тот ни разу не проговорился о своем лечении. Его чудесное выздоровление никто не мог объяснить, а самые любопытные врачи, знакомые с диагнозом Объекта, неожиданно получали приглашения на работу в столичные и зарубежные клиники и институты, после первого же собеседования теряя всяческий интерес к феноменальному спасению Объекта.

— Как жаль, что ты такой один… — почти неслышно пробормотал себе под нос Пасечник, задумчиво рассматривая

кружащиеся в морозном воздухе за окном снежинки. — Почему же ни с кем другим не получилось? Пора тебе в архив, дружок, а мы пойдем другим путём…

Глава 3
Виктор Одинец, телохранитель депутата Гос. Думы

20 марта, вторник

Поэтому у того, кто умеет нападать, противник не знает, где ему обороняться;

Сунь Цзы, «Искусство войны»

Со дня прихода на новую службу не прошло и года, но тащить лямку «бодигарда», Бэтэру стало уже невмоготу. Бесконечные ожидания «Хозяина» в машине, молчаливое сидение у закрытых дверей кабинетов, или, что еще хуже, сопровождение его сварливой, надменной жены в аэропорт или из него, тяготили Виктора хуже прежнего безденежья. Если бы не возможность щедро помогать семье, давно бы сбежал куда-нибудь. Да хоть обратно, в Воркуту, тренером рукопашки. К друзьям, пацанам, к бесшабашной, хоть и не очень сытой, но свободной жизни…

Поправив шелковый галстук от Бриони, стоивший целую зарплату на его прежней работе, и пригладив влажной ладонью волосы, Виктор вышел из туалета, расположенного в дальнем конце неофициального офиса своего босса, депутата государственной Думы, Сергея Давыдовича Шкловича. Формально, офис и владеющая им фирма, принадлежали супруге депутата, Розе Яновне, но по факту, депутат был здесь единоличным хозяином. Проворачиваемые им «схемы» требовали участия немалого количества персонала, поэтому офис тоже был не маленьким, занимая целый этаж одного из бизнес-центров внутри Садового Кольца столицы.

Сегодняшний день начался как-то не так. То ли Солнце встало не с той ноги, то ли случилось что-то, но Босс примчался в офис с утра пораньше. Растрепанный, со сбившимся набок галстуком, тот промчался мимо вскочившего охранника, дежурившего у двери, напугал секретаршу, смазливую грудастую девицу, влетел в кабинет, громко хлопнув дорогой, красного дерева дверью кабинета, начал что-то кричать в телефон. Громкая

ругань сменялась минутами тишины, затем снова слышались его крики, затем наступила долгая тишина, длившаяся не один десяток минут, но, наконец, раскрасневшийся и запыхавшийся Сергей Давыдович вышел из своего кабинета, размером с неплохой спортзал.

— Аллочка, собери всех в зале для переговоров! — дал команду секретарше. — А ты, Виктор, свяжись с Погожиным, он в машине меня ожидает. Соберитесь по полной программе, переоденьтесь в форму, скоро выезжаем.

— Шеф, по полной программе, значит по полной? — на всякий случай переспросил Одинец.

— Мать тво… — начал было орать Босс, но тут запиликал его мобильный и он немедленно ответил на звонок, продолжив уже раболепным голосом. — Розочка, да, сердце моё! Всё, всё как я сказал, поторопитесь с Сенечкой, поторопитесь, мои хорошие!

Еще раз бросив на Виктора полный гнева взгляд, Шклович направился в переговорную, куда со всех углов уже начали собираться люди.

Коротко переговорив с напарником, Дмитрием Погожиным, опытным бойцом спецназа в недалеком прошлом, Одинец взял пенал с ключами и отправился в оружейную, размышляя по дороге над необычным поведением шефа, явно боявшимся чего-то. В принципе, тому было чего опасаться — депутат давно участвовал в распиле военного бюджета, приторговывал оружием и боеприпасами с Кавказом, «братскими» соседями, арабами и африканцами. Его осведомленность о коррупционных схемах и теневых сделках чиновников высших эшелонов власти, делали Шкловича неудобным для многих, очень многих «серьезных» людей. К тому же, месяц назад к власти пришел новый министр обороны, а это значило, что начинается передел сфер влияния и пресловутых «схем». В которых Сергею Давыдовичу вполне могло не найтись свободного, теплого местечка.

Виктор едва успел переодеться, из дорогого английского костюма в не менее ценный комплект черной полевой формы американского спецназа, как в оружейку вошел напарник, Дима.

— Что случилось, Витек? — спросил Погожин, как всегда хмурый, словно чем-то недовольный.

— Хрен его маму знает, товарищ капитан! — ответил Одинец, поудобнее застегивая разгрузку поверх уже одетого броника. — Начальство распорядилось собраться по полной программе, ты знаешь, что это значит.

— Знаю… — заявил Дмитрий, отпирая свой шкафчик. — Знать бы еще, зачем.

— А мне пофиг… Нам, кабанам, что отступать бежать, что

наступать бежать! — отшутился Бэтэр, хотя ему тоже было интересно, с какого перепуга надо вооружаться не только штатным «макаром», но и карабином, Сайгой-МК калибра 7.62, с удвоенным боекомплектом.

Шклович был большим любителем поиграть в солдатики. Вооружив свою охрану, на пределе законности, нарезными и гладкоствольными карабинами, он также позаботился о том, чтобы все оружие было модернизировано по последнему слову военной техники. Благодаря ему, серийные карабины экспортного исполнения, позволяющие использовать нормальные магазины, оказались обвешаны телескопическими прикладами, планками Пикатини, коллиматорными прицелами, фонарями и прочим новомодным оборудованием, о котором мечтали не только в армии, но и в многих спецподразделениях. Периодически Хозяин устраивал построения личного состава в полном вооружении, с наслаждением рассматривая личную армию, похожую на киношных «морских котиков». Бойцы относились к его увлечению с долей снисхождения, в конце концов, прошедшим горячие точки парням самим было приятно владеть отменным снаряжением и оружием.

— Дима… Босс какой-то вздрюченный сегодня прибежал, не знаешь почему? — Одинец заканчивал снаряжать магазины патронами.

— Не знаю, Витек… Он сильно нервничал, пока ехали. Несколько раз говорил по телефону с кем-то, потом Розе звонил, требовал срочно собираться. Просил вернее, ты же знаешь нашего подкаблучника.

— Еще бы! — хмыкнул Виктор. — Если полетит едрён батон, наверняка будет её упрашивать спуститься в бункер, стоя на коленях.

— Знаешь, что, напарник… Давай-ка заберем не только наши недо-калаши, но и «мурки». Что-то мне говорит, что мы сюда не вернемся.

Бэтэр исподлобья бросил взгляд на Погожина. Тот, проверив дробовик, принялся набивать в него патроны, чередуя картечь с пулевыми. Закончив снаряжать оружие, он закинул несколько пачек патронов двенадцатого калибра в рюкзак, затем, секунду подумав, добавил туда же цинк «семерки». Одинец, не рассуждая о правоте коллеги, сделал то же самое, повесив дробовик за спину, а полуавтомат на грудь, на удобном трехточечном ремне. Совсем как в американских боевиках…

Выйдя из оружейки, Виктор и Дмитрий моментально попали в толпу встревоженных сотрудников офиса. Клерки, бухгалтеры, всевозможные менеджеры стояли и ходили в коридоре,

разгоряченно обсуждая услышанное на собрании. Некоторые женщины даже плакали украдкой.

«Нас точно прикроют! Неспроста Босс раздал зарплаты за два месяца вперед!», «Ой, девочки, я боюсь…», «Что дальше будет? Завтра выходить на работу, или уже всё?» — на каждом шагу слышались слова, наполненные страхом и неуверенностью. Сотрудники испуганно косились на пробирающихся мимо бойцов, обвешанных оружием, облаченных в бронежилеты и тактические шлемы.

— Что случилось то? — Одинец поймал какого-то задохлика в толстых очках, пытавшегося прошмыгнуть мимо.

— Сэр, я не знаю, сэр… — сбиваясь, пролепетал тот, испуганно глядя на безобразно скуластое лицо Бэтэра. — Нам на карточки за два месяца зарплату перечислили и велели расходиться по домам…Сэр…

— Я тебе за сэра сейчас ноги узлом завяжу, понял?! — Виктор схватил задохлика за шиворот, отрывая от пола.

— Д…да… Т…т. товарищ… — очкарик, казалось, с секунды на секунду потеряет сознание от ужаса.

— Витек, да оставь ты его! Видишь, пионер сейчас в штаны наваляет! — легонько хлопнул Одинца по плечу идущий сзади Погожин.

— Ладно… Иди… Пока я добрый… — Бэтэр отпустил очкарика и оскалил лицо в своей фирменной улыбке, от чего у его визави лоб покрылся потом.

— Эй, воины! Вас что, отдельно приглашать надо?! — начальник службы безопасности, отставной полковник ФСБ, Василий Петрович, сурово окликнул пробивающихся сквозь толпу клерков Одинца и Погожина. — Быстро, на улицу! Хозяин сейчас выходить будет! Взяли оружие на изготовку!

Спустя еще десять минут, колонна из трех бронированных «гелендвагенов», вырулила из ворот внутреннего дворика бизнес-центра. В головном ехал Петрович, вместе со своими бойцами, замыкал колонну «гелик» с охранниками офиса, а в центре катил сам Шклович, с женой и сыном. Вести машину доверил Погожину, рядом с которым расположился Одинец.

Дорога до аэропорта заняла гораздо меньше времени, чем обычно. Головная машина отгоняла зазевавшихся водителей крякалкой, а некоторых, особо непонятливых, просто оттирала бампером в сторону. Обиженно сигналя клаксонами, отодвинутые останавливались, создавая за собой заторы, колонна же депутатских внедорожников неслась вперед, стремительно пробиваясь к аэропорту.

Менее чем за час, семейство Шкловичей усадили на

чартерный рейс, отбывающий на какой-то карибский остров, и затянутые в черную униформу бойцы личной армии депутата оказались предоставлены сами себе.

— Петрович, нам что теперь делать? — задал вопрос кто-то из парней. Виктор едва его знал, почти не пересекались.

— Мужики… Знаю мало… — заговорил начальник службы безопасности, моментально окруженный фигурами в черном. — Сегодня ночью в Москве вспышка бешенства произошла, передается при укусе и очень быстро развивается. Не спрашивайте, много не знаю, депутат сказал про человеческое бешенство, а моя бывшая контора на ушах стоит, не до меня им сейчас. Известно, что менты подкрепление в город стягивают, возможно объявят карантин. В общем, всех распустили по домам. Планктон получил зарплату за два месяца на карточки, а нам, вот…

Полковник достал из сумки, висящей на плече, пачки пятисотенных купюр евро, отдавая каждому из бойцов по два розовых кирпичика. Закончив раздачу, он отбросил опустевшую сумку в сторону.

— До особого распоряжения, если оно будет, свободны. Вопросы есть?

— Это ж за четыре года зарплата! — удивленно спросил один из бойцов, разглядывая пачки денег, остальные скупо мотнули головами.

— За молчание доплата, квартиру купи! Если вопросов нет, значит по машинам, и домой. Удачи, братцы! — забираясь в машину, полковник показал пятерню оставшимся на стоянке, после чего заполненный его людьми «гелик» шустро покатил к выезду со стоянки.

— Дима, куда податься решил? — Одинец и Погожин ехали обратно, по-прежнему в одной машине, проталкиваясь через дорожную суету Ленинградского шоссе.

— Сначала домой, вещи соберу. Потом не знаю. Неохота к очередному «папику» в бодигарды идти, если наш надолго на острова улетел. С бывшими свяжусь, может с ними на базу «Знамени» Подразумевается отряд российского спецназа, со схожим по смыслу названием. Поеду, если примут.

— А что, есть проблемы?

— Как тебе сказать… В общем, есть. С командиром не заладилось. Меня после одной командировки… Ушли, короче. — Дмитрий говорил, не отрывая взгляд от дороги.

— Брат… Понимаю… — сочувственно кивнул напарнику Бэтэр, сам не единожды находившийся на грани увольнения из-за своего неуемного характера и переходившей границы

дозволенного жестокости к пленным боевикам. — Влип куда, или?..

— Или. — Погожин нахмурился, проезжая мимо странной троицы, расположившейся на тротуаре рядом с дорогой. — Смотри, что они там делают?

Одинец присмотрелся к двум тучным, неряшливым теткам, присевшим у лежащего на асфальте подростка.

— Они его… Они его жрут! — удивленно и возмущенно воскликнул Виктор, присмотревшись к происходящему на тротуаре.

Дмитрий чуть притормозил, разглядывая непонятную сцену. Руки и лица теток, измазанные красным, выглядели так неестественно, словно здесь снимали дешевый фильм ужасов, с кетчупом вместо крови. Но для глаз, много раз видевших кровь, сомнений не оставалось.

— Да что ж такое, жрут пацана, твари! Дима, тормозни! — Бэтэр начал заводиться, порываясь открыть дверь. — Упакуем этих сук!

— Не надо. — спокойно, даже слишком, ответил Погожин. — Звони ментам, это их работа.

— Что значит не надо? — взревел Одинец, развернувшись к ведущему машину Погожину. — Жрать людей, да еще прямо на улице, это пиздец! Тормози, говорю!

— Не надо! — рявкнул в ответ Дмитрий. — Слышал, что Петрович сказал?! Бешенство какое-то, а вдруг эти бабы кусаться начнут? В кровищи извозимся к тому же. Звони ментам!

Виктор зарычал, стиснув зубы, но спорить не стал, доводы напарника показались ему разумными. Достав из кармана мобильник, набрал номер оперчасти.

— Занято у них! Не пробиться! — Одинец несколько раз попробовал дозвониться, тщетно повторяя вызов.

— Подожди немного, попробуй снова. Может, мы не единственные, кто видел этих… бешеных?

Дмитрий свернул с проспекта на дорогу, ведущую вглубь микрорайона и едва не столкнулся с вставшей поперек дороги машиной «Скорой помощи».

— Ах ты, бль… — хотел было выругаться Дмитрий, но увидел нечто, заставившее его замолчать.

Из-за стоящей поперек полосы «Скорой», вышел некто, чье существование противоречило самой природе. Судя по одежде, это был рабочий — кроме спецовки на нем красовалась ярко-оранжевая жилетка, в данный момент густо залитая кровью. Правой его руки практически не было, вместо предплечья болтались обглоданные кости, с шеи и половины лица свисали

лохмотья изодранной плоти. Он двигался как-то дергано, с трудом переставляя ноги. Дойдя до капота, стоящего перед ним «Гелендвагена», несчастный уперся животом в «кенгурятник» и замер.

— Мать твою, это что такое?!! — воскликнул Бэтэр, рассматривая стоящего у машины человека, покрытого страшными ранами. — Как он вообще ходит? Ты видишь, у него вены рваные из шеи свисают!

— На глаза посмотри, жуть какая! — Дима просто прикипел взглядом к стоящей неподвижно, словно манекен, фигуре рабочего.

— Ну нахрен, они у него что, сварились? — Виктор поежился от холодка, пробежавшего по спине.

— Витек, он же жить не должен, с такими ранами… — Дмитрий приоткрыл тяжелую дверь и крикнул израненному работяге. — Эй, ты! А ну отошел от машины!

Неподвижная фигура тут же встрепенулась, хлопнув уцелевшей рукой по капоту, будто пытаясь убить сидящую на нем муху. Рабочий задвигался, дергаясь при каждом шаге, и пошел к открытому окошку, протягивая перед собой уцелевшую руку.

Дмитрий немедленно закрыл дверь, внимательно наблюдая за действиями непонятного типа сквозь тонированное наглухо окно. Тот прошел мимо машины, слегка задев зеркало, и поковылял дальше, в сторону шумящего сотнями моторов Ленинградского шоссе.

— Если это был больной, то, где же врачи? — Дмитрий опять стал рассматривать «Скорую», стоящую перед ними.

Несмотря на то, что двери машины были распахнуты, никакого движения вокруг не наблюдалось. Не суетились врачи, не бегал вокруг водитель.

— Я посмотрю, что там… Сиди, жди! — Виктор натянул на голову шлем, одел перчатки и вытащил из кобуры пистолет.

— Аккуратнее там… Непонятное что-то творится! — предостерег напарника Дмитрий. — Если что, бегом в гелик, он бронированный. И за этим, обгрызенным, посматривай.

Оглянувшись на всякий случай, Виктор выскользнул из машины. Взяв оружие наизготовку, аккуратно подошел к кабине «скорой» заглянул в нее, затем присел, заглядывая под днище кареты. Секунду посмотрев, обернулся в сторону «гелика» и показал пальцами сначала «три», затем средним и указательным себе на глаза. «Вижу троих».

Выпрямившись, Одинец подошел к распахнутым задним дверям, заглянул в салон и отшатнулся. Что он там увидел, Дмитрий не знал, но понял, что увиденное шокировало коллегу.

Тем временем, тот скрылся за машиной, несколько секунд его не было видно, но неожиданно он резво выскочил из-за белого кузова, размахивая руками. Дмитрий распахнул ему навстречу дверь, и Одинец, ни мгновения не мешкая, пулей влетел в салон, несмотря на свои немаленькие габариты.

Вслед за Виктором, переводившим дыхание после резкого рывка к машине, из-за «Скорой» вышла странная медицинская бригада. Впереди шла, с трудом переставляя ноги медсестра, в синем медицинском костюме, почти полностью залитом кровью. За ней, толкаясь плечами, так же неуклюже ковыляли медик и водитель, измазанные в крови не меньше женщины. На руках всех троих зияли рваные раны, выглядевшие так, словно от них откусывали куски мяса, такая же рана изуродовала полноватое лицо медика, делая его отдаленно похожим на попавшего в передрягу Терминатора. Все трое, выйдя из-за машины, остановились, водя головами в стороны, будто пытаясь что-то отыскать.

— Витя, что с ними? — спросил Погожин, стискивая руль внедорожника так, что его пальцы побелели.

Одинец сначала выругался, витиевато и грязно, затем на секунду замолчал.

— Хрен их маму знает, что с ними случилось! Выглянул из-за скорой, а они там стоят, как манекены! Позвал их, а они развернулись, и своими белесыми буркалами на меня уставились, страшными как сама смерть! Никогда ни от кого не бегал, а тут ноги сами понесли! И в машине такое, что чуть харчи не метнул! Всё в кровище, куски мяса валяются!

Закончив, Бэтэр снова выругался, не спуская глаз с топчущихся на месте медиков. Погожин, посмотрев на напарника, достал из кармана разгрузки телефон и принялся звонить в милицию. После дюжины тщетных попыток дежурный наконец-то ответил, усталым и тревожным голосом.

— Дежурная часть… Старший лейтенант Пилипчук…

— Алло! Старлей, здесь четверо трехсотых, бригада скорой и рабочий! — с металлом в голосе сообщил Дмитрий. — Рабочий, похоже, под наркотой! Находимся на Прибрежном переулке, рядом с поворотом на пляж!

— Кто говорит? — голос дежурного заметно подтянулся в ответ на командирские интонации Дмитрия.

— Капитан спецназа ФСБ Погожин! Еще вопросы? Выезжайте немедленно!

Въевшиеся в сознание за десятилетие армейской службы рефлексы заставили Одинца невольно выпрямиться, словно по команде «Смирно!».

— Так точно, товарищ капитан! Только у нас свободных машин нету, но я постараюсь направить к вам ближайшую… Не предпринимайте ничего, подобные случаи по всему городу происходят, с ума все сходят…

— Принял! — Рявкнул в трубку Дмитрий и отключился от разговора.

— Вольно, прапорщик! — чуть повернувшись в сторону напрягшегося Виктора, отдал команду Погожин и чуть заметно улыбнулся. — Что, старые привычки?

— Хех, в корень зришь, капитан! — ощерился Бэтэр, расслабившись. — Ждать ментов будем?

— Подождем… Только немного отъедем. Хочу посмотреть, как пэпсы Пэпсы, ППС — Наряд патрульно-постовой службы МВД с этими…..врачами… разговаривать будут. Не нравятся они мне, сбежавший пациент тоже. Странно это всё. Неправильно.

— Спецура, в натуре! Оценить ситуацию, разработать тактику! А я бы вписался, помог! — пробасил Виктор. — Хоть они и страшные.

— Сначала бабы, пацана жравшие, теперь эти… Что за бешенство такое, если ночью появилось, а в полдень они уже на каждом шагу? — Дмитрий недовольно бормотал, прижимая «гелик» к обочине, метрах в тридцати от застывшей троицы раненных врачей.

Ждать пришлось недолго. Минут через десять на встречной полосе, завывая сиреной и мигая гирляндой на крыше, показался патрульный «УАЗ». Подлетев к врачам, обернувшимся в сторону громких звуков, машина остановилась, почти сразу из нее выскочили двое милиционеров. Видно было, как они говорят что-то врачам, завороженно смотрящим на мигающие огни маячка на крыше. Очевидно, сказанное патрульными до них не доходило, и один из ментов подошел к медику с разорванным лицом, легонько толкнув того в плечо.

Реакция раненного заставила Виктора с Дмитрием подскочить на креслах внедорожника. Медик протянул к патрульному руки, вцепился в него, тут же потянувшись окровавленным ртом к шее служителя закона. Тот закричал, пытаясь вывернуться, но хватка раненного оказалась слишком цепкой. К тому же, его израненные товарищи тоже потеряли всякий интерес к гирлянде УАЗа, дружно вцепившись в пепса. Его коллега, второй патрульный, принялся их оттаскивать, приложившись дубинкой по спине водителя «Скорой», но тот никак не отреагировал. Вместо того, чтобы упасть на землю от боли, он вцепился зубами в руку отчаянно вырывавшегося бедняги.

— Ты как хочешь, а я пошел, не могу смотреть! Они в натуре бешеные! — чуть ли не закричал Виктор.

— Смотри, чтоб тебя не тяпнули! Укусят, в машину не пущу! — ответил Погожин, спокойно рассматривая происходящее на дороге.

Одинец, снова натянув беспалые перчатки, выскочил из «Гелендвагена» и бегом направился к свалившимся в кучу врачам и милиционерам. Второй патрульный кое-как смог оттащить от коллеги тетку-медсестру, но мужики по-прежнему висели на руках орущего матом ППСника, пытаясь дотянуться зубами до открытых частей его тела.

Врезавшись с разгона в одного из медиков своими ста двадцатью килограммами, Виктор отбросил измазанного кровью мужчину на пару метров в сторону. Тот упал, сильно приложившись головой об асфальт, но тут же начал подниматься, не обращая внимания ни на мощный удар, ни на ободравшуюся при падении кожу головы. Одинец добавил ему с ноги, снова сбив на асфальт, и бросился оттягивать последнего напавшего на милиционера. Схватив немолодого уже водителя «скорой» за шиворот, Бэтэр потянул его назад, резко и сильно. Руки мужика наконец-то разжались, освободившийся патрульный отпрыгнул в сторону, зажимая ладонью рану на второй руке.

— Ссуки бешеные, порву нахер! — заорал он, пиная ногой медика, неуверенно поднявшегося на колени.

Вокруг борющихся людей в милицейской и окровавленной медицинской форме уже начали останавливаться проезжавшие мимо машины.

— Вы что делаете, звери?! — возмущённо заорал мужик, высунувшись из окна чёрной «Камри» — совсем охренели, врачей избиваете!

— Что они вам сделали, фашисты?! — подхватила скандал молодая блондинка на сером «фольксвагене».

Кое-как совладав с неуклюжей, но цепкой медсестрой, и накинув браслеты на завернутые за спину искусанные запястья женщины, патрульный рявкнул на водителей, но те лишь больше распалились. От активных действий их удерживал лишь похожий на обезумевшего маньяка Бэтэр, наступивший ногой на барахтающегося водителя скорой и хищно улыбавшийся буйным гражданским.

— Я тебя запомнил, урод! Ответишь за все! — пообещал мужик из «камри», но, увидев, как Виктор достаёт из разгрузки пистолет, поспешил уехать.

Доносившиеся из других машин выкрики также поутихли, но некоторые, не уехавшие вслед за «тойотой», снимали

происходившее на телефоны.

— Спасибо тебе, мужик! — поблагодарил Виктора уцелевший милиционер, помогая своему напарнику промыть и перевязать укушенную руку. — Если бы не ты, Ромку порвали бы, суки бешеные!

— А что вообще происходит, мужики? Мы ещё на Ленинградке видели двух баб, они пацана жрали! — Одинец забросил в УАЗик поднятые с асфальта дубинки.

— Не знаю, капитан… По всей Москве с утра бардак творится. Ночью Москву психи кошмарить начали, на людей бросаются. Где ты сказал, вы двух баб видели?

Виктор подробно описал место происшествия, и пэпсы, поблагодарив его за помощь, укатили разбираться с людоедками, предварительно вызвав подмогу для составления протокола и записав мобильный номер Одинца.

— Капитан… капитан в машине сидит, а я — старший прапорщик… — тихо сказал он вслед удаляющейся патрульной машине.

Фары стоящего неподалеку «гелика» кратко мигнули, и Одинец поторопился к нему, на ходу снимая испачканные кровью перчатки.

— Что менты сказали? — мягко спросил Дмитрий, стоило Бэтэру открыть дверь.

— Что… По всей Москве психи на людей бросаются, а так они толком ничего не знают. Дай салфетку, руки вытереть!

Погожин достал из бардачка пакет влажных салфеток, достал сразу несколько, протянул их Виктору.

— Следаков ещё попросили дождаться, протокол составить… — добавил Одинец, забираясь в уютный салон машины.

— …Только мы их ждать не будем… — продолжил Дмитрий. — Мы сейчас тихонечко уедем, запас благородства на сегодня закончился!

— Дима, ты чего? — Бэтэр уставился на коллегу, выруливающего на встречку, чтобы объехать стоящую на пути карету скорой помощи. — Кино закончилось, поможем бумажки оформить, и все!

— Витек, ты не понимаешь? Кто-нибудь из этих… — Погожин кивнул в сторону стоящих машин, чьи водители и пассажиры до сих снимали происходящее или говорили с кем-то по телефонам. — … покажет твое кино следакам, а у нас в салоне склад оружия! Отмазывать нас уже некому! Кажется, подкаблучник не просто так торопился улететь, назад не вернется!

— С чего ты решил? Первый раз, что ли, уматывает сломя голову? — возразил Виктор догадкам напарника. — В декабре, помнишь, как он торопился на рождество в Женеву? Не, конечно, тогда без артиллерии ехали, и раздачи бабла не было, как сегодня.

— Витя, по-другому было в декабре. Ты же знаешь про его бизнес и партнеров. При старом министре у него все схвачено было, а с новым непонятно пока, этот всего месяц при портфеле… — сказал Погожин, останавливаясь перед светофором. — Таких, как наш подкаблучник, первыми выносят под шумок, вот как это бешенство. За сотнями заболевших никто и не заметит, как одним или двумя депутатами меньше станет.

Некоторое время Бэтэр сидел тихо, о чем-то размышляя.

— Не сходится что-то… — наконец пробормотал Одинец. — У него череп затрещал, а он даже головой не потряс. Поднялся и всё…

— Что ты сказал? — спросил Дмитрий, не отвлекаясь от дороги.

— Я говорю, не сходится! Он должен был вырубиться, приложившись затылком об асфальт, но поднялся, собака, как ни в чем не бывало! От бешенства такого не бывает!

— Витя! Не ломай себе, и мне заодно, голову! — резко ответил Погожин, выруливая на Зеленоградскую. — Дело ясное, надо отсидеться! Поймем, что происходит, тогда думать будем.

Еще минут десять напарники ехали молча, потом Виктор спросил:

— Дима, куда мы едем?

— Сначала ко мне. Потом я тебя подвезу, куда скажешь, дальше каждый сам по себе. Неизвестно, что завтра будет. Устраивает?

Виктор промолчал. Без слов было понятно, что ситуация непонятная. Впрочем, после очевидного бегства депутата сам Одинец не знал, что делать дальше. Оставаться в Москве? Неразумно. Охраняемое тело улетело, денег в кармане надолго хватит, а там, может и прояснится, что к чему. Отличный повод уехать в родную Воркуту, к семье и друзьям. Почти год не виделись…

— Собирайся, уже приехали. — сообщил Дмитрий, заруливая во двор обычной панельной девятиэтажки.

Вокруг дома царила обычная для буднего московского дня жизнь. На лавочках у подъездов сидели старушки, греясь под необычно теплом для марта солнышке, по дорожкам прогуливались две девушки с колясками, что-то весело обсуждая. Возле открытого люка канализации возились рабочие в ярко-

оранжевых жилетах. При виде их Виктора передернуло.

— Может нам все приснилось? — печально сказал Одинец, глядя, как рабочие заталкивают в утробу люка кусок трубы.

— Если бы… — мрачно ответил Погожин, глуша двигатель. — Выходим.

Пройдя мимо старушек, вмиг замолчавших при виде грозно выглядящих «военных», коллеги поднялись на третий этаж. Дмитрий сходу вставил ключ в замок самой обычной двери. Заходя вторым, Виктор прикрыл её за собой, почувствовав немалый вес полотна.

— Ого! Сейфовая, что ли? — спросил у хозяина квартиры, постучав костяшками по металлической поверхности.

— Почти. Из РПГ пробить можно, остальное выдержит. Ботинки не снимай, мы тут ненадолго.

Пройдя в комнату, соединенную с кухней, Виктор осмотрелся. Погожина он знал лишь по работе, да и то, не очень хорошо. Дмитрий почти ничего не рассказывал о себе, излишней общительностью не отличался. Все его общение с коллегами сводилось к рабочим вопросам, поэтому увидеть, как живет коллега, Виктору стало интересно.

Однокомнатная квартира отличалась, от привычного всем жилья, заметной аскетичностью. Шкаф, кровать на одного, холодильник, стол, стул, небольшая книжная полка у кровати. Почти никакой кухонной утвари, кроме пары тарелок, кружки, электрочайника и микроволновой печи. Если бы не сейфовая дверь и бронированные окна с плотными, черными шторами, можно было бы подумать, что Дмитрий просто снимает недорогую квартирку без мебели.

— Небогато живешь… — заметил Одинец, обернувшись к Дмитрию, доставававшему из шкафа объемную сумку.

— Лишнего не люблю. — кратко ответил Погожин, вытаскивая из глубины шкафа плоский прямоугольный кофр-чемодан.

— Что там у тебя? — поинтересовался Виктор.

— Сейчас увидишь.

Аккуратно уложив кофр на стол, Дмитрий расстегнул замки, раскрыв чехол полностью. Внутри, в углублениях, вырезанных по форме оружия с прицелами, лежали две снайперских винтовки. СВД со складным раздвижным прикладом и прицелом «Миллетт», установленным на боковую планку. Второй ствол Виктор не мог распознать, он не был похожа ни на один из знакомых ему образцов оружия. Рядом с винтовками, в специальных углублениях, располагались магазины, пеналы для масла и средств ухода, глушители к обоим стволам, ночной прицел.

— Серьезные у тебя скрипочки… — Чуть слышно присвистнув, сказал Виктор. — СВД узнаю, вторую нет.

— Мосинка. Переделанная под современные требования.

Только сейчас Виктор обратил внимание на характерный для трехлинейки скользящий затвор. Но все остальное — телескопический приклад с компенсатором отдачи и щекой, пластиковое ложе, планки под прицел и сошки, обрезиненная пистолетная рукоять, отстегиваемый магазин, пламегаситель заграничного вида, свежее воронение сделали старую добрую мосинку неузнаваемой.

— Тщательно отобрана с хранения, снайперская модель военных лет производства. На фронте не побывала, к счастью. Переделывал сам, целый год старался.

— Нифига себе… — восхитился Виктор — Как она в работе?

— Как чистый спирт на голодный желудок! — ухмыльнулся Дмитрий, поглаживая затвор винтовки. — С правильным патроном на полтора километра можно работать, а больше и не надо. Ну и, боеприпас с СВД одинаковый, удобно.

Погожин опять забрался в недра шкафа, вытащив большую черную сумку спортивного образца. Выудив из неё несколько коробок с патронами, принялся снаряжать винтовочные магазины.

— Зачем тебе такие плетки[1]? — Бэтэр с удивлением наблюдал за действиями коллеги. — На охоту, что ли, ходить?

— Виктор, я никогда не ждал от жизни ничего хорошего. — Погожин говорил отрывисто, загоняя патроны в магазины привычными движениями. — Сегодня депутат побежал, через год выборы президента… Начнется вдруг в стране анархия, начнется дележка ресурсов, грызня за власть. Как в девяностые было, или хуже. Человек человеку волк, выживут только сильнейшие. Те, у которых в наличии хорошие зубы. Вот у меня есть два хороших клыка, да в машине недо-калаш и мурка, один пистолет, второй пистолет…

— Второй пистолет? — Виктор удивленно поднял брови. — Что за волына?

— Апэбэ. АПБ — Бесшумная версия пистолета Стечкина, «Автоматический пистолет бесшумный» — лаконично ответил Погожин, не прекращая сборов.

Распихав по карманам перевязочные пакеты, фонарик, НАЗ, прочую мелочевку, Дмитрий оглянулся по сторонам, проверяя, не забыл ли что-нибудь важное, затем подхватил кофр и одну из сумок, вторую взял Виктор.

— Ну, в путь! — скомандовал Погожин. — На дорожку присаживаться не будем.

Покинув дом Дмитрия, коллеги опять оказались в мирной тишине московского двора. Впрочем, тишина длилась не долго. Открыв заднюю дверь «Гелендвагена», коллеги напряжённо замерли, услышав автоматную очередь, прозвучавшую со стороны дороги. Всполошено взлетели голуби, клевавшие крошки у одного из подъездов, сидящие на лавочке бабульки начали испуганно озираться.

— Чует моё сердце, мы накануне грандиозного кипеша… — пробормотал Одинец, напряжённо осматриваясь по сторонам и сжимая рукоять пистолета, торчащую из разгрузки.

Выстрелы больше не звучали, но старушки дружно засобирались домой, а Виктор, забросив сумку в багажник «гелика», крикнул женщинам с колясками, чтобы те шли по домам с неспокойной улицы.

— Дядя, не надо нас учить! — грубо отозвалась одна из них. — сами знаем, что нам делать!

Бэтэр хотел что-то сказать неразумной грубиянке, но передумал, в сердцах плюнул себе под ноги и запрыгнул в бронированную утробу машины.

— Дуры бль… — выругался Виктор. — Защищай таких, сами в пекло лезут…

Погожин тем временем включил радио, настроившись на новостной канал. Сразу же тишина комфортного внедорожника наполнилась встревоженным голосом диктора:

— Сегодня на улицах столицы были замечены агрессивно настроенные граждане, нападающий на мирных жителей. В результате нападений имеются жертвы. Ситуация находится под контролем, просим соблюдать спокойствие…

Что диктор говорил дальше, ни Виктор, ни Дмитрий уже не слышали. Едва выехав на Зеленоградскую, они чуть не столкнулись с красным «ниссаном», вылетевшим со встречной полосы. Подпрыгнув на бордюре, седан остановился, водительская дверь распахнулась и на газон кубарем выкатился окровавленный мужик с зияющей раной на правой стороне шеи. Пытаясь зажать рукой рану, из которой обильно лилась кровь, он тщетно стремился подняться на ноги, силы быстро его покидали. Сделав пару рывков в сторону от машины, он распластался на земле и затих.

Вслед за мужиком из машины вылез подросток, лет шестнадцати. Израненный, измазанный свежей и запекшейся кровью, в изорванной одежде, он выполз на землю, дерганными движениями приближаясь к лежащему на земле мужчине. Иссине-бледная кожа, совсем не похожая на кожу живого человека, жадно раскрытый окровавленный рот, делали его похожим на упыря из

фильмов ужасов. Добравшись до своей жертвы, он впился зубами в плоть лежащего, оторвав от нее изрядный кусок.

— Ща блевану… — сдавленным голосом сказал Бэтэр, наблюдавший ужасную сцену, развернувшуюся в пяти метрах от его окна.

Дмитрий, развернувшись, наблюдал за происходящим, внешне спокойно. Только перекатывающиеся под щеками желваки выдавали его состояние. Несколько минут коллеги, не в силах сказать ни слова, наблюдали за отвратительной сценой людоедства.

— Ну ннах… — наконец не выдержав, сказал Виктор, доставая из разгрузки пистолет. — Завалю гада!

Выбравшись из машины, он с трудом подавил рвотный позыв, наблюдая, как пацан отрывает зубами, с хрустом и мокрым хлюпаньем, очередной кусок мяса.

— Эй, ты, урод!!! — заорал Бэтэр. — А ну отвалил! Встать, сука!

Подросток на мгновение замер, поднял на Виктора свои немигающие, подернутые мутной пленкой глаза, и не выпуская изо рта окровавленный ошметок, пополз на четвереньках в сторону Одинца, неуклюже перебирая конечностями.

Первый выстрел вздыбил землю прямо перед лицом ползущего, но тот даже не дернулся, на ходу заглатывая, с отвратительным чавканьем, страшную добычу. Вторая пуля пробила ему предплечье, но он, как ни в чем не бывало, двигался дальше, не сводя с Виктора своих белесых глаз, наполненных запредельной злобой.

Выстрелив в подростка третий раз, Бэтэр отступил на несколько шагов назад, чтобы немного разорвать расстояние. Упырь, приняв пулю в плечо, лишь стал сильнее дергаться, припадая на раненную руку. Издавая какой-то сипящий звук, он неумолимо приближался, разевая окровавленную пасть.

— Сдохни, тварь! — Виктор, не выдержав, дважды выстрелил прямо в лицо упыря.

Подросток, не дернувшись и не закричав, упал на прелую траву газона, словно сломанная кукла. На мгновения, показавшихся Бэтэру вечностью, стоявшему над поверженным существом, вокруг воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь шумом моторов, проносившихся мимо машин.

— Уубиииилиии!!! Рееееебееенкааа уубиииилиии!!! — вдруг разорвал тишину неистовый вопль, переходящий в вой.

На тротуаре, в десятке метров от Виктора, упала на колени истошно завывающая старуха. Еще несколько человек замерли в отдалении, напряженно наблюдая за страшным громилой с

пистолетом в руках, стоящим над мертвым пацаном.

— Витя, бегом в машину!!! — заорал Дмитрий, высунувшись из окна. — Бегом, я сказал!

Дернувшись, было в сторону ожидавшего коллеги, Бэтэр внезапно остановился, не веря своим глазам. Мужик, изорванный подростком в лоскуты, нелепо встрепенулся, потом дернулся еще раз, и еще. Выставив в сторону негнущуюся, будто деревянную руку, он сделал попытку опереться на нее, но упал. Снова дернувшись, словно от удара током, мужчина приподнялся на руках, шатаясь, затем неуклюже, норовя опрокинуться, поднялся на ноги. У людей, стоящих неподалеку, вырвался крик ужаса, а Виктор, стоявший позади мужика, отчетливо увидел оголенный от кожи позвоночник. Кровь из ран на шее уже не лилась ручьем, лишь сочилась, стекая по руке каплями на землю.

Мужик сделал один, второй, третий шаг в сторону кричащих людей. С трудом двигаясь на негнущихся ногах, он шел в сторону тротуара. Стоило ему сделать пару шагов, как молодая парочка, запнувшись друг о друга, дала деру, вихрем промчавшись мимо уронившей на асфальт пакет с покупками женщины средних лет, застывшей, как статуя. Пожилой мужчина, со следами давнего пьянства на лице, упал на зад, беспомощно хватая ртом воздух, пытаясь что-то сказать или закричать.

Первым из оцепенения вышел Виктор. В несколько прыжков приблизившись к бредущему мужику, раскачивающемуся при каждом шаге, Бэтэр на ходу ударил его в спину локтем. Развернувшись вокруг оси, мужчина широко взмахнул руками и кулем рухнул на землю. Чтобы сразу же зашевелиться, пытаясь подняться, будто и не было сильнейшего удара. Повернувшись лицом к Одинцу, он издал тихий сипящий звук, совсем как покойный пацан, затем, приподнявшись на локте, мужик потянулся свободной рукой к Виктору, уставившись на него мутными злобными глазами…

— Ну нахер!!! — заорал Виктор, поднимая пистолет и целясь в лоб мужику. — Ты не можешь жить! Сдохни!

Влетевшая в лоб нежити пуля вырвала из черепа изрядный кусок, забрызгав траву розоватыми ошметками. Старуха на тротуаре завизжала, переходя на ультразвук, а Виктор, оглянувшись на замерших в ужасе женщину и старика, сунул пистолет в разгрузку и быстрым шагом направился к распахнутой двери, все еще ожидавшего его «Гелендвагена».

— Ссука, ссука, ссука! — злобно шипел Бэтэр, ерзая на сидении. — Не живут с такими ранами, не живут!

— Не живут… — тихим, спокойным голосом ответил Дмитрий после долгой паузы. — Ты пацану пулю в ключицу

сверху вогнал, после такого никто не сможет выжить. У мужика голова болталась, как у сломанной куклы, слева мясо до костей было выдрано. Они не были живыми, Витек!

— Что ты хочешь сказать, мертвые, что ли, ходили и ползали?! Так не бывает!

— Мне тоже слабо верится… — всё тем же ровным голосом сказал Погожин. — Но я раньше никогда не видел, чтобы человек с выдранным горлом поднялся на ноги. Помнишь работягу возле «скорой» и врача с половиной лица? Они тоже не должны были ходить. Куда поворачивать, товарищ штурман?

— На «Тимирязевскую» рули, прямо возле метро двадцать второй дом, большой такой, не пропустишь… — Виктор не договорил, увидев бредущую по тротуару фигуру, нелепо шатающуюся при каждом шаге. — Еще один…

Ходок протягивал руки к идущим навстречу людям, но те, испуганно отскакивая в стороны, спешили пройти мимо, оглядываясь на несчастного. Проехав мимо, Дмитрий заметил, как пешие патрульные торопятся в сторону шатуна.

— Витя, что еще странного ты заметил? Я-то, в машине все время, а ты сломя голову на передовую рвешься. — Дмитрий обернулся на секунду к Бэтэру.

— Да ты и сам все видел, ранения, несовместимые с жизнью, буркала мутные, людей жрать пытаются — Виктор сглотнул подкативший к горлу ком и продолжил. — Вот, у врачей в машине был запах такой… Ну как заветрившееся мясо, только резче, ацетоном полить. Может, что-то медицинское разлили, не знаю.

— И откидываются они только после попадания в голову… — добавил Погожин. — Вчера ещё такого не было, а сегодня взрыв, бегство депутата, живые-неживые на улицах. Вот что, Витя… Езжай к себе на родину, а я к своим в «Знамя». На тебе два «холодных», по любому надо валить. Если что-нибудь узнаю, или тебя искать начнут, сообщу.

— Хорошо, дружище! — чуть повеселев, ответил Бэтэр.

Остаток пути коллеги ехали, слушая радио. Несколько раз Дмитрий притормаживал возле очередной шатающейся фигуры, валко идущей в неизвестном направлении. Возле дома Виктора, пропустив несущуюся с сиреной «скорую», Дмитрий свернул в сторону двора, но въезжать не стал.

— В багажнике спортивная сумка с тряпьем, вытряхни его. Свои стволы упакуй, не свети лишний раз. Удачи тебе, старший прапорщик!

— Бывай, капитан! Даст Бог, свидимся!

Одинец крепко пожал руку товарища, выпрыгнул из машины,

повозился у багажника, пакуя вещи в большую спортивную сумку, ещё раз махнул рукой на прощание и пошёл к своему подъезду. В отличие от двора Дмитрия, здесь было совсем пусто, только две кошки сидели у подвальной отдушины, настороженно выслеживая кого-то.

Дома Виктор не хотел долго задерживаться. Улететь всё равно не получится с оружием, а на машине лучше выезжать сегодня, чтобы по пути домой заехать в Ярославль, к Денису. Утрамбовав на дно большого походного рюкзака зимнюю куртку, перегрузил из холодильника и кухонного шкафа дюжину консервных банок, несколько армейских ИРП, запасенных скорее по привычке, чем из необходимости, початую палку сырокопченой колбасы, двухлитровую «сиську» пива, поверх еды загрузил белье, пару футболок, мыльно-рыльные принадлежности, в боковые карманы сунул аптечку и несколько шоколадок. Затем достал из сейфа свою персональную артиллерию — карабин «Вепрь» двенадцатого калибра, оснащённый не хуже депутатского арсенала, но без излишеств, а потом и патроны с магазинами. Оружие и пустые магазины упаковал в чехол, а боеприпасы уложил в служебный рюкзак. Повертев в руках подаренный коллегами нож «Гэлакси», пугающих размеров тесак с пилой, брутально выглядящий, но не слишком практичный, отправил его вслед за патронами. Затем тщательно почистил пистолет, перезарядив опустевший магазин. Немного подумав, по-быстрому принял душ и перекусил остатками продуктов из холодильника.

Закончив со сборами, Виктор позвонил родным в Воркуту, с удовольствием услышав, что у них все хорошо, обрадовал семью известием о скором приезде, собрал вещи и уже направлялся к двери, как вдруг телефон зазвонил. Поставив сумку на пол, Одинец достал звонящую мобилу.

— Алло, Витек! — звонил Погожин. — Я тут поговорил со знающими людьми. Без подробностей, всё плохо. Мотай из города, Москву могут закрыть на карантин, эпидемия. Чиновники бегут все, кто куда может. Как мы и думали, мёртвые оживают, бросаются на живых и те становятся такими же. Убить можно только выстрелом в голову. Всё понял?

— Понял, Дима. Спасибо. Сам как?

— К своим еду. Отбой, удачи.

Вздохнув, Одинец сунул трубку обратно в карман, смачно выругался. Если бы он своими глазами не видел оживших мертвецов, то решил бы, что у его коллеги крыша поехала. Но события трехчасовой давности были слишком очевидны — случилось нечто страшное, о настоящих масштабах бедствия пока

можно лишь догадываться. В том, что за эпидемией неизбежно начнутся смутные времена, с падением экономики в тартары и новыми «девяностыми», можно было не сомневаться.

Подумав ещё немного, Виктор достал несколько пачек патронов, забил ими все магазины к «Вепрю». Упаковав все обратно, в чехол и рюкзак, позвонил отцу, категорично приказав потратить все наличные деньги на запас продуктов и воды, запереться дома и ждать его приезда. Затем сделал два коротких звонка, Денису в Ярославль и владельцу арендуемой квартиры. Закончив со звонками, Одинец снова накинул на плечи рюкзаки, подхватил увесистую сумку, запер квартиру и оставил ключи в почтовом ящике. Добравшись до гаражей, уложил поклажу в купленную недавно «буханку», адаптированную под серьезное бездорожье прежним владельцем, забрался в удобную, грамотно переделанную кабину, выехал на Алтуфьевское шоссе и покатил в сторону выезда из Москвы, свернув по пути на АЗС, чтобы залить под горлышко бак машины и четыре пустые канистры.

За то время, что Одинец собирался в дорогу, обстановка в городе заметно ухудшилась, звуки стрельбы раздавались непрерывно. Казалось, Москва празднует очередной новый год, с той лишь разницей, что шатающиеся фигуры на улицах были не перепившими шампанского безобидными гражданами, но мертвецами, восставшими против законов природы и всего живого.

Заправившись и выбравшись за кольцевую, по не слишком загруженному машинами Алтуфьевскому шоссе, в объезд вечно забитой Ярославки Ярославское шоссе. Во все времена славилось гигантскими пробками., Виктор поехал через многочисленные коттеджные поселки, продолжавшие жить своей обычной, размеренной жизнью. Изо всех сил хотелось верить, что всё плохое останется там, внутри кольца МКАД, кольцо — Московская Кольцевая Авто Дорога, что это ненадолго… Но, после всего увиденного, впадать в благостные ожидания слишком глупо, к тому же дома ждет семья, надо торопиться.

Проехав Пушкино, Виктор вырулил на Ярославское шоссе. Поток машин из Москвы оказался намного плотнее, чем в обычные дни. Встречка наоборот, выглядела довольно пустынной. Первое доказательство, подтвердившее слова Погожина о карантине, прорычало мощными двигателями перед поворотом на Сергиев Посад. Колонна из полутора десятков БТР и топливозаправщика, ведомая машиной ВАИ ВАИ — военная автоинспекция. И штабным УАЗом, пронеслась в сторону столицы, наполнив вечерний воздух тяжелым запахом дизельной гари. Вторая колонна, усиленная БМП-2, встретилась на

девяносто шестом километре. Если в Москву со всех сторон стягивались такие силы, то оставалось лишь порадоваться тому, что вовремя уехал. Виктор не понаслышке знал, как блокируются города или целые районы.

Ответив на звонок отца, сообщившего что все имевшиеся деньги потрачены на воду, гречку, рис и консервы, а женщины загнаны в квартиру, Одинец повеселел, и, насвистывая какую-то мелодию, продолжил свой путь в сторону Ярославля. Оттуда, переночевав у друга, он собирался начать долгую и тяжелую поездку до родной Воркуты…

* * *

— Валентина Ивановна, там больной в реанимации, которого с московского самолета с инфарктом привезли, поднялся и по палате ходит! — встревоженная медсестра вбежала в ординаторскую, где собрались для короткого ужина врачи кардиологического отделения воркутинской больницы скорой медицинской помощи. — Я ему сказала лечь, а он не слушается и вообще какой-то заторможенный!

— Ивановна, пейте чай, я схожу разберусь. — заверил начальницу Иван Сергеевич, талантливый хирург, два часа назад оперировавший непослушного больного. — Если сам не справлюсь, Тася вам позвонит…

Глава 4
Денис Хворостов, сотрудник ЧОП «Легион»

20 марта, Ярославль

Обожаю первые часы после сдачи дежурства сменщику. Отписался, сдал ключи, и свободен, на целых два дня! Спи, гуляй, блаженство, одним словом! Выехав за проходную в наилучшем настроении, заехал по дороге домой в «Лотос», жадно забил телегу продуктами, без спешки завёз покупки домой, поболтал у подъезда с соседом, Степанычем. Старый хрыч, любитель пришельцев и шапочек из фольги, в этот раз поведал, что в Москве на улицы выпустили боевых людоедов из секретных лабораторий кровавой гэбни. Мол, на Красной Площади средь бела дня чуть ли не президента съели…

Расставшись с запойным фантазером, я вытряхнул из ушей насыпанную им клюкву, плотно пообедал, слушая свежий концерт «Чайфа», и рванул к Саньке на работу, забирать любимую домой. По пути загнал свой трехдверный «Паджеро» на шиномонтаж, сменить зимнюю резину на летнюю, коль уж весна так резво победила зиму, раньше обычного очистив землю от снега и наполнив воздух ароматом пробуждающейся от спячки природы. Погревшись полчаса на теплом солнышке, с пластиковым стаканом кофе в руках, запрыгнул в удобное кресло своего железного коня, и мягко шурша летними колесами по асфальту, выехал обратно на проспект Октября, оттуда на проспект Ушинского, а с него, через Богоявленку Богоявленская площадь, г. Ярославль., на Московский проспект. Центр города жил бурной, активной жизнью, словно не чувствуя разгар рабочей недели — по тротуарам шествовали толпы молодых мужчин, увешанных символикой московского «Спартака» и ярославского «Шинника». Ага, сегодня же товарищеский матч, всю неделю об этом на работе мужики спорили, да афишами город оклеен…

На проспекте меня встретила очередная неожиданность — по встречной полосе двигалось непривычно много машин с московскими номерами, создавая совсем не шуточную пробку. Часть едущих сворачивала на Большую Октябрьскую, остальные, закрыв дорогу сплошным железным ковром, дожидались своей очереди. Наша полоса тоже встала, видимо, впереди на

перекрестках кто-то кого-то не мог пропустить. Как всегда…

Рассматривая сидящих в московских машинах, я не мог отделаться от мысли, что здесь что-то не так. На фанатов «Спартака», едущих на сегодняшний матч с «Шинником», большинство из них не были похожи. Простые мужики, женщины, дети, старики… В значительной части машин люди сидели вчетвером, с баулами на руках. Не иначе, как туристы. Хотя… Куда их столько едет? Ярмарка, что ли, в окрестностях Ярославля начинается? Определённо, стоит хотя бы иногда включать телевизор, или радио слушать. А, ладно, у Саньки спрошу, она хоть интернет читает, должна быть в курсе событий…

Наконец, протиснувшись на Малую Пролетарскую, я довольно быстро добрался до Речного порта, припарковавшись на полупустой стоянке перед воротами. Пока я гулял и стоял в пробке, часть сотрудников наверняка разъехалась по домам. Алька, после моего звонка о приезде, выскочила довольно быстро, видимо на проходной ожидала, в полной боевой готовности.

— Мяу!.. — первое, что сказала Саня, забравшись в машину. — Милый… Я так тебя ждала!

— Мур! — мой отзыв на интимный пароль не оригинален, но всегда по месту. — Пробка на мосту. Москвичей на дороге почему-то много, весь проспект забили.

— А ты ничего не знаешь? — Алька сделала круглые глаза, искренне удивившись. — Там, в Москве, такие ужасы творятся! Мы с девочками видео смотрели в интернете, и на всех форумах пишут!

— Ага, боевые людоеды президента съели, как же! — вспомнив разговор со Степанычем, глумливо ответил я.

— Деня… — моя любимая вдруг стала серьезной, в глазах промелькнула тревога. — На самом деле, в Москве людей едят на улицах… Много роликов и фоток, ужас просто!

— Аля… Ну что за бред? Очередной Мигалков или Понтарчук снимают очередное говнокино, запустили ролики в сеть для раскрутки. А вы и ведетесь! Вон, сейчас домой поедем, увидишь сколько спартаковцев по центру с мясными флагами ходит. Если бы там людей на улицах ели, в Белокаменной давно бы войска на улицах были, а не в футбол играли!

Кажется, мои слова подействовали на Саню, она сразу успокоилась и расслабилась. Накрыв мою руку своей, изящной и нежной ручкой, она улыбнулась, и я завел машину. Скоро окажемся дома, а там… Соскучился по ней…

Домой добирались непривычно долго. Сначала по Московскому до моста, затем через площадь и Первомайскую. На улицу Свободы сворачивать не стал, она всегда забита, хоть так и

ближе. Саня сидела молча и рассматривала происходящее на улицах. Стайки фанатов обеих команд предстоящего матча, размахивали шарфами и флагами, пивными банками, орали свои кричалки, причем местами встречи фанов с милицией выглядели совсем не мирно… Улица Кирова, наш местечковый Арбат и Бродвей в одном флаконе, был забит людьми, как в праздничный день. Глядя на всё это, моя женщина окончательно расслабилась, то и дело пуская в мою сторону шаловливые взгляды. Вечер предстоял жаркий…

Добравшись, наконец, к дому, я вспомнил, что за сегодняшней суетой, забыл о главном — днем звонил Бэтэр, предупредив о том, что заедет ненадолго в гости. И он туда же, в бесконечную вереницу московских визитеров, а у меня, как на зло, ни капли топлива для заправки бронетранспортера… Отправив Альку домой, я быстрым шагом отправился в ближайший магазин, за необходимым атрибутом мужских посиделок.

С бутылкой в руках, и улыбкой на лице, счастливой от предвкушения приятного вечера, я почти вбежал во двор, на ходу доставая из кармана ключи с «таблеткой» от двери в подъезд. Но, внезапно, мой взгляд зацепился за знакомую фигуру немалых размеров, протиснувшуюся в тесную калитку за домом. Игорь, мой друг и сосед, тащил кого-то, едва не взвалив на плечи.

— Денис! Открой, пожалуйста, подъезд! — Лукин тоже увидел меня. — Коляну с первого этажа плохо, помочь надо!

Присмотревшись к мужику, висящему на могучем плече Игоря, я узнал Николая с первого этажа, по жизни мутного типа. Похоже, опять вляпался куда-то — бледный, рука забинтована. Или перепил с утра, с ним такое не раз случалось. На ногах не стоит просто.

— Может, ему в больничку надо? — спросил я, придерживая дверь в подъезд. — Чет он совсем плохой…

— Скорые возле «Шинника» все, там кипеш какой-то. Фаны подрались, что ли. Ментов куча. Сейчас его положим дома, если что, на руках отнесем в ближайшую, на дорогах сам видишь, что творится.

Похлопав по карманам бедолаги, я нащупал ключи и открыл его квартиру, встретившую нас неуютным полумраком. Блеклые обои грязно-желтого цвета, задернутые шторы из плотной, давно выцветшей ткани, тяжелый запах берлоги неопрятного одинокого мужика, паутина по углам…

— Фууу, блин, ну и дыра! — выдохнул Лукин, уложив Коляна на жалобно скрипнувший диван в комнате. — Надо же себя так не любить!

Комната, чья обстановка не менялась, наверное, лет пятьдесят, выглядела не лучше прихожей. Дряхлая мебель, ветхие обои, батарея пивных и водочных бутылок в углу. Из общей картины, навевающей депрессию, выбивались только современный плазменный телевизор с большой диагональю, дорого выглядящий компьютер, опять же, с плоским дисплеем и навороченная стереосистема, стоящая на древнем комоде.

— Глянь, сосед-то наш, любитель хай-тека! — Игорь тоже обратил внимание на модерновую технику. — Эй, Колян! Ты как? Живой?

— Дача… На дачу… — просипел больной, пытаясь непослушными руками достать что-то из кармана.

— Какая дача, родной? В больничку сейчас пойдем! Тебе воды может дать? — Лукин прикоснулся рукой к покрытому испариной лбу Николая. — Ох ничего себе, да ты горишь просто! Денис, принеси воды, лучше в бутылке!

Я мотнулся на убогую кухню, ничем не отличающуюся от остальной квартиры, нашел среди кучи бутылок в углу полулитровую пластиковую, быстро ее помыл, и только сейчас обратил внимание на дорогущий фильтр для воды от известной швейцарской фирмы. Налив из него полную бутылку, отнес её в комнату и отдал Игорю. Пока тот возился с больным, я начал звонить в скорую. Впрочем, безуспешно — линия была занята наглухо.

— Ээээ!.. Ты что надумал?! — вдруг закричал Лукин, державший Коляна под голову. — А ну, дыши давай!

Подскочив к мужикам, я увидел, что глаза больного закатываются, а руки безвольно упали на диван.

— Игорь, он отключился… — сдавленным голосом сообщил я другу. — Первую помощь умеешь оказывать?

Сосед мотнул головой, мол, не умею.

— Быстро ищи нашатырь! Я видел упаковки лекарств, может еще адреналин в ампулах найдешь, быстро! — Отогнав Лукина в сторону, я стащил Коляна на пол, быстро ощупал грудь и начал делать непрямой массаж сердца. Раз, два, три, четыре, пять, пауза. Раз, два, три…

Где-то за спиной, во второй комнате, скрипели дверцы и ящики, на пол что-то падало, слышалась приглушенная ругань, затем Игорь побежал на кухню, устроив там жуткий грохот. Я приложил пальцы к шее больного, пытаясь нащупать пульс. Глухо. Сделав еще несколько попыток запустить сердце, я сел на пол, и откинулся спиной на диван.

— Игорь! Всё, кранты! Помер Коля!

Лукин появился в комнате, держа в руках какие-то пузырьки

и упаковки ампул, на его лице застыло выражение то ли возмущения, то ли злости.

— Нашатыря нету, зато есть вот это! — он протянул ко мне найденные препараты.

— Что это? — удивился я, разглядывая надписи на упаковках.

— Прекурсоры для варки наркоты, мля! — брезгливо прошипел Игорь. — Торчком он был, наверняка передоз словил! Дача ему привиделась, ага! Там везде, в шкафах, в коробках, куча этой срани, он наверняка еще и банчил, сука!

О неистовой ненависти Лукина к наркоманам и барыгам я знал давно. Похоронивший в девяностых половину друзей детства, сгоревших на игле, он терял контроль над собой, стоило заговорить о дури или дураках, ее употребляющих.

— У него в кармане телефон, достань его. Там наверняка контакты таких же уродов, как он сам. Сдадим все ментам, пусть разбираются! — сосед едва не пнул остывающее тело Коляна ногой и пошел на кухню, звонить в милицию.

Вытащив из брюк усопшего новомодный, естественно, коммуникатор, я поплелся на кухню, где Лукин со злостью терзал кнопки своей мобилы. На столе и тумбах лежали пакеты с упаковками препаратов, в одном из них я нашел пластиковые шарики, подобные тем, в которые пакуют бахилы в автоматах для продажи.

— Это что?.. — я открыл один из шариков и высыпал на стол его содержимое.

— Уж точно не специи! — зло ответил Игорь. — Что за черт, не дозвониться!

В это время из комнаты донесся скрип дивана, как если бы на него кто-то сел. Услышав это, Лукин метнулся обратно в комнату, я направился за ним.

Колян, дергаясь при каждом движении, словно в агонии, поднимался на ноги, уперевшись руками в скрипящее пружинами ложе. Его шатало из стороны в сторону, но он определенно был жив. Еще немного подергавшись, наркоша сумел выпрямиться и застыл, стоя к нам спиной.

— Что, сученыш, оклемался? — закричал Игорь, и подойдя к восставшему из мертвых, схватил его за плечо.

Реакция Коляна была неожиданной. Стоило руке Лукина оказаться на его плече, как он, дернувшись, наклонил голову и вцепился в палец, прокусив его до крови.

— Ах ты, тварь! — взревел Игорь, легко отшвырнув тщедушное тело наркомана в угол с телевизором.

Сбив на пол дорогущую «плазму», тот тяжело упал на гору бутылок, но тут же завозился, пытаясь подняться. Разъяренный

Лукин, выдернув из розетки удлинитель, заломил покрытые партаками[2], руки «больного» за спину и принялся скручивать запястья проводом. Затем легко приподнял дергающееся тело, перетащив его на середину комнаты, и примотал ноги к связанным рукам. Колян сипел и дергался, но вырваться из классической вязки «улиткой» не мог.

— Лежать, сука! — зло проревел Игорь. — Лежать! Денис, у тебя водка была, надо рану промыть, хер знает, что у него во рту было!

Тщательно промыв водкой рану, я перевязал её найденным на кухне бинтом. Мой друг шипел от боли, рана оказалась глубокой, но терпел, не брыкаясь. Закончив с перевязкой, я вернулся в комнату, увидев, что Колян перевернулся на бок, трепыхаясь. К счастью, его конечности были связаны надежно.

— Игорь! Иди сюда! Что у него с глазами?! — позвал я соседа, увидев побелевшие, страшные зенки наркомана.

— Жуть какая… — пробормотал Лукин, стоя за моей спиной. — Как в фильмах ужасов, аж мороз по коже! Чем он таким упоролся?!

Потоптавшись еще пару минут по разгромленной квартире, мы вышли в подъезд, с облегчением вздохнув после тяжелой атмосферы наркоманской квартиры.

— Игорян, давай я тебя в больничку отвезу! Прививки сделать, может он бешенством болен?

— Давай. Только позже, надо Ксюху с работы дождаться! Ты давай, к себе иди, а я перевяжусь и позвоню, как она придет.

Когда Лукин зашел в свою квартиру, я поднялся к себе, встретив на пороге встревоженную Альку.

— Милый, где ты был так долго? — она чуть ли не бросилась обнимать меня. — Мне… Страшно!

— Ну что ты, малыш… Я здесь, со мной всё хорошо! — я обнял её и поцеловал в лоб. — Только вот гостинец для Виктора испортился, придется снова сбегать в магазин…

— Я тебя никуда не пущу! В городе такое творится, как в Москве! Не пущу, слышишь? — Саня вцепилась в меня пальчиками, по её щекам потекли слёзы.

После того, как я молча стянул с себя кроссовки, он потащила меня в комнату, к компьютеру. Открывая одно окошко за другим, она показала мне видео с московских улиц, затем, переключившись на ярославский портал, показала съемку с площади перед «Шинником». Везде было одно и то же — странно и дергано двигающиеся люди хватали других, моментально цепляясь в них зубами. Картины выглядели одна ужаснее другой — когда вырванные куски плоти исчезали в пастях взбесившихся

маньяков, те снова впивались зубами в тела своих жертв. Вокруг кровавой вакханалии творился хаос — одни бежали, неистово вопя, другие пытались оттащить каннибалов в стороны. На одном из кадров, лицо маньяка, перемазанное в крови, показали крупным планом, и я содрогнулся. Такие же белесые глаза, источающие ужас, как у нашего Коляна…

— Саня… Это пиздец… — прошептал я, чувствуя, как холодная волна страха прокатилась от пяток до макушки, застряв в горле колючим комом. — Что люди пишут обо всем этом?

— Пишут, что такое по всей Москве… И у нас, перед стадионом тоже, и на вокзале… Говорят, что это какая-то болезнь, при укусе заражаются и через час становятся такими же… — Аля снова чуть ли не плакала. — Говорят, что укушенные умирают, а потом оживают, и на людей бросаются…

— Дело дрянь… — ответил я, вспоминая происходившее двадцатью минутами ранее в квартире Коляна. — Малыш, извини, я должен оставить тебя на несколько минут, к Игорю сбегаю…

— Не ходи, милый… Я боюсь! — запричитала она со слезами в глазах.

— Не надо, я здесь, из дома не выйду. Туда и назад, хорошо?

Кое-как успокоив девушку, запрыгнул в сланцы и одним махом спустился этажом ниже, утопив кнопку звонка, залившегося длинной громкой трелью.

— Чего шумишь? — возмущенно спросил Игорь, пропуская меня в прихожую. — Я рану обрабатывал, а тут ты, будто на пожар!

— Сосед… Ты интернет или новости сегодня смотрел? — спросил я на одном выдохе. — Там, короче, херня творится непонятная!

— Какая херня, Денис? Какой интернет? Я целый день на стройке рабочих гонял и с заказчиком ругался, а тут еще этот пидор укусил! — он потряс перед моим лицом измазанным йодом пальцем в бинтах.

— Включай компьютер, покажу!

Мы зашли в комнату, Лукин, включив комп, последовал моим указаниям, что и где искать. После просмотра нескольких роликов и чтения комментариев к ним, он помрачнел.

— Час, значит, если не брешут… Хотя выглядит это все, как в дешевой пародии на Ромеро… Но глаза и обвисшие морды, такие же, как у барыги…

Игорь замолчал, быстро щелкая мышкой, перелистывая страницы форумов и блогов, иногда задерживаясь на фото с крупными планами лиц каннибалов. Затем переключился на

канал с официальными новостями, но там всё выглядело более чем пристойно — менты тащили психов, скованных наручниками, в скотовозки, а диктор вещал, что отдельные группы агрессивно настроенных граждан совершили ряд нападений и все под контролем. Однако, бодрые слова телеведущей были заглушены звуками стрельбы на улице, кто-то несколько раз выстрелил из пистолета. Тут же затрезвонил мой мобильник — Саня, сквозь плач, умоляла меня вернуться домой.

— Полчаса уже прошло, Дэн… — внезапно севшим голосом сказал Игорь, живо напомнив события почти годовалой давности. — Видимо, не судьба мне пожить… Ты вот что… Привяжи меня к батарее покрепче, а сам… Встреть Ксюху, отведи к себе… Если я стану таким же, как они… Не хочу, чтобы она меня видела таким, ей навредить не хочу. Зайди минут через сорок, если я… Решишь сам, что делать.

Сгоняв к себе, перепрыгивая через ступеньки, я схватил служебные наручники, вернулся назад и приковал Лукина одной рукой к трубе отопления. Он сел на пол, тяжело дыша, белки его глаз уже покраснели, на лбу выступили капли холодного пота.

— Кажется, не врали в этих ваших интернетах… — вздохнул он, глядя куда-то в пустоту. — Видимо, судьба… Денис… Ксюхе помоги, ладно? Деньги, если что, есть, она снять сможет… А ты… Принеси мне коньяк, в баре стоит… И воды…

Выполнив просьбу друга, я с тяжелым сердцем вышел из квартиры, заперев её на ключ. Затем, подумав, позвонил Ксении и попросил её сразу же по приходу подняться к нам в гости, не посвящая, впрочем, в детали, семейные посиделки давно стали традицией. Зная её тяжелый характер, решил, что вместе с Алькой сможем удержать жену Игоря от необдуманного поступка, ведь она бросится спасать мужа, помогать ему. А если он станет таким же, как остальные зараженные…

Последующий час, я решил выждать чуть дольше, показался мне вечностью. Аля тихонько плакала, узнав, что случилось с соседом, я ходил по квартире из угла в угол, то и дело поглядывая на стрелку настенных часов. Минутная стрелка словно застыла, но все же, час прошел. Ксюха еще не вернулась, наверное, стояла в пробке, её офис находился в Брагино, откуда и без заторов ехать не скорое дело. Час, наконец-то прошел, и я, приказав Альке сидеть и не рыпаться, провожаемый её плачем и просьбами никуда не ходить, спустился к Лукину.

Осторожно отперев дверь, я прислушался. Легкий стук наручников о трубу говорил, что сосед двигается, но жив ли он? Дойдя до комнаты, я заглянул в неё, не входя. В нос ударил резкий химический запах, смешанный с запахом алкоголя —

бутылка лежала опрокинутой, по полу растеклась большая коньячная лужа. Сам Игорь, лежа в неестественной позе, тихонько стонал. Не сипел, как Колян, а постанывал, глядя на меня донельзя красными, но все же, не мутными глазами.

— Ииит… Пииит… — прошептал он потрескавшимися губами, затем попытался поднять свободную руку, но сил не хватило.

Я метнулся на кухню, распечатал литровую пластиковую бутылку и бегом вернулся к другу. С трудом усадив тяжелое тело атлета, прислонив его к стене, приставил бутылку к губам, он начал жадно глотать. Мигом выпив живительную влагу, попросил еще, успокоившись только после второй, тяжело дыша и обильно потея. Проведя пальцами по его пылающему лбу, я понюхал капли, скривившись, воняло чистым ацетоном.

— Игоряныч… Давай, скорую вызову… Ты вроде не умер…

— Нээ… Нээ на-а… — с трудом пролепетал он. — Пить…

После третьей бутылки ему стало немного легче. Отдышавшись, он попросил оставить еще бутылку воды и ключ от наручников рядом. Мол, если оклемается, то сам себя отстегнуть сможет. А если нет…

Ксения приехала еще через полчаса, когда миновало десять вечера. Впустив её в квартиру, я чуть ли не силой втолкал её в комнату. Она, увидев мое встревоженное лицо, сразу начала спрашивать, что случилось и где Игорь, а узнав о произошедшем, рванулась прочь из комнаты, извергая в мой адрес многоэтажные ругательства. С трудом удержав её, вернул в комнату, предоставив заботу о ней Альке, а сам пошел на кухню, замазывать йодом царапины на щеке и руках. Зазвонил телефон…

— Алло, Денис! — забасила трубка голосом Бэтэра. — Я приеду поздно! Тут полная жопа, под Переславлем авария, хрен их маму знает, когда пробка рассосется! В Москве такая херня творится, не поверишь! Еле успел ноги унести, туда уже военные ехали!

— Витя… Тут такое дело… — начал я убитым голосом, вызвав тревогу друга. — Игоря укусили… Он жив еще, но болен… В общем, не знаю, что дальше будет…, приезжай поскорей, Ксюха не в себе…

— Еду, брат… — после некоторой паузы ответил Бэтэр. — Жаль мужика… В прошлый раз спасли, а в этот…

Попрощавшись, я вернулся к девчонкам. Ксения билась в истерике, Алька пыталась её успокоить, как могла. Подумав немного, я достал из аптечки пару таблеток снотворного, и с силой затолкав их в плачущую жену соседа, присел на край дивана. Оставалось только ждать…

Глава 5
Игорь Лукин, архитектор

ночь с 20 на 21 марта

Когда за ушедшим Денисом захлопнулась дверь, Игорь вздрогнул от резанувшего по ушам грубого звука. Каждое движение, каждый шум, каждый вдох отдавались в голове и в теле неистовой болью. Миллиарды острых, раскаленных иголок терзали каждую клеточку организма, пытаясь разорвать его на мелкие кусочки. Волнами накатывала тошнота, отступая каждый раз после попытки вывернуть содержимое желудка, сменяясь острыми приступами боли в желудке и кишках. Голова, словно сжатая огненным обручем, в такие моменты взрывалась болью, перетекающей в глаза и уши. Ненадолго отступала, чтобы снова наброситься после очередного спазма.

Когда боль немного утихла, Лукин почувствовал испепеляющую жажду. Тело горело, внутри пылал пожар, и его надо было затушить, хоть ненадолго. Протянув руку к стоящей рядом бутылке с водой, он едва поднял её, сил донести к губам не хватило. С трудом улегшись, подтянул драгоценный сосуд, перевернул его, и принялся пить, как из соски. Часть бесценной влаги выливалась на пол, и, когда бутылка опустела, Игорь припал ссохшимися губами к лужице на полу, но её хватило ненадолго. Жажда на минуту отступила, чтобы вернуться вновь, яростно терзая тело.

Сквозь красные и серые круги перед глазами, он смотрел на ключ от наручников. Надо отстегнуться, надо в ванную, там много воды, там целый водопровод прохладной, мокрой *воды*… Попытавшись схватить ключ непослушными, одеревеневшими пальцами, Игорь лишился сил, несколько минут переводя дыхание. Но мучительная жажда заставила сделать новую попытку, затем еще и еще… Весь мир, весь смысл жизни сузился до размеров маленького кусочка металла. Наконец, ему удалось схватить его, с большим трудом перевернуться, погрузившись в пучину безумной боли, еще большие усилия понадобились, чтобы после нескольких попыток вставить его в крошечное отверстие. Когда рука освободилась, Игорь уронил голову на пол, хватая ртом воздух. Снова накатила тошнота, снова спазмы в желудке, снова дикая боль, текущая из головы в глаза. Мир потемнел, несколько минут продержав мученика в спасительном мраке,

свободном от боли. Затем вернулся, а с ним возвратились рвущие тело иглы и *жажда*.

Застонав, Лукин попытался подняться, но, даже не оторвавшись от пола, снова распластался на паркете, скользком от пота и воды. Извиваясь, словно червь, ежеминутно замирая для передышки, он пополз в сторону спасительной ванны. К счастью, она была не закрыта… Несколько волн тошноты и боли останавливали его, лишь пылающий внутри огонь заставлял двигаться. Язык, распухший от жажды, заполнил весь рот, такой же сухой, как губы, вместо стона теперь вырывалось сипение, перемежавшееся сухими хрипами.

Добравшись, наконец, до ванной, из последних сил, то и дело соскальзывая, каждый раз ударяясь головой о плитку и корчась от взрывов боли, Игорь все же залез на край ванны, сквозь надвигающуюся сумрачную пелену дотянулся рукой до крана, открыл его, из последних сил перевалившись на прохладное, влажное дно. Чуть отдышавшись, принялся жадно, словно зверь, сосать и лакать воду со дна белоснежной чаши, то и дело содрогаясь от новых приступов тошноты и разрывающей сознание боли в голове и глазах.

Утолив первую жажду, Лукин перевернулся, подставив голову под струю благословенной влаги, хватая ртом брызги. Жажда потихоньку отступала, боль тоже, казалось, стала милосердней. Но приступы тошноты стали яростнее, один из них выплеснулся наружу… Снова перевернувшись на живот, Игорь выливал из себя все, что было внутри, хрипло стеная после каждого спазма. Едва отступившая боль набросилась с новой силой, но теперь её визиты стали намного короче.

Опустошенный, с трудом дышащий, мужчина копошился на дне ванной, переворачиваясь на спину, чтобы снова поймать ртом струю воды. Поперхнувшись, закашлялся, взвыв от спазмов в желудке, закрыл лицо руками, жадно хватая каждую каплю, протекающую сквозь ладони. Постепенно агония прекратилась, сменившись бессилием. Волны боли начали затихать, становясь реже и слабее, спазмы исчезли, в мышцы вернулась слабая, но ощутимая способность двигаться. Остался только горящий внутри огонь, не затухающий от капель, попадающих в рот.

Неуклюже повозившись, Игорь заткнул слив пробкой, кое-как уселся и откинулся на стенку ванны, свесив руку через край. Так он не утонет, если вдруг потеряет сознание. Чаша постепенно наполнялась холодной влагой, но холод не чувствовался — лишь пылающий внутри костер стал слабеть. Зачерпывая свободной рукой воду, прямо из ванны, Лукин выпивал горсть за горстью. Утомившись, отдыхал несколько минут, затем снова жадно

хлебал…

Спустя десятки минут, которым Игорь давно потерял счет, изнуряющая жажда отступила. Тело, плавающее в наполненной до краев ванне, почти не чувствовалось, став легким, как перышко. Перед глазами все еще вертелись радужные пятна, но голова обрела способность думать, досаждал только пульсирующий шум в ушах.

Повисев в невесомости какое-то время, он впервые за вечер… или ночь… ощутил холод. Костер давно погас, внутренности больше не выворачивались, даже есть захотелось. Нет, не так! Недавнюю жажду сменил первобытный голод, скрутивший желудок, внутри все заныло. Накатила ярость, непривычная для спокойного от природы Лукина, вырвавшись из горла утробным рычанием. Расплескивая воду, он задергался, вывалился из ванны на скользкую, как лед, плитку, и неуклюже перебирая руками и ногами, оставляя за собой лужи, на четвереньках пополз на кухню. Распахнув холодильник, схватил первое, что попалось под руки — кольцо колбасы. Тут же впился в нее зубами и сожрал, почти не пережевывая. Следующим исчез кусок ветчины, кусок сыра… Опустошив холодильник, Игорь упал на пол, часто и глубоко дыша. Желудок наполнился, но голод никуда не исчез. Поднявшись на колени, дотянулся до морозилки, выгреб из нее все на пол и принялся пожирать добычу. Рот наполнился соленым привкусом крови, затрещали зубы… Но вкус собственной крови только подстегнул алчущую утробу. Рыча и захлебываясь слюной, Лукин грыз твердые, как камень, пельмени, кусок ледяного окорока, замороженные котлеты… Когда, наконец, ничего не осталось, выпотрошил шкафчик с консервами. С трудом контролируя себя, оставляя на руках и губах порезы, он опустошал одну за другой банки с мясными и рыбными консервами, брезгливо отбрасывая в сторону горошек, фасоль и кукурузу. Наконец, почувствовав сытость, Игорь упал посреди кухни, переводя дыхание, а вскоре забылся тяжелым, без сновидений, сном. Часто подрагивая во сне от судорог, пронизывающих тело…

Дмитрий Погожин, бывший телохранитель

20 марта, вечер. Прочь из Москвы!

Расставшись со своим коллегой, теперь уже бывшим, Погожин моментально выбросил его из головы. Выбраться из окруженной асфальтовым кольцом ловушки для миллионов людей, прочь,

туда, где его ждет безопасный схрон, а затем, оценив ситуацию, пробиться к своим, на восток, на базу под Фрязево. Может быть, его командир, в новых обстоятельствах забудет о страшном поступке Дмитрия. Возможно, он снова сможет пришить гордый шеврон группы «Знамя», не знающего поражений, наводящего ужас на любого врага. Снова обняться с братьями, за которых даже он, Погожин, без колебаний отдаст жизнь…

Доехав до выезда на Дмитровское шоссе, Дима остановился и посмотрел на бесконечную вереницу машин, тянущихся из города. Затем по сторонам, отметив для себя нескольких «шатунов», как он их для себя назвал. Некоторые из них стояли неподвижно, другие валко шагали в сторону убегающих от них редких прохожих. Стрельба уже не затихала, временами перерастая в шум настоящего боя, по шоссе в сторону центра проехала БРДМ БРДМ — бронированная разведывательно-дозорная машина, в данном контексте БРДМ-2, затем несколько тентованных армейских грузовиков, в каких обычно перевозят солдат.

Мимо стоящего у обочины гелендвагена медленно проехал тонированный джип, из открытого окошка выглянул быковатого вида «пацан». Увидев за рулем «гелика» затянутого в черную униформу Дмитрия, влез обратно, и джип, развернувшись, умчался в обратную от шоссе сторону.

— Ну вот и пришло ваше время, братки… Теперь вас никто в «воронки» паковать не будет, гуляй-не-хочу… — презрительно пробормотал Погожин, глядя в зеркало заднего вида на удаляющийся внедорожник.

Дождавшись небольшого просвета в непрерывном потоке машин, Дмитрий дал по газам и вылетел на перекресток, чуть не задев белую «газель» с десятком пассажиров. Но, вместо того чтобы пересечь шоссе, Дмитрий свернул на встречку и погнал к выезду из города, прижимаясь к обочине. Редкие машины, несущиеся навстречу по почти свободной дороге, возмущенно сигналили наглецу, грубо поправшему правила дорожного движения. Водители в вяло движущемся потоке из города, бросали в его сторону взгляды, полные зависти и злобы, но он их даже не видел.

Без приключений преодолев мост через Клязьму и доехав почти до самого Еремино, Дмитрий снова поймал просвет в попутном потоке, и свернул направо, в сторону Птицефабрики. За ней, по просеке, поехал так быстро, насколько позволяла грунтовка, к поселку Семкино. Для жителей поселка, богатых или очень богатых, в поселке был даже свой яхт-клуб, выскочивший из лесопарка гелендваген не стал чем-то удивительным. Сами

чудили и похлеще…

Проскочив буржуйское поселение, Погожин свернул налево, выехал на трассу в сторону Дмитровского шоссе, но, доехав до края поля, свернул направо. Углубившись в лес, доехал до едва заметной, заросшей редким кустарником просеки, съехал внутрь «зеленки», стараясь не слишком ломать жидкий кустарник. Попетляв минут двадцать по известным только ему тропкам, пригодным для проезда, он выехал на усыпанную мусором и битым кирпичом поляну, посреди которой возвышалась ветхая кирпичная постройка. Подъехав к ней впритык, Дима остановился, заглушил двигатель, выбрался из машины и минут пять напряженно вслушивался и всматривался в сумерки. Наконец, убедившись, что вокруг нет ни души, вытащил из кармана фонарь с синей лампой, такую в темноте издалека не увидеть, и шагнул внутрь развалины.

Это место Погожин нашел несколько лет назад, будучи еще кадровым офицером «Знамени». Копаясь в архивах, еще брежневских времен, однажды он наткнулся на папку с описанием заброшенного ЗКП ЗКП — Запасной, или защищенный командный пункт… Почему его бросили рачительные коммунисты, он не стал вникать, главное, это место находилось не очень далеко от Москвы, внутри лесного массива, имело скрытый гараж, достаточно просторный для двух «буханок» или одного КАМАЗа, несколько комнат и запасной выход через люк глубоко в лесу. Аккуратно подменив папку, он занялся обустройством личного бункера. С трудом отперев убежище, каждый выходной приезжал, чтобы вычистить помещения от хлама, затем замусорил окрестности бункера, притащив даже несколько дохлых собак, таким образом сделав поляну неприглядным для любого глаза местом. Уволившись из отряда, он посвятил несколько месяцев для окончательного обустройства. Привез простенькую мебель, дизельный генератор, всеволновую радиостанцию, несколько ящиков консервов и ИРП, сотни литров воды, книги, приличное количество боеприпасов для разных типов оружия. В тайнике хранились даже несколько «калашей», купленных на черном рынке. В конце концов, бункер стал пригоден для того, чтобы просидеть несколько месяцев, не особо нуждаясь в чем-либо.

Осмотрев «секретки», установленные на случай проникновения на объект посторонних, Дмитрий еще раз внимательно вслушался в вечернюю тишину, затем открыл неприметную дверь и вошел внутрь длинного коридора. Пахнуло сыростью и запахом хлорки, рассыпанной по углам, чтобы гниль и плесень не слишком разрастались. Включив питание бункера,

Погожин потянул рычаг открытия ворот. Тяжело заворочавшись, включился хорошо смазанный механизм, поднимая бетонную плиту, закрывавшую гараж. Дождавшись, когда она встанет на упоры, Дима загнал «гелендваген» внутрь и закрыл ворота.

Первым делом, включил радиостанцию. Настроившись на милицейскую частоту, стал слушать переговоры. Большей частью наполненные паникой и отчаянием, разговоры подтвердили его опасения — ситуация с каждым часом, с каждой минутой, становилась всё хуже. Несколько раз прозвучали сообщения о каких-то «шустрых» мутантах, причем, некоторые из этих разговоров резко обрывались. Перестроившись на военные частоты, Дмитрий узнал, что в Москву стягиваются войска из близлежащих частей.

— Проснулись… — ухмыльнулся Погожин. — Но опоздали…

Внезапно, вспомнив о слове, данном бывшему коллеге, Дмитрий достал телефон, вышел из бункера и дозвонился до Виктора, кратко сообщив ему о происходящем. Закончив разговор, помочился, прямо на площадку перед входом, и вернулся внутрь убежища.

Приготовив нехитрый ужин из тушенки и «бичпакета», Погожин утолил голод, достал из сумки комплект сухого белья, застелил койку, вырубил генератор, включил аккумуляторный ночник и достал недочитанный томик Бэгли Десмонда. Прожив долгий, трудный день, сознание требовало вознаграждения в виде очередной порции увлекательных приключений вымышленного героя…

Глава 6
Денис Хворостов, сотрудник ЧОП «Легион»

очень раннее утро 21 марта, Ярославль

После полуночи за окном началась стрельба. Сначала несколько выстрелов раздалось неподалеку от дома, затем прозвучала отдаленная автоматная очередь, ближе к двум часам где-то вдалеке прозвучало несколько взрывов. Алька испуганно жалась ко мне, на корню пресекая мои попытки сходить к Игорю, проверить, что с ним происходит. Каждый раз, стоило мне подняться с кровати, Алька намертво цеплялась в меня, шепча «Не пущу, не пущу, пусть Витька приедет, вдвоем пойдете!». Я укладывался обратно на кровать, попадая в её объятия, и мы лежали, слушая уличную канонаду и завидуя спящей крепким сном Ксюхе. Почти на излете ночи, тренькнул мобильник, на экране загорелось имя «Бэтэр».

С трудом оторвав от себя Саньку, я сунул за пояс служебный «ИЖ» и спустился вниз, вынырнув из безопасного подъезда в полный тревог морок ночи. Осмотревшись по сторонам, убедившись, что вокруг нет ничего, а главное, никого опасного, слегка поежился от налетевшего ветерка, а через минуту во двор вкатилась прокачанная «буханка» Виктора. Дорулив до подъезда, он заглушил мотор, выскочил из машины и без слов сгреб меня в свои медвежьи объятия.

— Здорово, братка! У вас тут жарко! За Волгой бой с крупняком идет, полыхает что-то крепко! — Бэтэр сходу сообщил горячи новости. — У вас все нормально?

— Давай скорее в дом, там расскажу! — поторопил я его. — Тут тоже стреляли.

— Хватай сумки, я остальное заберу! — деловито распорядился Одинец, вытаскивая из машины свои баулы.

Взвалив на себя часть сумок, привезенных Виктором, как всегда, тяжеленных, я быстро вернулся в квартиру, на радость Альке. Еще больший её восторг вызвал Бэтэр, приветливо улыбнувшийся при встрече, отчего по моей спине прокатился холодок. Пора бы давно привыкнуть, но никак…

— Привет, красавица! — Одинец, с галантностью экскаватора поцеловал Санькину ручку. — Приехал вас спасать. Ксюша спит?

— Да, Витя… Ты так вовремя… Тут такие ужасы… — тревожно заговорила Аля. — Игорь там…

— Знаю, знаю… — Бэтэр вздохнул. — Давай, чаи потом погоняем. Или горькой выпьем, не чокаясь…

Выудив из глубины рюкзака перчатки, он одел их, кивнув мне. Я запаковался в форменную куртку, тоже натянул перчатки, приказал Саньке тихо дожидаться нас дома, не высовываться и вообще, быть тише воды, ниже травы.

Когда мы спустились к жилищу Лукина, Виктор вытащил из разгрузки пистолет, передернул затвор и встал у двери.

— Открывай! — скомандовал он. — Первым пойду!

Отперев замок, я приоткрыл дверь. Мы прислушались, внутри было тихо, лишь с улицы доносились звуки стрельбы. Бэтэр двинулся вперед, взяв оружие наизготовку. Пройдя пару шагов, он остановился и прошептал мне:

— На кухне лежит… Или спит, или холодный…

Осторожно сделав еще несколько шагов, мимо открытой ванной, откуда несло жутким зловонием, смесью аммиака, ацетона и каких-то нечистот, мы остановились у входа на кухню, снова прислушавшись. Отчетливо слышалось легкое посапывание спящего человека.

— Живой, кажись… Мертвяки только сипят… — снова шепнул Виктор. — Включи свет.

Он взял на прицел голову Игоря, а я, нащупав выключатель, зажег лампы.

Перед нами открылась сцена жуткого погрома. По всей кухне были разбросаны разорванные пачки круп и макаронов, пустые консервные банки, рассыпана мука, консервированные горошек и фасоль, огрызки, размазанный по полу майонез и подсохшая масса разбитых яиц. Везде виднелись пятна крови, на полу валялись вырванные зубы, покрытые кровавыми сгустками. Венчала натюрморт мощная фигура Лукина, слегка подрагивавшего во сне. Виктор вошел на кухню, не сводя пистолет с лежащего, а я, сняв одну перчатку, присел над лежащим.

— Пульс есть… Теплый, чуть горячее обычного… — сообщил я, ощупав шею и лоб Игоря, стараясь не дышать. — Все лицо в крови… Ффу… Ну и запах…

— Нихрена он раскачался! Здоровее меня будет! — удивился Бэтэр, разглядывая соседа. Отойди чуть! Попробую его разбудить.

Теперь уже он присел над спящим, одной рукой держа оружие, а второй похлопал его по щеке, поморщившись от вони, исходившей от Игоря.

— Э, боец, подъем! — громко пробасил Витек, то хлопая по

щеке, то таская за ухо.

Лукин что-то промычал, затем шевельнулся. Одинец сделал шаг назад, все еще не убирая пистолет.

Игорь поворочался, затем шевельнулся, отчего его рубашка затрещала и разошлась на спине и плечах.

— Караул, в ружье! — снова скомандовал Виктор. — Ты живой, бродяга?

Игорь чуть привстал, затем тяжело сел. На нем жалобно захрустели джинсы, ткань не выдержала и лопнула на бедрах и поясе. Измазанное едой и кровью лицо выражало вселенские муки, он шатался, как пьяный, но наконец, с трудом поднял веки.

Вместо мутных, белесых буркал ожившего мертвеца, на нас с Виктором уставились ярко-зеленые, изумрудного цвета глаза. Казалось, они даже светились изнутри. Как завороженные, мы смотрели на это чудо, а Игорь, тем временем, начал приходить в себя.

— Что за дерьмо… — прохрипел он, откашлялся, и продолжил. — Что случилось?

— Живой, бродяга!!! — весело загудел Бэтэр. — Живой! А мы думали ты того, сотни сложил!

— Игорянище! Ты как? — я тоже не мог промолчать. — Как себя чувствуешь?

— Нормально… — он попытался встать, но поскользнулся рукой по размазанному майонезу и чуть не завалился на бок. — Чуть не сдох! Где Ксюха, что с ней?!

Сообщив соседу, что его жена спит у меня дома, под присмотром Альки, я помог ему подняться на ноги, усадив затем на табурет. Он, обведя взглядом разгромленную кухню, разразился долгой речью, вспомнив северного пушистого зверька, гулящих женщин и выразил желание заняться извращенным сексом с предметами домашнего обихода и бытовой техникой. Наконец, выговорившись, он замолчал, снова уставился на нас.

— Что не так? Со мной что-то не так? — удивленно и тревожно спросил он.

— Глаза. И зубы. И вообще весь ты! — я попытался ответить, не понимая, как в дополнение к изумительно зеленым глазам и невесть как выросшим за ночь мышцам, вместо его старых, желтоватых и потертых временем зубов, появились два ряда новых, жемчужно-белых.

Лукин молча поднялся, аккуратно пробрался по измазанному полу, протиснулся мимо нас и зашел в ванную.

— Едрена мама!!! — заорал он. — Что это? Что за…? — дальше последовал новый поток отборнейшей брани.

— Точно живой, если херами купальню обкладывает! —

обрадованно толкнул меня локтем в бок Бэтэр. — Звони Саньке, шухер отменяется!

Следующий час, мы вместе с изрядно удивленной и напуганной Алькой пытались привести квартиру соседа в пристойный вид. Распахнули окна, чтобы выветрилась химическая вонь, убрали и вымыли кухню. Лукин долго мылся в душе, всё еще громко матерясь, убирался в ванной, затем завернулся в полотенце, не найдя в своем гардеробе подходящей одежды для своего нового тела. Если вчера он был просто здоровым, то сейчас превратился в огромного бугая, размерами с Бэтэра, только повыше сантиметров на десять. Тугие мышцы перекатывались под кожей, а лицо, помолодело на добрых два десятка лет. Я кидал на него косые взгляды, не узнавая соседа. Выглядит… пацаном, лет двадцати пяти. Но ему же за пятьдесят!

Когда Витек притащил запасной комплект своей одежды, севшей на торс Игоря идеально, а брюки оказались коротковаты, мы принялись будить Ксению. Несмотря на две таблетки снотворного, она проснулась довольно быстро, сразу же сообщив о том, что ненавидит меня и пообещав при случае убить самым изощренным способом. Поднявшись с дивана, она потребовала отвести её к мужу, не встретив на этот раз возражений.

— С ним все в порядке? — округлив глаза, спросила она, глядя на наши с Алькой счастливые лица.

— Сейчас сама увидишь! — улыбаясь, заявила Саня. — А вот и он!

В этот момент в комнату вошел Лукин, задев стоящий у двери шкаф. Кажется, он еще не привык к своим внушительным габаритам.

— Привет, милая! — заявил он, одарив всех нас сияющей белоснежной улыбкой. — Как ты?

— Так! Кто это? Где Игорь?!! Что с ним?! — повышенным тоном спросила Ксюша. — Ты кто такой?!

— Девочка моя, это я, Игорь! Твой муж!

Мы с Алькой и Виктором, стоящим позади Лукина, дружно подтвердили слова соседа.

— А ну рубашку расстегнул и руки за спину!!! — скомандовала начавшая злиться Ксения, таким тоном, что даже мои руки непроизвольно дернулись назад. — Ты не он! Где Игорь?!

Лукин расстегнул куртку и спрятал руки за спиной. Его жена с брезгливой гримасой отвела полу рубашки в сторону, рассматривая тело мужа. Потом уже бодрее, развернула его спиной к себе, подняла рубашку, снова осмотрела, и только после этого, снова повернув, внимательно всмотрелась в лицо,

непонятным образом ставшее молодым. Лишь после того, как он, наклонившись к её уху, что-то прошептал, она с визгом бросилась к нему на шею, осыпая поцелуями. Я заметил, как сверкнули глаза Игоря перед тем, как он схватил жену в охапку и бросился к выходу из квартиры.

— Ща он докажет, кто в доме хозяин!.. — хохотнул вслед исчезнувшей парочке Бэтэр. — Ну что, теперь можно и чаю попить? Заодно поговорим, хорошие новости только у ваших соседей, в остальном дерьмо…

Следующих часа полтора, слушая разносящиеся по двору крики страсти, распахнутые окна Лукины так и не закрыли, под аккомпанемент стрельбы, далекой и близкой, мы накрыли стол в комнате, сделали чай с бутербродами, обсуждая сложившуюся обстановку, весьма печальную. Фатальности происходящему добавила нарезная «Сайга» Одинца, вытащенный Бэтэром из сумки. Когда Виктор вернулся из коридора с похожим на фантастический бластер карабином, Санька тихонько ойкнула и закрыла рот руками. Она боялась оружия, даже мой служебный «ИЖ-71», лежащий в кобуре, старалась обходить стороной. А тут, целый бластер.

— Смотри, Полено! Какими игрушками нас депутат вооружал! — друг протянул мне оружие. — Еще и цинк патронов в нагрузку!

Присвистнув от удивления, я взял оружие, модернизированное до неузнаваемости. Крышка ствольной коробки, накладка на газовую трубку и цевье с планками, тактическая рукоятка с встроенным лазерным прицелом, фонарь, коллиматор закрытого типа от аимпоинта Aimpoint. Шведская компания, производящая оружейную оптику., телескопический приклад…

— Дульный тормоз не узнаю, что за фирма? Фаб Имеется в виду израильская компания Fab Defense. везде вижу, а это откуда? — стпросил я, рассматривая прямоугольный, угловатый пламегаситель футуристичного вида.

— Под заказ делали. Наши мастера с Бенелли Benelli Armi. Итальянский производитель огнестрельного оружия, скопировали, подшаманили под «семерку». Ты же знаешь, наш депутат любит круто выглядящие стволы. — во всю пасть улыбнулся Бэтэр. — Разбери, там внутри много интересного!

— Это ж сколько бабла он в ненужные цацки вбухал! По мирняку такое только на парадах носить или в кино сниматься! Хотя с этим бардаком может и пригодиться… — горько вздохнул я, приглядываясь к УСМ, явно сделанному по спецзаказу.

Закончив разглядывать внутренности полуавтомата, я собрал

его, затем повертелся с ним немного, вскидывая, прицеливаясь. Карабин сидел в руках идеально.

— Витек, как думаешь, это надолго? — поделился я волновавшим меня вопросом, отдавая «бластер». — Может, армия наведет порядок за день-другой? Если эти… мертвецы… такие медленные, много народу не искусают, да все и затихнет?

Тут я осекся, вспомнив, как был укушен сосед. Не подозревая об опасности, он приблизился к Коляну, и тот его укусил. Сколько еще людей так заразятся? Если верить тому, что пишут в интернете, это какое-то биологическое оружие, вирус или что-то подобное. Пришел укушенный домой, умер, встал, и заразил всех в доме. Или на улице упал. Все же будут стараться ему помочь, а он их…

— Деня, пишут что по всему миру такое же происходит! — вставила в разговор свое слово Алька. — В Париже, Берлине, Нью-Йорке, Пекине… Везде людей кусают! Даже едят!

Мы с Виктором замерли, услышав эту новость. Если болезнь вспыхнула по всему миру, хорошего точно можно не ждать. Зараза уже у нас в городе, наверняка и в других тоже. Эпидемия…

Наш невеселый разговор прервал звонок в дверь, и я впустил в квартиру запыхавшихся Игоря и Ксению. Лукин тащил в руке какую-то бутылку, Ксюша, румяная и растрепанная, проходя мимо меня шепнула, улыбаясь, «Джекпот!». Кажется, её обещание убить меня жестоко, можно забыть. Как минимум, на время.

— Пир во время чумы устраивать не будем, но за встречу надо выпить! — заявил Игорь, ставя на стол бутылку. — Портвейн «Порто Круз», сорок лет выдерж…

Увидев еду на столе, он замолчал на полуслове. Я уже устраивался на диване, рядом с Санькой, когда увидел вмиг изменившую его перемену. В неестественно зеленых глазах заполыхал огонь, лицо исказила гримаса, похожая на оскал.

— Денис… — сдавленным голосом сказал Игорь. — Дай мне еды… Мяса… Сейчас же… Быстро…

Последние слова он произнес с рычанием в голосе, весь его вид говорил о том, что он готов убить за кусок мяса. Последовав за мной на кухню в повисшей тишине, все замолчали, увидев гримасу на его лице, он едва дождался вынутой из холодильника колбасы, тут же вцепившись в нее зубами. Чавкая, почти не жуя, Лукин заглатывал кусок за куском, как животное. Получив от меня следующую порцию, так же жадно набросился на неё, не останавливаясь. Когда холодильник опустел, я остановился, смотря как он пожирает последние куски.

— Игорь… С тобой все нормально? — во мне начала разгораться тревога.

— Да… Почти… Извини… — он поднял глаза, и я увидел в них полыхающее зелеными отблесками пламя. — Не знаю, что со мной… Мясо, надо…

За его спиной появились напрягшийся Бэтэр и испуганные девчонки.

— Игоряныч, давай это… Винца попьем, девочки ща по-быстрому приготовят, жратва только в морозилке осталась…

Лукин дернулся было к холодильнику, но остановился, глубоко дыша, с трудом совладав с собой. Постояв так минуту, с опущенной головой, молча прошел мимо посторонившихся Ксении, Альки и Витька. Ему я кивнул, мол, держи ситуацию. Девчонкам, одними губами и кивком головы, показал, что надо делать. Сам же, взял штопор и пошел в комнату. Игорь сидел, все так же понурив голову, за столом, с хрустом переминая сцепленные пальцы. Я, откупорив бутылку, наполнил вином стоящую на столе чашку. Затем чуть плеснул в свою.

— Ну, братан, давай, за твое здоровье!

Я лишь пригубил ароматный и очень вкусный напиток, а Игорь, взяв чашку дрожащей рукой и немного расплескав, влил в себя все, до дна. Рядом нарисовался Бэтэр, карман его брюк был оттопырен пистолетом. Не растерялся мой боевой товарищ…

Воцарившуюся тишину нарушали только звуки из кухни, девушки что-то быстро стряпали, тихонько переговариваясь. Лукин, просидев неподвижно пару минут, вдруг поднял голову и уставился на меня, уже нормальными, без адского огня, глазами. Если только их можно назвать нормальными, с таким-то цветом.

— Денис… Ребята… Извините… — сказал он уже нормальным, без утробного рычания, голосом. — Кажется, все прошло!

Первым из оцепенения вышел Витек. Широко и страшно улыбнувшись, он громко забасил, с интонациями тамады:

— Дорогие хозяева и гости, а сейчас прошу всех к столу! Выпьем за здравие всех нас, чтоб не болеть!

Ксюша и Алька прибежали с кухни, я достал бокалы, разлил остатки портвейна. Воздух наполнился райским ароматом напитка. Сразу стало уютнее, все даже заулыбались. Словно новый год встречаем! Даже за окном грохот, как в ночь на первое января, только несмолкающие сирены скорых и милиции портили картину.

Лукин окончательно успокоился, минут через двадцать на столе появились разогретые котлеты и прочие закуски. Тарелку Игоря наполнили с горкой, но он смотрел на еду равнодушно.

— Братан, ты что? Для тебя приготовили! — удивился я его реакции. — Ты же готов был быка сожрать!

— Я готов был убить за кусок мяса, Денис… — с горечью в голосе ответил сосед. — А сейчас не хочу. Как вина выпил, сразу отпустило. Извините…

— Ты хоть расскажи, что ночью-то было! — поинтересовалась Ксюша. — Я Дениса сама была готова убить, когда он к тебе не пустил, и таблетками накормил, насильно!

— Не помню… — ответил жене Игорь, снова понурившись. — Сначала пить хотелось, потом жрать… Помню ванную, помню вкус крови во рту, больше ничего… Не помню…

Просидев за разговорами еще пару часов, мы так и не решили, что делать дальше. Беседу остановил заторопившийся Виктор.

— Я ехать должен, ребята… — решительно сказал Бэтэр. — К семье надо, вы тут и без меня справитесь. А они, совсем одни…

— Витя, ты же не спал! Ночью из Москвы ехал, вина выпил, останься до завтра! Поспишь, а завтра утром выедешь! — предложила Ксюша. — Тебе несколько дней в пути придется трястись, так отоспись перед дорогой!

— Нет, надо спешить… Я и так задержался, хотел передать кое-что Денису, и сразу уехать. А у вас тут такое… Камрад, пошли, проведешь меня, и я поеду. — Бэтэр заторопился, встав из-за стола.

Когда все попрощались с Виктором, мы оделись, взяли баулы и вышли в подъезд. Выйдя во двор, я первым делом осмотрелся по сторонам, заметив лишь бабку-цветочницу, стоящую на своей клумбе. Бэтэр открыл машину, повозился там немного, затем вытащил небольшой сверток.

— Держи, тут полцинка армейской «семерки». Надеюсь, не пригодится. Если все затихнет, заныкай куда-нибудь, запас карман не тянет. Бывай, Полено! Надеюсь, еще свидимся!

Попрощавшись с другом, я сунул под мышку увесистый пакет, кивнул на прощание выруливавшему задним ходом Бэтэру и вошел в подъезд, намереваясь пойти вверх, но, вделав шаг, замер. По городу покатилось эхо взвывших сирен гражданской обороны, тягуче-тревожно извещавших о приходе Большой Беды.

Взлетев к себе, я застал Лукина и девушек, молчащих, замерших как истуканы. Они вслушивались в вой сирен, с испугом в глазах. Стоило мне войти в комнату, как Алька со слезами бросилась ко мне, крепко обняла и тихонько заплакала. Лукин положил свою ладонь на руку жены, легонько сжав, она же, смотрела на него с тоской во взгляде.

— Надо готовиться! — нарушил я тишину, когда сирены сделали паузу. — Кажется, все серьезно! Игорь, одевайся, поедем за продуктами, у нас запасов нету. Девчонки, собирайте вещи,

берите только самое удобное и необходимое, как в поход. Теплые вещи тоже. Платья, косметику, украшения не брать! Золото в карманы, все лекарства, какие найдете, в отдельный пакет. Все продукты, какие есть, в отдельную сумку! Ксюша, помоги Саньке приготовить все что есть в морозилке, ваша пустая. Готовить просто, быстро, без воды! Аля, позвони родителям, чтобы собирались, сейчас же! Игорь, за мной!

— Деня, мы что, куда-то уезжаем? — спросила моя подруга дрогнувшим голосом.

— Пока нет, но надо быть готовыми. Надеюсь, пронесет… — успокоил её, втайне надеясь, что так оно и будет. — Одно знаю точно, с продуктами будет туго. Воды наберите во всю посуду, ванны тоже налейте до краев!

В спальной, в шкафу, стоял мой сейф с оружием. Открыв его, я достал карабин «Сайга-12», пару магазинов, две пачки патронов с картечью. Бросив все это на кровать, задумчиво посмотрел на оставшуюся в сейфе «Сайгу-МК», но взял служебный «ИЖ-71» с кобурой и патронами.

— Стрелять приходилось? — спросил я Игоря. — Из чего?

— Ну… Тридцать лет назад, в армии, один раз, из АКМ. Целых пять выстрелов! — смущенно ответил он.

— Пиздец… — вздохнул я, поняв, что толку от него, как от бойца, маловато. — Бери Сайгу, это дробовик, но она как «калаш». Заряжай магазины.

Пока он возился с одним магазином, я зарядил два пистолетных и один для карабина. Пересыпал остаток своих патронов и денежную заначку из сейфа в карманы, на всякий случай проинструктировал соседа, как заряжать, куда нажимать, как целиться. Глядя с болью в сердце, как этот кадет-переросток неловко повторяет мои движения, будто держит в руках не оружие, а какое-то бревно. Наконец, у него что-то получилось, и мы пошли во внешний, недружелюбный мир. Саня проводила нас взглядом, полным тревоги и печали, но отговаривать не пыталась. Захватив свои дорожные сумки, размеру которых позавидовал бы и Бэтэр, я дождался Игоря, тоже прихватившего баулы, и мы вышли во двор.

— Давай, поедем в твоем «Аутлендере» Мицубиси Аутлэндер, внедорожник… У меня машинка хоть и ходкая, но маленькая. — предложил я Лукину, тот кивнул и полез в свою машину.

— Денег взял много? — я вдруг вспомнил, что у моего друга одежда с чужого плеча, и та маловата.

— Много. На дом копил. — сухо ответил Игорь. — И на карточках, с кредитами, сумма приличная.

Следующие три часа мы колесили по городу, методично

скупая необходимое. Ценники в магазинах неожиданно взлетели раза в два, а то и в три, однако, выручали деньги Лукина, мои закончились очень быстро. Одним из пунктов нашего шоппинга стал охотничий магазин, в котором я крепко поругался с хозяином, лично вставшим за кассу. Патроны и оружие, оказывается, указом МВД запретили продавать еще вчера! Ну и как теперь от шатунов отбиваться, кулаками? Того и гляди, начнут шить уголовку за то, что упокоил каннибала навечно, идиоты… Сами, небось, попрятались в бункеры, с вооруженной до зубов охраной, а простым людям, как всегда, или в петлю, или в зубы к этим…

Пока Игорь вертел баранку, я несколько раз попытался дозвониться до Саньки и Бэтэра, узнать, как у них дела. Сеть перегружена, сеть перегружена… Хорошо, хоть работает пока!

На улицах творился хаос. Одни бежали с пакетами и сумками из магазинов, сметая с полок всё, что только можно. Другие бежали от шатунов, всё чаще попадавшихся на глаза. Некоторые из мертвецов ходили не так медленно, как рассказывал Витек, и не так, как было в видео очевидцев, но намного быстрее, почти как обычные люди. Выдавали их только мертвенно обвисшие серые лица и страшные раны, заметные издалека.

На дорогах тоже творилось невесть что. Туда-сюда проносились машины скорой помощи и милицейские патрули, надрывно завывая сиренами. Основные магистрали вмиг встали, забитые машинами, едущими во все стороны. Лукин то и дело выезжал на тротуары, пугая прохожих, чтобы не встать наглухо.

Мне удалось дозвониться до родителей, живущих в деревне, недалеко от переправы на Мышкин г. Мышкин — районный центр к западу от г. Ярославль. Хоть у них всё спокойно… Только слухи страшные по селу ходят, да им никто не верит. Как такое может быть, чтобы мертвяк встал и ходил? Пришлось поспорить с отцом, объяснив, что это эпидемия нового бешенства, заодно запретив приближаться к странно выглядящим и двигающимся людям, рассказав про помутневшие глаза и время от укуса до болезни. К счастью, удалось убедить, отец пообещал рассказать все односельчанам.

Когда немаленький салон «Аутлендера» заполнился до предела, мне даже пришлось взять сумку на руки, мы вернулись домой. Первым, что бросилось в глаза при въезде во двор, стала приметная «буханка» Одинца.

— Кажись, Витька вернулся… — заметил Игорь. — Что-то случилось, наверное.

Припарковавшись у подъезда, мы схватили по паре сумок и помчались ко мне. Войдя в квартиру, я увидел в коридоре Бэтэра,

пакующего мои шмотки в дорожную сумку, сидя на полу. Алька выглянула из кухни, улыбнувшись и помахав приветливо рукой.

— Суки, блзди, козлы, шакалы, пидарасы, ненавижу, завалю, порву, гниды!.. — угрюмо матерился Виктор, методично трамбуя шмот.

— Бэтэр, привет! Что случилось? — спросил я, переводя дух, Лукин тем временем умчался за очередным грузом.

— Я их маму, и папу, и дедушку, и бабушку… Здоров, брат! Шакалы выезды из города закрыли, никого не впускают и не выпускают! Московский машинами забит в обе стороны, мосты за Волгу коробочками перекрыли, перед Пахмой Имеется в виду мост через реку Пахма, блок стоит, Брагинский мост разбирают… Пацаны на броне говорят, областная больница разрушена, ночью там бой был.

— Не кипятись, Витек… Денек тут посидишь, до завтра придумаем что-нибудь. Может, потише станет, не с боем же прорываться.

— А хоть и с боем! — свирепо рыкнул Бэтэр. — Стволов и патронов достаточно!

— Пошли, поможешь вещи таскать, у нас полная машина! Лукин, конечно, сильный, как бык, но втроем быстрее будет! — я решил отвлечь друга от невеселых мыслей.

Спускаясь, мы встретились с Игорем, бодро прыгавшим вверх по ступенькам с двумя баулами и рюкзаком за спиной.

— Здо-ров-Ви-тек! — на ходу выдохнул сосед.

— Да ты поздоровее будешь! — бросил ему вслед Бэтэр, криво усмехнувшись.

Покончив с переносом покупок, а заодно и вещей из машины Одинца, чтоб не волноваться за их сохранность в это смутное время, мы с Виктором зашли ко мне, а Лукин ушел в свою квартиру.

Остаток дня прошел незаметно, за хлопотами с перепаковкой вещей. Лукины опять устроили концерт на весь двор, заглушая страстными криками эхо доносившихся с улицы выстрелов, успокоившись лишь под вечер. Угомонившись, через некоторое время они ввалились к нам, облаченные в камуфляжные обновки из охотничьего магазина.

Увидев разложенный на столе в комнате арсенал, мы с Виктором как раз проводили ревизию, с чисткой и смазкой, Игорь удивленно хмыкнул, а Ксения застыла в дверях, завороженно наблюдая за нашими манипуляциями с оружием.

— Ну, чего встали? Присоединяйтесь, они не заряжены! — кивнул я в сторону лежащих на столе пистолетов и карабинов. — Трогать руками, разбирать и чистить строго рекомендуется! На

людей не наводить, даже разряженное!

Лукин взял один из стволов, неуклюже прицелился куда-то в окно, немного повертел в руках, рассматривая, затем принялся разбирать, вспоминая на ходу, как это делается.

— Сайга-МК, Калибр семь-шестьдесят-два, сделана на базе автомата Калашникова. — прокомментировал я выбор соседа. — Стреляет только одиночными, гражданское оружие.

Ксения взяла мой «ИЖ», прицелилась в висящий на стене светильник, встав в нелепую стойку.

— Ксюша, ты что, впервые держишь оружие? — удивленно спросил Бэтэр.

Услышав утвердительный ответ, он отложил в сторону свой «бластер», взял свой ПМ, начав показывать, что и как надо делать. Девушка повторяла его движения и стойки, быстро схватывая науку обращения с оружием.

Вошедшая в комнату Алька тихонько ойкнула, увидев четверых вооруженных людей. Тут же сбежала обратно на кухню, чтобы не видеть пугающих её орудий смерти.

Разошлись мы ближе к полуночи, закончив все дела, дружно поужинав и договорившись, что утро вечера мудренее. Санька дозвонилась до родителей, с облегчением услышав, что у них всё хорошо, только со стороны детской больницы слышны частые выстрелы. Одинец, наоборот, помрачнел, не сумев связаться со своими. Уложив Виктора на диване, мы с Алей ушли в спальную.

Коснувшись головой подушки, я начал быстро проваливаться в сон, предыдущая бессонная ночь давала о себе знать, однако уснуть было не суждено.

Из соседней комнаты раздался отчаянный вопль, сменившийся матом, звериным ревом, воем, звуками падающих на пол предметов. Выскочив из спальни в одних трусах, я цыкнул на перепуганную Альку, велев оставаться на месте, а сам бросился к Одинцу.

Виктор метался по комнате, сбивая стулья и стоящие на полках предметы. Его лицо исказилось безумным оскалом, сквозь сцепленные зубы вырывался утробный вой. Увидев меня, он разразился криком, неразборчиво матерясь, затем бросился в мою сторону, оттолкнув к стене коридора и вылетел в прихожую. Завозившись с ботинками, он вдруг упал на колени, уткнулся головой в комод и горько зарыдал, сотрясаясь всем телом, хотя это было похоже, скорее, на прерывистое рычание раненного зверя. Выждав, пока он не успокоится немного, я присел возле него, положив ладонь на вздрагивающий затылок.

— Витя… Что случилось, брат?..

— Они… Все… Трое… — он поднял голову, я увидел

невыносимую боль в его глазах. — СМС… от отца…

Посидев с ним еще немного, я помог ему подняться, проводив до дивана и налил стакан водки, купленной во время поездок по магазинам. Одинец сжал стакан в дрожащей руке, уставившись отсутствующим взглядом перед собой, по его щекам текли слезы. Посидев так минут пять, Виктор одним глотком осушил стакан, шумно вдохнул, не поморщившись.

— Еще… — потребовал он, не поворачивая головы, и я налил ему, опять до краев.

Выпив горькую, словно простую воду, он завалился на бок, свернувшись калачиком, в его взгляде, кроме пустоты и боли, не было больше ничего. Увидев лежащий на полу мобильник, я поднял его и включил.

На экране появилось короткое, но страшное сообщение.

«Сынок, наших девочек больше нет. Меня тоже. Прости. Живи долго. Папа.»

Глава 7
Марина Краснова, инженер-машиностроитель

21 марта, среда, Ярославль

если у врага все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него;

Сунь Цзы, «Искусство войны»

Ранним утром из подъезда жилого дома, расположенного на пересечении Ленинградского проспекта и улицы Батова, выбежала красивая, миниатюрная девушка. Её внешность, особенно после того, как она постриглась почти под ноль, оставив лишь колючий ежик практически белых от природы волос, магнитом притягивала взгляды мужчин. Большие, выразительные глаза голубого цвета, нежные, полудетские черты лица, пухлые губки и женственная «гитара» фигуры заставляли мужчин самого разного возраста буквально терять голову. Однако, в отличие от многих девушек, щедро одаренных внешними данными, Марина Краснова не вела разгульную жизнь, не была пустоголовой дурочкой. Окончив сперва школу с золотой медалью, затем институт с красным дипломом, девушка беззаветно предалась любимому делу, конструированию машин и двигателей.

К сожалению, её талант, любовь к технике и рвение к работе не устраивали работодателей. Сначала пришлось уйти с «АвтоВАЗа», проработав неполный год, потом история повторилась на местном заводе, ЯМЗ, где она продержалась еще меньшее время. Слишком активна, слишком инициативна, слишком талантлива, и наконец, слишком умна… Чтобы не закисать в четырех стенах, пришлось устроиться в небольшой салон мобильной связи, рядом с домом. Мизерная зарплата мало беспокоила Краснову — она научилась работать удаленно, разрабатывая сложные узлы машин для заграничных заказчиков. Появились даже заманчивые предложения от известных европейских автопроизводителей, но Марина не торопилась уезжать на чужбину, пока что её всё устраивало.

Вчера вечером в городе что-то произошло — весь вечер по дорогам носились машины скорой помощи, милицейские и пожарные, слышалась стрельба. Отец, смотревший местные новости, сказал, что футбольные фанаты устроили драку возле стадиона. Марину это успокоило, и она, включив в наушники свой любимый концерт «Rising» группы Rainbow, с головой занырнула в работу над проектом нового карбюратора…

Выйдя утром на улицу, Краснова заметила, что творится что-то необычное. На Ленинградском в сторону области скопилось изрядное количество машин, многие прохожие двигались бегом, часто оглядываясь, возле продуктового магазина собралась внушительная толпа, ожидая открытия. Довольно часто слышались отдаленные выстрелы. Еще раз посмотрев на людей, толпящихся у продуктового, Марина поднялась на крыльцо, отворила дверь своим ключом, сняла салон с сигнализации и снова закрыла замок. До начала работы оставалось еще полчаса, можно было спокойно попить чаю, заодно посмотреть новости, узнать, что же такое ужасное случилось в городе.

Налив чашку ароматного чая с жасмином, девушка включила компьютер, дождалась загрузки и открыла новостные ленты, местные и федеральные.

Следующий час она лихорадочно перелистывала страницы новостей, форумов, просматривала видео на ютубе, напрочь позабыв про чай и необходимость открытия салона. Очнулась только после того, как в дверь начал стучать Сашка, её тощий рыжеволосый напарник, тайно вздыхавший в сторону Марины, постоянно оказывая ей мелкие знаки внимания. Но страшно смущавшийся каждый раз, когда она заговаривала с ним о чем-то, кроме работы.

— Саша, ты чего так поздно? Полчаса уже, как открылись… — тут Краснова задумалась, поняв, что дверь была заперта. — Ты знаешь, что случилось? В интернете такие кошмары пишут, читать страшно и противно!

Краснея, Саня протиснулся мимо напарницы, переворачивавшей вывеску «Открыто/Закрыто» на витрине. Когда она закончила, парень, пытаясь отдышаться после быстрой ходьбы, объяснил, что транспорт почти не ходит, пришлось добираться пешком.

— А ещё, военные в городе! Я на Тутаевском Тутаевское шоссе, г. Ярославль, несколько броневиков видел, в сторону центра ехали! — заявил Сашка, натягивая красную курточку с логотипом фирмы. — Ночью в интернете читал, что в Москве мертвые восстают, как в фильмах про зомби!

— Сань, я тоже это все видела. По-моему, бред! Что-то

серьезное случилось, но зомби, перебор! Я смотрела ролики на ютубе, везде одно и то же. В Москве и за границей, одинаковые сюжеты. Наверное, кто-то специально панику нагоняет, не может так быть, чтобы сразу по всему миру такое началось! Ну и сам подумай, как могут мертвые вставать?

В этот момент их разговор прервал вошедший, вернее, вбежавший посетитель.

— Ребята, у вас радиостанции есть? Рации, маленькие такие! — парень сходу достал приличную пачку денег.

Сашка принялся беседовать с гостем, объясняя тому, что раций нету, но их можно купить в торговом центре дальше по проспекту. Марина, оставив мужчин разговаривать, вернулась к компьютеру, листать новости, допивая остывший чай. В сети ничего другого, кроме суеты вокруг беспорядков, не появлялось, хотя ленты обновлялись ежеминутно. На городском портале форум бурлил, одни паниковали, другие от души развлекались, зубоскаля по поводу «зомби», заодно издеваясь над теми, кто поверил в «голимый вброс».

В конце концов ей надоело, она подошла к окну, выходящему на проспект. Машин меньше не стало, наоборот, поток уплотнился. В сторону центра промчались военные машины, Краснова узнала в них разведывательные БРДМ-2. Прокрутив в голове технические характеристики броневиков, она вздохнула. Давно хотелось поковыряться в чреве этих монстров, привлекавших своей мощью и брутальностью… Марина любила всё крупное и мощное, заглядываясь не только на большие машины, но и на мужчин крепкого телосложения.

Раздавшийся за окном протяжный вой сирен гражданской обороны заставил Краснову вздрогнуть, мгновенно вырвав из мечтательной задумчивости. Прохожие на тротуаре застыли, подняв головы, тревожно вглядываясь в ревущие небеса, затих напарник, гремевший чем-то в подсобке. Оцепенение продолжалось, пока сирены не стихли на какое-то время.

— Марина, что это? — с паникой в голосе спросил Саша, выбежав из кладовки.

— Тревогу объявили… Надеюсь, учебную… — тихо произнесла девушка, вспомнив учения по гражданской обороне во время работы на заводах. — Включи радио, Саш, должны сообщить причину тревоги.

Несколько минут коллеги сидели, вслушиваясь в монотонный голос диктора, сопровождаемый воем сирен, доносящимся с улицы. Прослушав сообщение, призывавшее граждан сохранять спокойствие, разойтись по домам и не выходить на улицу, Марина набрала мобильный номер отца, рано утром уехавшего в

свой автосервис на окружной дороге. Каждые выходные она ездила к нему на работу, чтобы полностью отдаться во власть своего любимого хобби — починке механизмов. Часто Краснова вносила какие-то улучшения в конструкцию машин, отчего их мастерская пользовалась популярностью, особенно у владельцев «чудес» отечественного автопрома. Дозвониться удалось только по городскому телефону, мобильная связь оказалась перегруженной.

— Алло, паааап! — почти закричала Марина в трубку, когда на том конце зазвучал отцовский голос. — Пап, у вас все в порядке?! В новостях такое пишут, просто ужас! А еще сирены эти… Пап, ты не знаешь, что происходит?!

— Доча, всё хорошо! — Никита Игнатьевич, отец девушки, ответил как всегда спокойно. — Токмо Васька, молодой, хворый приперся, а мож с похмела… Пацаны с ним в бытовке сидят. Чё творится, не знаю, к нам никто не заезжал, а радио я не слушаю, там одну ерунду говорят. Закончу с бухгалтерией этой клятой, пойду с пацанами погутарю, мож они чё ведают.

Положив трубку, Марина почувствовала себя немного спокойнее. Хотя бы с отцом всё в порядке. Может, эта суета до завтра уляжется, утихнет? Там и выходные подойдут, можно будет заняться установкой модернизированного двигателя в «ремку», их семейную гордость, мини-мастерскую на колесах, сделанную на базе старой «буханки». Над этой машиной Красновы работали с прошлого лета, по винтику перебрав древнюю машину и установив в кузов целую кучу оборудования, даже небольшому токарному станку место нашлось. Оставалось только поставить на место уже готовый движок, после прокачки выдающий целых сто двадцать лошадок вместо родных девяносто восьми, при этом потребляя топлива на целый литр меньше стандартного.

— Марин, можно я домой пойду? У меня там мама, одна… — робкий голос напарника выдернул девушку из мыслей о переделках в двигателе «ремки».

— Саша, ну почему ты у меня отпрашиваешься? Позвони Гене, он ведь директор!

— Он это… Не отвечает… Ну… Сеть перегружена… — парень залился краской до кончиков ушей.

— Давай, беги, если Гена придет, скажу, что ты отпросился. Все равно клиентов нет, и наверное, не будет… — ответила Краснова, разглядывая суматоху за окном.

Людей стало больше, все куда-то бежали или шли скорым шагом. Одни тащили огромные пакеты с покупками, другие мчались в сторону магазина, какие-то мужики на дороге жарко

спорили, размахивая руками. По другую сторону проспекта, у небольшой церквушки, скопилась большая толпа, на расстоянии похожая на суетливый муравейник.

Следующие часа три Марина не находила себе места. Новости из сети становились все страшнее, только официальные каналы сообщали о взятии ситуации под контроль, остальные же наперебой говорили о том, что зомби становится все больше. Звуки стрельбы с улицы не затихали, наоборот стали чаще и ближе. Пару раз попытавшись вернуться к проекту, Краснова рассеянно смотрела на чертежи, закрывала их, в конце концов не выдержала и потянулась к телефону, снова позвонить отцу. Стоило ей протянуть руку к аппарату, как тот зазвонил сам.

— Алло, доча! — раздался в трубке взволнованный голос отца. — Тут чё-то лихое творится! Пацаны с ума сошли! Я к ним в бытовку пошел, а они все там, бледные, зенки позакатывали, покусанные, морды страшные! Меня увидели, погнались, еле ноги унес!

— Паааап! — прокричала в ответ Марина, вспомнив кадры из просмотренных роликов. — паап, они больные, бешенство такое! Не пускай их к себе! Держись от них подальше!

— Та не пускаю я, в конторе заперся! Токмо не выбраться отсюда, на окне решетка, а они под дверями топчутся!

— Паааап, я сейчас приеду! — крикнула в ответ девушка.

— Куды ты собралась, пигалица! Их пятеро лбов здоровых, соплей перешибуть! Сиди там, сам попробую выбраться, а мож уйдут!

Но Марина уже не слушала отца. Переняв от него упрямство и упертость, она твердо решила ехать к нему, спасать. Как? Потом решит, на месте, там видно будет. Наскоро переодевшись из фирменной курточки в уличную одежду и схватив ноутбук, Краснова выскочила из салона, не забыв перевернуть табличку на «Закрыто», заперла замок и побежала к дому. Во дворе стояла её «девятка», собственноручно восстановленная из металлолома, к тому же переделанная так, что на трассе могла дать форы иномаркам.

С трудом перебравшись через проспект, Марина прибавила газу, тут же чуть не врезавшись в бредущую к церкви троицу пьяниц, шатающихся на каждом шагу. Ругаясь, вывернула руль, колеса взвизгнули по асфальту, помчалась дальше, вдоль железки, в сторону промзоны. Быстрее, быстрее… Попетляв по лабиринту улочек, распугивая при этом редких прохожих, вылетела к границе промзоны, свернула налево и домчалась до проспекта Дзерджинского, чуть не завязнув в потоке движущихся с черепашьей скоростью машин в сторону окружной дороги.

Положение спасла колонна военных грузовиков, во главе с милицейским «козликом», едущая по осевой. УАЗик отчаянно завывал сиреной, попутно, через громкоговоритель, приказывая водителям прижаться к обочине. Краснова пристроилась в хвост колонне, прямо перед таким же сообразительным водителем дорогого седана, а спустя несколько минут перебралась через железнодорожный переезд, возле которого стоял самый настоящий БТР с солдатами, сидящими на броне. Доехав до поворота на Суринское, где и находился автосервис отца, Марина выставила в окно руку с оттопыренным средним пальцем, показывая свое отношение к сигналящему и мигающему фарами позади водителю люксовой машины.

С трудом протолкнувшись через плотную очередь машин, девушка проехала мимо безлюдного, почему-то, склада стройматериалов, свернула за угол, вплотную подкатив к огороженной сеткой «рабица» территории автосервиса.

По площадке, свесив на грудь головы, болтающиеся при каждом шаге, медленно бродили трое механиков. Марина знала каждого из них. Сашка, Васька, Серёга… Раньше они были веселыми, в меру грубоватыми ребятами, наперегонки старавшимися помочь симпатичной дочери хозяина сервиса. Аккуратно заигрывая с ней, они превращали каждый её визит в маленький праздник, Краснова с удовольствием поддерживала игру в легкий флирт. При этом отчетливо давая понять, что о чем-то большем не может быть и речи. Во-первых, никто из них не был в её вкусе, во-вторых, в царстве железок и механизмов, ну какие могут быть мысли о мужчинах?

Сейчас же, все они, в залитых кровью робах, выглядели как ожившие мертвецы. Бледные, посеревшие осунувшиеся лица, висящие плетями израненные руки, у Серёги еще и на шее виднелась огромная рваная рана… Василия, старшего механика, а также его сына, Андрея, Марина не видела. Наверное, они как раз и топтались под дверью в контору, в маленьком тамбуре.

Постояв так минут пять, пытаясь сообразить, что делать дальше, Краснова никак не могла придумать выход из ситуации. В интернете писали, что больных можно убить только выстрелом в голову, но, во-первых, у неё не было никакого оружия, во-вторых, она не хотела убивать хороших парней. Может, придумают лекарство и всех вылечат? Хотя, как может жить Сергей с такой раной на шее? Наверняка вены вскрыты…

Не придумав ничего толкового, девушка выбралась из машины и подошла к ограде. Распахнутые ворота на территорию находились чуть дальше, если парни побегут, она успеет запереться в машине.

— Эй, ребята, я здесь! — крикнула она, испугавшись своего же голоса.

Все трое, услышав её голос, тут же развернулись, кривой походкой двинувшись в её сторону. Сашка и Васька подняли головы, уставившись на Марину страшными, помутневшими глазами. Совсем как те, в видео из Москвы, Берлина, Нью-Йорка… Только теперь это выглядело совсем иначе, не киношными страшилками, а самым настоящим кошмаром, бредущим к ней. Васька почему-то двигался шустрее остальных, быстро сокращая расстояние.

Марина подошла к распахнутой дверце машины, готовясь в любой момент запрыгнуть в спасительное железное нутро и вжать педаль в пол, двигатель она не глушила. Подошедший к ограде Вася ударился о сетку лицом, вцепился в нее скрюченными пальцами и как-то натужно засипел, пытаясь пробиться сквозь тонкую преграду. Так же и двое других, уткнувшись в забор, принялись бестолково толкаться в него, издавая свистящее шипение.

Подумав немного, Краснова отошла от машины, в другую сторону от ворот, снова позвала мертвецов. Как ни сопротивлялся её прагматичный ум инженера, но в глубине сознания она уже поняла, что парни мертвы. Исходящий от них запах мясной вони, смешанной с чем-то химическим, наверняка разлили растворитель в боксе, мертвые глаза, оплывшие лица, говорили об их состоянии слишком явно, чтобы не понимать… Когда ребята подошли совсем близко, в кармане джинсов вдруг запиликал телефон.

— Доча, ты где, дома? — волнуясь, но в то же время строго спросил отец, чудом дозвонившись.

— Нет, пап, я приехала! Ты в офисе? — ответила девушка, отступив на пару шагов назад от звенящей под руками мертвецов ограды.

— Дочь! Марина! — рявкнул в ответ отец. — Я что, непонятно сказал? Сидеть дома, не дергаться! Марш домой, быстро! Сам выберусь!

В моменты гнева, Никита Игнатьевич забывал о своей привычке притворяться неграмотной деревенщиной. Имея за спиной два высших образования и стаж работы на производстве авиадвигателей, после горбачевской перестройки он остался без работы, занявшись ради куска хлеба ремонтом машин, а в угоду частым клиентам из окрестных деревень, перенял их стиль разговора. Публика со временем стала богаче, культурнее, но привычка осталась. Пропадая только тогда, когда Игнатич, как называли его все, кроме родных, начинал злиться или

волноваться.

— Паап!.. — Краснова заговорила тоном, от которого стыла кровь у всех, знающих несносную напористость девушки. — Я! Никуда! Не! Уеду! Без! Тебя!

В трубке послышалось, как Игнатич в сердцах плюнул себе под ноги, попутно назвав Марину занозой противной и язвой упрямой.

— Ладно, черт с тобой, всё равно не переспоришь! Что придумала?

— Пока ничего, пап… Но, по-моему, они реагируют на звук! Можешь как-нибудь пошуметь, позвать их? — девушка пошла к машине, мертвецы за оградой двинулись следом, беспорядочно толкаясь.

Краснов открыл форточку зарешеченного окна, высунулся в неё и заорал, кроя ядрёным мужицким матом всех, кого мог и не мог увидеть, включая любимую дочь. Она к тому времени уже спряталась от зараженных за машиной, аккуратно выглядывая через стекло.

Троица задергалась, развернулась. Чуть потоптавшись на месте, зомби поплелись в сторону кричащего, Васька снова вырвался вперед.

— Доча, тут эти, за дверью, зашевелились! В дверь скребутся! — переводя дыхание, сообщил отец.

— Пап, я заеду во двор, посигналю, может они выйдут… Потом подъеду к офису, и ты быстро запрыгнешь! Они медленные очень, успеешь!

Сев за руль, девушка заблокировала все двери, затем аккуратно въехала на площадку, постаравшись не сбить троих мертвецов, увидевших, или услышавших машину. Включив заднюю передачу, Марина, замерев от страха, наблюдала за их действиями. Троица сначала обступила «девятку», затем принялась беспорядочно в нее толкаться, пытаясь схватиться за скользкий металл. Один из зараженных пару раз ударил в окошко, совершенно без успеха. Поняв, что ей ничего не грозит, Краснова вдавила клаксон.

Василий-старший, вместе с сыном, чуть потолкавшись в слишком узкой для двоих двери, всё же смогли выйти из тамбура, устремившись к отчаянно сигналящему автомобилю. Вглядевшись в их серовато-белые глаза, Марина ощутила, как по спине ползет предательская волна паники, бельма покойников, казалось, сочились потусторонней жутью, липкой, вязкой… Наконец, они подошли вплотную, а девушка кое-как справилась со своим испугом и начала неторопливо сдавать назад, к воротам. Когда расстояние до офиса увеличилось метров до двадцати, она резко

оторвалась от преследовавшей её пятерки зомби, вывернула руль, переключила передачу и резко утопила педаль в пол, объехав мертвецов. Ваську-младшего, резво погнавшегося за ней, зацепила задним крылом, он упал на покрытую мелким гравием землю, сразу же начав подниматься, словно и не было удара.

— Папа выходи! — закричала Марина в лежащий на «торпеде» мобильник, почти вплотную подъехав ко входу в контору.

Отец живо выскочил из своей комнатушки, рыбкой нырнул в заблаговременно открытую дочерью заднюю дверь, моментально захлопнув её. Марина снова дала по газам, разворачиваясь в сторону ворот, но остановилась, растерянно глядя вперед.

— Паап! Смотри туда! Откуда они? Что делать? — Краснова испуганно смотрела вперед, вцепившись пальчиками в руль.

По дороге, ведущей к площадке, брела группа таких же мертвецов, как работники автосервиса. Изорванные одежда, руки, темные пятна запекшейся крови, измазанные бурыми разводами истерзанные лица… Некоторые из них остановились перед сеткой, бестолково пиная её руками, другие дошли до ворот.

— Со стройбазы идут… Не давить же их! Завтра-послезавтра это всё закончится, за убийство посадят, ты сама знаешь, как у нас… Не выедем, дочка!

Марина надавила на газ, направив машину в ограду, между стобиками.

— Стой! За забором двутавр лежит, вчера завезли! — одернул дочку Игнатич.

— Куда, папа? — чуть не закричала та в ответ, наблюдая, как шатающиеся фигуры приближаются к машине.

— Назад! Разворачивайся, в бокс заедем!

Краснов начал лихорадочно ощупывать карманы, в конце концов вытащив брелок для открытия ворот ангара. Нажав на кнопку, он почти перестал дышать, глядя как поднимается штора. Когда расстояние между землей и воротами увеличилось настолько, что в него могла проехать «девятка», Марина влетела в бокс задним ходом, едва не врезавшись в стену. Отец, прямо на ходу, нажал на кнопку закрытия, из-за чего нижняя кромка ворот с противным скрежетом оцарапала крышу машины.

— Ух… Успели… — с облегчением выдохнул Игнатич.

Осмотревшись, отец с дочерью выбрались из машины, настороженно прислушиваясь к топоту за пределами ангара, к глухим ударам в ворота и неприятному царапанью ногтей о металл. Марина, бросившись к двери, заперла замок, чтобы зомби случайно не повернули ручку.

— Что теперь, папа? — все еще испуганно спросила девушка.

— Не знаю, доч… Тут хоть туалет есть, и холодильник. Переждем до ночи, или до завтра, может придумаем чего, или власти разгонят… этих…

Заглянув в бытовку, Марина едва не закричала — внутри царил полнейший разгром, лавки, шкафчики, тумбочки, все было перевернуто и разломано, валялись в беспорядке одежда и какой-то инструмент, осколки стекла. Но самое страшное — вся комната была залита кровью. В углу скопились бурые комки, на стене красным отпечатались чьи-то ладони… С трудом сдерживая подкативший комок тошноты, Краснова захлопнула дверь и тяжело оперлась на нее спиной, глубоко дыша.

— Не ходи туда, па… Там… — новый спазм в желудке оказался сильнее предыдущих, и девушка едва успела добежать до умывальника.

Еще раз тщательно осмотрев ангар и заблокировав штору ворот, Красновы расположились за маленьким столом на тесной кухне, соседствующей с душевой комнатой. Игнатич налил дочери валерьянки, затем заварил чай из пакетиков.

— В общем так, девочка моя… Продуктов в холодильнике нету, только два бутерброда. Остальное, наверное, в быт… — увидев, как дочь начала зеленеть, отец замолчал на полуслове. — Короче, не протянем долго. Надо думать, как выбираться.

Пока Марина отходила от стресса, Игнатич вышел в бокс, названивая кому-то. Почти каждый звонок срывался, смог дозвониться только жене, Людмиле Ивановне, находившейся в Рыбинске, на даче, бывшей когда-то домом её родителей. Уезжая туда с приходом тепла, она возвращалась к семье лишь поздней осенью. Впрочем, это устраивало всех, характер у Красновой-старшей был не из лёгких. К тому же, с дочерью она общалась с большой неохотой, с раннего детства Марины переложив заботы о ребенке на плечи мужа.

— Люда кажет, у ней всё хорошо. — сказал Игнатич, вернувшись на кухню. — На острове Имеется в виду Каменниковский полуостров на Рыбинском водохранилище, военных много, больных нету, токмо в городе шибко шумять, пальба и взрывы.

Марина, забравшаяся на стул с ногами, держала чашку с чаем, обняв ладошками горячий сосуд и смотрела в одну точку. Услышав отца, начавшего коверкать речь на деревенский лад, она оживилась.

— Пап, а если к маме поехать? Дом большой, втроем поместимся. Военные остров охраняют, переждем там, пока порядок наведут. Продуктов у нас нету, в магазинах, наверное, тоже все вымели, из маркета возле дома мешками выносили…

— Так-то оно так, доча, но Люда… — грустно вздохнул отец, усаживаясь за стол.

— А что Люда? Потерпит! Тут такое творится! — вспыхнула Марина. — Может, на работу временно устроимся, чтоб не пилила без конца!

Отец хмыкнул, однако, возражать не стал. Хоть и подумал с тоской о том, что придется терпеть постоянные скандалы с супругой, но деваться, в самом деле, некуда.

Налив еще по кружке чая, Красновы принялись обсуждать возможные варианты бегства из города. Пришли к тому, что сначала следовало бы заехать домой, собрать какие-нибудь вещи и продукты в дорогу, тем более что до дома совсем недалеко. Только для начала следовало выбраться из ловушки. Давить больных отец по-прежнему не хотел, опасаясь возможности попасть в тюрьму, а эти самые больные, как назло, столпились перед воротами и во дворе, медленно вышагивая своими непослушными ногами. Пару раз Марина влезала на стеллаж, чтобы выглянуть во двор из окошка под самым потолком, каждый раз убеждаясь в присутствии полутора десятков мертвецов возле бокса.

Лишь когда стемнело, Игнатич, бродивший по ангару с задумчивым видом, вдруг хлопнул себя по голове:

— Дурак я старый! За боксом же пустырь, там твоя «лада» проедет! Надо только стену разобрать! Доча, а ну, помогай!

Отогнав машину к самим воротам, Марина прислушалась к оживившимся из-за шума в ангаре мертвецам на улице, затем схватила кофр с инструментом и бросилась к отцу. Довольно быстро сняли сайдинг, затем листы пенопласта, оголив металлическую стену, отделявшую их от свободы.

— Пап, здесь придется болгаркой резать! А там эти… больные! На шум могут пойти!

— Доча, так ты по воротам постучи, шобы им тама нескучно было! А я тут сам справлюсь. Лучше в окошко глянь, нема кого за ангаром?

Когда отец начал резать стену, Марина от души лупила молотком по железным направляющим шторы, попутно выкрикивая всё, что приходило на ум. Зомби скреблись в металл, шумно топтались у ворот, пинали тонкую препону, отделявшую их от вожделенной добычи. Когда Игнатич закончил, дочка помогла ему убрать куски стены, расчистив дорогу. Теперь между ними и свободой оставалась только тонкая сетка ограждения, вплотную примыкавшая к стене ангара. Осветив фонарем пустырь, Красновы еще раз убедились, что никто не встанет у них на дороге.

— Пап, я соберу инструмент, какой есть! А ты, найди какое-нибудь оружие, вдруг понадобится!

Марина забегала по боксу, хватая отвертки, ключи и прочие инструменты, способные понадобиться в дороге. Собрав все в брезентовую сумку, забросила её в багажник и побежала на кухню, налить воды в пустые бутылки. Отец тем временем отправил в машину пару свежих аккумуляторов, насос и снятый с пожарного щита топор. Нашлись также четыре канистры с бензином, слитым со стоящего на ремонте «опеля».

— Доча, давай за руль! Я сейчас по сетке болгаркой пройдусь, шобы столбы не корчевать!

Краснова прыгнула за руль, чуть прогрела двигатель, отец тем временем окончательно освободил дорогу. Закончив, аккуратно уложил резак на стеллаж и отключил рубильник, подающий питание на все помещение.

— Так-то справнее будя! — грустно сказал Игнатич, устраиваясь в пассажирском кресле. — Ходу, доча, ходу!

Выкатившись с бетонного пола бокса, машина запрыгала на кочках пустыря, однако, опасности застрять не было. Свернув в сторону дороги, Марина медленно повела «девятку», внимательно рассматривая освещенную фарами землю, поймать колесом осколок бутылки или случайную железку, очень не хотелось. Пешком по темноте, таящей в себе множество опасностей, далеко не уйти…

С желанием попасть домой пришлось расстаться, наткнувшись на блокпост возле переезда. Военные намертво перегородили бронемашинами дорогу, разворачивая всех желавших въехать или выехать из города. Повертевшись немного возле несговорчивых вояк, Игнатич вернулся в машину, сокрушенно мотая головой.

— Доча, поехали к маме. Не дадут нам в город попасть. Цельный майор на калитке стоит, не пущает! Кажет, другие въезды тожа закрыты, комендантский час в Ярославле. Айда через Чурилково до Никульского, тама до Тутаева повернем!

Доехав до Никульского, Красновы снова остановились перед армейским постом, в очереди за тремя такими же как они сами, желающими проехать. Проверив документы, постовые пропустили первые две машины, завернув обратно третью, джип «гранд чероки» черного цвета, в котором сидели трое крепких мужчин.

— Пап, теперь я поговорю с ними. Поулыбаюсь мальчикам, может, уговорю! — категорично заявила Марина собравшемуся выходить отцу.

Изящно выпорхнув из автомобиля, девушка подошла к солдатам, долго с ними о чем-то говорила, временами

посмеиваясь вместе с вооруженными ребятами. Веселый разговор прервал некстати появившийся офицер, отправив солдат по своим местам, Краснову же, после проверки документов, отправил восвояси.

— Пап, не проедем. Пускают только местных, кто в деревнях живет. Остальных отправляют по домам. — огорченно сказала девушка, устраиваясь за рулем.

— Бардак, как всегда… Дома вообще никого никуда не пущают, здесь домой загоняют… — начал было возмущаться Игнатич, но в этот момент в окошко Марины постучали.

— Привет, красотка! Что, не пускают? Поехали с нами! — стоило окошку немного опуститься, бритый налысо парень, весьма уголовной наружности, сразу же заговорил с девушкой. — Баньку натопим, поляну накроем, отдохнем…

— Эй ты! — жестко заговорил Игнатич, наклонившись к незваному гостю. — А ну, пшел отсюда!

— Папаша, отвянь! Не с тобой базарю! Ты давай, вали, у нас для тебя места нету! — грубо ответил приставала. — Ну, красавица, поехали! Дедушка сам доберется, куда ему надо!

В ответ Марина взорвалась грязной бранью, послав молодчика по всем известным пешим эротическим маршрутам, закрыла окно, и, вдавив педаль в пол, резко вывернула руль в сторону дороги, продолжая материться.

— Доча, ты таво, спокойнее ехай! Дорога вишь какая? Неровен час, на яму наедем, диск погнем! — заявил Игнатич, когда негостеприимный поселок остался далеко позади.

Марина немного сбросила скорость, все ещё гневно сжимая губы и сердито хмуря брови.

— Давай, доча, спокойнее… Ехай до Большого села Большое село — населенный пункт в Ярославской области., тама и свернем на Рыбинск, с Рублёво дорога шибко худая, грузовиками битая, по мороку не проедем.

— Пап… Смотри, сзади догоняет кто-то, фарами сигналит! — встревоженно сказала Марина, поглядывая в зеркало заднего вида.

Отец развернулся, вглядываясь в темноту, однако, слепящие фары догоняющей их машины мешали рассмотреть что-либо.

— Ничё не видать, хто тама…

Когда преследователи почти догнали Красновых, отец с дочерью увидели тот самый «гранд чероки» с тремя мужиками внутри.

— Пап, пристегнись! — скомандовала Марина, прибавляя ходу. — Вот козлы, никак не отцепятся!

Стремительно рванувшая вперед «девятка», вероятно,

удивила злоумышленников. Немного отстав поначалу, они тоже ускорились, потихоньку сокращая расстояние. Красновой приходилось постоянно объезжать ухабы на дороге, зато внедорожник шел по неровностям легко и быстро. Иногда расстояние между машинами сокращалось до нескольких метров, но на относительно ровных и прямых участках дистанция быстро увеличивалась. Проскочив мост через мелкую речушку, перед которым горела автозаправка, наполняя воздух едким запахом гари, Марина отчаянно завертела рулем, петляя между глубокими рытвинами, густо покрывавшими дорогу.

— Тут грузовики из карьера часто ездят, песок в город возят. — заметил Игнатич, наблюдая за приближающимся внедорожником. — В Большом должны быть вояки, сразу к ним гони, под самые броневики!

Сцепив зубы, Краснова старалась оторваться от преследователей, приблизившихся едва ли не вплотную. Фары джипа слепили глаза, отражаясь в зеркалах, колеса с неприятным стуком часто бились о края ям. Несколько раз внедорожник едва не касался бампером машины беглецов, но каждый раз девушке удавалось избежать столкновения.

Пролетев пару километров, отделявших их от центра крупного селения, Красновы увидели вместо очередного блокпоста дымящие остовы армейских грузовиков, под колесами захрустели густые россыпи стреляных гильз. В свете фар то и дело мелькали шатающиеся, похожие на призраков фигуры, хотя некоторые из них бегали довольно резво, пытаясь броситься на едущие машины. С парой медлительных, качающихся зараженных, стоящих посреди дороги, не удалось избежать столкновения, к счастью, без последствий для автомобиля.

— Дочка, в Новом сворачивай налево, к Угличу. Там электростанция, наверняка охрана хорошая! — отец опять перестал коверкать речь. — А как ***эти*** уедут, к Рыбинску двинемся, вдоль Волги.

Десяток километров, разделявших Новое и Большое, пролетел незаметно. Немного оторваться от уродов удалось лишь перед самым поселком, где планы Игнатича снова разрушились — на повороте к Угличу поперек дороги стоял лесовоз. Марина едва успела вывернуть направо, потеряв преимущество в скорости. Отставший прежде «Чероки», снова притерся бампером к багажнику «девятки».

— Пап, сколько до Рыбинска? — спросила девушка, начавшая выбиваться из сил.

— Километров восемьдесят, если по трассе. — ответил отец, оглядываясь назад.

— Пап, не выдержу… Руки болят… — вопреки своей натуре, пожаловалась Марина, обычно никто не слышал от неё жалоб.

— Дочка, рули к переправе на Мышкин! Может на причале есть военные или менты! Как Борок Борок — деревня на правом берегу у моста через реку Юхоть, притока Волги, проедем, сразу налево на мост, за ним направо! Эх, ружье бы сейчас, я бы им!.. — Игнатич бессильно ударил кулаками по коленям.

Девушка лишь крепче вцепилась в баранку, всматриваясь в набегающую дорогу, испещренную лунками. С обеих сторон серую ленту шоссе сжимали темные стены леса, в глаза бил дальний свет преследовавшего их внедорожника. Слова отца звучали глухо, словно из бочки, смысл доходил гораздо позже. Борок… Налево… Направо… Переправа…

Проскочив мост через устье Юхоти, превратившейся из мелкого ручейка в полноводную реку, Марина свернула направо, к парому. Ей удалось немного оторваться от погони, та чуть замешкалась в деревне перед мостом, выкатившись на обочину на крутом повороте к мосту. Проскочив деревню, Красновы подъехали к заполненной машинами, но безлюдной переправе, оживленной лишь светом из распахнутой настежь двери кафе.

— Доча, быстро внутрь! — почти закричал Игнатич, отстегиваясь и хватая лежавший на заднем сидении топор. — Закроемся, может там не достанут!

Вбежав внутрь прибрежной кафешки, оказавшейся совсем пустой, отец первым делом провернул вороток замка, затем щелкнул выключателем, потушив свет в помещении. По стенам скользнули лучи фар подъехавшей к зданию машины.

— Эй вы, там! Выходите, сильно бить не будем, девку в натуре! — заорал один из уродов, выскочивший из джипа. — Пока я добрый!

— Доча, сиди тихо! — Игнатич зашипел на Марину, нервно тершую нывшие от перегрузки запястья. — Пересидим небось!

Кто-то из нападавших начал бить в дверь ногой, второй разбил окно. К счастью, между рамами находились металлические решетки, добраться до загнанной в угол добычи распалившимся не в меру охотникам оказалось нелегко.

— Стасян, атас! Опарыши от реки идут! — срываясь на визг, закричал третий, видимо стоявший возле машины. — Дохера!

— Бросай эту манду стриженую, братан! — крикнул бандит, разбивший окно. — Валим отсюда! Доцик, в бошку стреляй! В бошку!!!

Сухо треснули пистолетные выстрелы. Один, второй, третий… Через несколько секунд внедорожник, взвыв двигателем, снова на миг осветил убежище Красновых, выворачивая на

дорогу, а вскоре звук мотора растворился в ночной тишине.

— Паап… — дрожащим голосом спросила Марина, пытаясь справиться с предательски стучащими от страха зубами. — Они… Уехали?..

— Да, доченька, уехали… — ответил отец, вглядываясь в темноту за окном — Только мы опять попали… Там эти пришли… Опарыши…

Глава 8
Денис Хворостов, бывший сотрудник ЧОП «Легион»

22 марта, четверг, г. Ярославль.

Дождавшись рассвета, сидя над оцепеневшим Одинцом, я ненадолго оставил вместо себя Саньку, а сам сбегал к Лукиным, разбудив их долгим, непрерывным звонком в дверь. Объяснив недовольному спросонок Игорю, что случилось и что от него требуется, я стремительно поднялся к себе. Виктор всё так же лежал, не сменив позу, не шевелясь, казалось, он даже не дышал. Никогда раньше не видел своего друга таким… Мы теряли друзей в бою, некоторые умирали на наших руках, но никогда раньше Бэтэр не превращался в безмолвную скульптуру. Я не знал, что делать, это пугало больше, чем происходящий за стенами дома бардак.

Когда в прихожей раздались тихие голоса соседей, я снова поменялся местами с Алькой, закрывшись с друзьями на кухне.

— Игорь, Ксения… Нам с Алькой поспать надо. Мы две ночи на ногах, я на ходу засыпаю, она тоже. Хотя бы пару часов перекемарить, а там видно будет… — я говорил медленно, глаза в самом деле слипались от усталости. — Справитесь? Витя, если в бешенстве, страшен… Я убрал все оружие и ножи подальше, но все же…

— Денис, не волнуйся. Если что, подержу его пару минут, пока Ксюша тебя будить будет. — заверил меня Лукин. — Единоборствами занимался, кое-что помню…

Оставив соседей присматривать за бесчувственным другом, я упал, не раздеваясь, на кровать в спальне, рядом с Алькой, моментально отключившись от реальности…

Из ласковых объятий Морфея меня вырвал яркий солнечный луч, коварно пробравшийся сквозь щель между задернутыми шторами. Чертыхнувшись, я попытался спрятаться от него, но тут же поднялся, вспомнив, что сегодня не очередной выходной, а полный бед и ужаса день. Алька беззаботно спала, за дверью спальни царила тишина.

Стоило мне выйти в коридор, как я тут же увидел Ксюшу, сидевшую на кухне. Сделав страшное лицо, она приложила палец к губам, требуя тишины, затем кивнула, приглашая за стол.

Проходя мимо закрытой гостиной, откуда доносились низкие голоса говорящих мужчин, я вопросительно посмотрел на соседку, но та лишь призывно махнула рукой. Не задерживайся, мол, иди сюда.

Устроившись за столом, я спросил, что же там происходит.

— Все хорошо, Денис… — полушепотом ответила Ксения. — Витя уже успокоился немного, Игорь ему мозги вправляет. Как закончат, он сам выйдет. Попей пока чаю, поешь. Я омлет с салом приготовила, на всех.

За едой и чаепитием прошел долгий час, показавшийся бесконечностью. В конце концов, бубнеж в гостиной закончился, еще минут через пять оттуда вышел Лукин. Уставший, но довольный.

— Что с Виктором? — я сразу же задал соседу самый важный для меня вопрос.

— Нормально с ним… Спит… — ответил Игорь, садясь на свободный табурет и тяжело откидываясь спиной на стену. — Ксюша, налей чаю… Крыша едет.

Ксения налила три чашки ароматного травяного чая. Вероятно, пока я спал, Лукины принесли гостинцев. Вспомнив прошлогодние приключения соседа, я догадался, что это алтайский чай.

— Что ты ему сказал? О чем говорили? — поинтересовался я, отпив пару глотков.

— Да так, о разном… Если кратко. Напомнил ему слова отца, последнюю его волю… — Лукин грустно вздохнул, потупив взор. — Между слов, вложил в голову идеи, что он не одинок, что у него есть новая семья, две сестры и два брата. Потом аккуратно выводил на эту мысль, пока она не стала его собственной. Потом за жизнь говорили, потом он уснул…

— Ну ты мастер! Даже не догадывался, что так можешь! — удивился я.

— Он меня смог приручить, Денис… — вмешалась в разговор Ксюша. — До сих пор не понимаю, я это или не я! А у Виктора просто не было шансов!

— Конечно же ты! — Игорь взял жену за руку. — Только без той шелухи, в которую была завернута всю жизнь!

Лукины посмотрели друг на друга глазами, полными любви, это длилось какое-то мгновение, но воздух на кухне словно наэлектризовался.

— Так, ребята, давайте думать, что делать дальше! — я решил разрядить обстановку, зная горячий темперамент своих соседей. Совсем не ко времени начинала разгораться их страсть. — Мы имеем кошмар за окном, полную

неопределенность, две с половиной машины, «шаха» Шаха — «шестерка», она же ВАЗ-2106 Алькиного отца не в счет, мой «паджерик» тоже. Из Ярославля надо уезжать, это не обсуждается. Эпидемию лучше пересидеть не в городе! У нас куча барахла, причем бросать его нельзя. Оружие, продукты, одежда, семь человек. Даже если забить Витькину «буханку» под завязку, всё и все не поместимся.

— Что ты предлагаешь? — задал резонный вопрос Игорь.

— Надо найти подходящую машину. Я думаю, при том бардаке, что сейчас творится, это не проблема. Что-нибудь ходкое и вместительное, типа «буханки», или, на худой конец, «газельку» Газель — малотоннажные автомобили ГАЗ, серии 3302 разных модификаций. Если вся эта карусель затихнет, вернем на место, с бонусом в кузове. — секунду подумав, я продолжил. — Игорь, мы с тобой пойдем на поиски, Ксения здесь за старшую останется, присмотрит за всеми.

— Доверюсь твоему чутью, ты солдат, обстановку лучше понимаешь. — сосед неслышно хлопнул ладонью по столу. — Ксюша, посматривай на Виктора, если что, морочь ему голову, ты это умеешь лучше всех нас. Надеюсь, мы управимся быстро! Кстати, Денис, она в интернет заглядывала… Нам лучше вооружиться, грабеж магазинов идет полным ходом! Стрельбы сам слышишь, сколько, менты только сами себя охраняют.

Действительно, с улицы доносилась почти непрерывная канонада. Неразумно было бы соваться туда без оружия, неизвестно, кто сейчас опаснее — мертвяки, или грабители.

Подумав, я достал из шкафа в спальной, стараясь не разбудить Саньку, две «Сайги», двенадцатого калибра и нарезную. С автоматом, пожалуй, по улицам ходить еще рановато… Заодно прихватил свой служебный пистолет и один ПМ. Отнес всё на кухню, затем вернулся за патронами и снарягой. Алька заворочалась во сне, к счастью, не проснувшись. Тихонько выскользнув из комнаты, я аккуратно закрыл дверь, а Игорь уже стоял в прихожей, тиская в руках карабин. Взяв у меня снаряженные магазины, он рассовал их по карманам «камка»[3], последний лихо пристегнул к оружию.

Я влез в «разгрузку», зарядившись четырьмя магазинами для «калаша», пятый вставил в «Сайгу». Пистолет нашел свое место в кобуре, а «макар», после дополнительного инструктажа, отдал Ксюхе. Лучше, если у неё будет что-нибудь на крайний случай, так всем спокойнее.

Закончив сборы, мы вышли на улицу. Я снова увидел стоящую над клумбой соседку-старушку, кажется, со вчерашнего дня она не сдвинулась с места. Почуяв неладное, я шепнул

Игорю, чтобы он оставался на месте, а сам осторожно подошел к ней, на ходу вытаскивая пистолет.

— Бабушка!.. — позвал я её, когда между нами осталось пару шагов.

Бабка даже не шевельнулась, а я только сейчас обратил внимание на её руки. Пальцы были отгрызены, на посиневших кистях виднелись многочисленные мелкие укусы, оставленные каким-то мелким зверьком, не крупнее мыши. Вспомнив, как был укушен Игорь, я наклонился и ткнул старушку стволом пистолета в спину, тут же отпрыгнув назад. Женщина развернулась, испугав меня отвратительной маской смерти, вместо морщинистого лица. Изъеденная почти до черепа, глядящая в никуда грязно-белыми глазами, морда покойницы внушала животный ужас. Не помня себя, я дважды выстрелил в порождение ада, краем сознания отметив, как оно оседает на землю.

Опомнившись, я посмотрел вокруг. Никто не бежал ко мне, никто не поднимал панику. Кажется, сейчас никому нет дела до того, что на улице прозвучали два новых выстрела, что какая-то старуха лежит на земле с расколотым черепом… Ну и нам значит, можно не думать об этом…

Выглянув на дорогу, мы решили передвигаться пешком. Проспект Октября, забитый машинами под завязку, растянул бы наши поиски на долгие часы.

Первым делом оббежали прилегающие дворы, не найдя ничего подходящего. Легковые, трехтонный «бычок» со спущенными колесами, ничто из этого нам не подходило. Перебежав проспект, под удивленными при виде двух вооруженных громил взглядами водителей, обошли задворки «Гиганта» «Гигант» — Торговый, офисный, досуговый центр в центре г. Ярославль., по пути заглянув в разгромленную грабителями аптеку. Оставив Лукина следить за обстановкой, я побродил среди перевернутых стеллажей и вывернутых ящиков. Подобрав несколько упаковок бинтов и пару десятков флаконов с витаминами, спрятал добычу в рюкзак, лишним точно не будет…

— Денис, давай по больничкам пробежимся! — предложил Игорь, когда я вышел из развалин аптеки. — Там много спецтранспорта должно быть, ты сам слышал, как там стреляли!

— Согласен, только там могут вояки стоять, как бы не нарваться! — мне совсем не хотелось быть подстреленным каким-то потерявшим рассудок солдатиком, защищавшим ночью больницу.

— Мы аккуратно! — возразил сосед. — Если военных увидим, быстро свалим! Правда, слишком тихо там сегодня, может, ушли?

Перебежав проспект Ленина, мы прошли в арку здания

прокуратуры, моментально попав в какой-то другой мир. Во дворах не было ни души, многие окна зияли темными провалами выбитых стекол. Взяв карабин на изготовку, я двинулся вперед, мимо ограды детского сада, к корпусу городской больницы. Если бы не шум автомобилей на проспектах, могло бы показаться, что мы попали в заброшенный город.

Обогнув угол поликлиники, я застыл на месте, не веря своим глазам. Двор между четырьмя корпусами лечебницы был усыпан телами, лежащими вповалку друг на друге. Доктора, люди в больничных пижамах, в уличной одежде, в военной форме… Большинство трупов покрыто укусами, рваными ранами, словно от когтей, у многих не хватало голов или частей черепа. Почувствовав подкатывающую тошноту, от невыносимого смрада и вида горы тел, я поспешил дальше, надеясь, что подобного больше не увидим.

Увы, мои надежды оказались тщетными. Пустынная улица больничного квартала, перегороженная с двух сторон тяжелыми самосвалами, также была усеяна трупами. Пнув ногой что-то, загремевшее пластиком, я поднял магазин для «калаша», пустой, но исправный. Везде валялись стрелянные гильзы разных типов — автоматные, пистолетные, местами даже фрагменты пулеметных лент. Будто линия фронта прошлась по узкой улочке…

— Денис, смотри! Многие убитые в бинтах! Наверное, покусанных сюда, в травму привозили, а они тут… — Лукин не закончил фразу, но я понял, что он хотел сказать.

Заходить во дворы больниц не хотелось. На траве валялось неисчислимое количество тел, возле зданий стояли машины «скорой помощи», забрызганные кровью или изрешеченные пулями, в окнах иногда виднелись медлительные или неподвижные фигуры с серыми лицами. Я уже пожалел, что влезли сюда, но деваться некуда, мы уже здесь, придется идти до конца…

Дойдя до памятника Соловьеву, мы пошли по улочке вглубь больничных задворков, мимо многочисленных автомобилей, забивших стоянку. Если что-нибудь стоящее и найдется, то только здесь, вон, вполне сносный минивэн стоит… К сожалению, с восставшим из мертвых пассажиром внутри, скребущимся в стекло…

Игорь шел, оглядываясь по сторонам, взяв на изготовку свой карабин. Я с удовольствием заметил, что вчерашние уроки не прошли даром, указательный палец лежал поверх оружия, а не на спусковом крючке.

— Денис, смотри, впереди, возле неврологии, видишь, что

стоит? — Лукин показал левой рукой в нужном направлении.

Присмотревшись, я заметил белый фургончик, похожий на медицинскую «газель», но без мигалки и красных полос на кузове. Если он целый, наши поиски завершены — на таком можно без проблем увезти и наше барахло, и вещи родителей Альки. А открыть и завести его, минутное дело…

— Дэн, мне это всё сниться будет в кошмарных снах… — сказал Лукин, проходя мимо очередной россыпи изувеченных тел возле часовни, расположенной в одном здании с моргом. — Пиздец просто!

— Привыкнешь, братан… Не к трупам, к снам… — мои слова не стали для него утешением. — Что за?..

Открыв от изумления рот, я застыл на месте. Игорь тоже замер, не веря своим глазам. То, что издалека выглядело кучками мусора, вблизи оказалось растерзанными на мелкие клочки человеческими телами. Непонятно, кто или что, могло сделать с ними такое, но они выглядели так, будто их пропустили через камнедробилку или мясорубку. Изодранная в мелки клочки одежда, перемолотые кости, валяющиеся в бурых, комковатых лужах.

— Не нравится мне всё это… — прошептал сосед, опасливо оглядываясь.

— Похоже на то, что их взрывом разлохматило… — заметил я. — Только не видно, чтобы здесь что-то взрывалось… Давай по-быстрому, посмотрим машину, и ходу отсюда, жутко тут!

Добежав до машины, мы проворно осмотрели её. Целая, открыта даже, только ключей нету в замке, но для меня это не проблема…

— Денис! Кажется, я ключи вижу! — Лукин показал рукой на одно из разодранных тел, усеянное обрывками рабочего комбинезона.

Он успел сделать всего несколько шагов, когда где-то над головой зазвенело разбитое стекло, и я увидел крупную тень, падающую точно на соседа.

— Беги!!! — заорал я во всю глотку, тут же замолчав и замерев от изумления.

Мощная фигура Игоря метнулась вперед, словно выпущенная из пращи. Пролетев десяток метров, от молниеносно развернулся в сторону твари, упавшей на то место, где он только находился. Нечто, похожее на смесь саблезубого тигра и гориллы, но покрытое не шерстью, а бугристой серой кожей, стремительно повернулось в его сторону, присев для прыжка. Мои руки, отдельно от сознания, вскинули карабин, тут же загрохотавший выстрелами. Оружие Лукина отстало от моего лишь на доли

секунды, также начав посылать в монстра смертоносные заряды. Зверюга, из которой фонтанами полетели брызги бурой жидкости, отпрыгнула в сторону, затем, не издав ни звука, помчалась крупными скачками прочь со двора, оставляя за собой брызги отвратительной жижи, текущей из ран…

Сменив магазин, я бросился к оцепеневшему соседу, продолжавшему давить на спуск, сходу влепил ему крепкую оплеуху, подобрал ключи от машины и тут же побежал обратно, увидев, что затрещина помогла Игорю отойти от шока.

— Быстро в машину! — заорал я ему, для верности схватив за рукав. — Бегом!

К счастью, двигатель завелся с пол-оборота. Вывернув руль до отказа, я поехал прочь от этого кошмарного места, снова мимо часовни, памятника и минивэна с мертвецом внутри, к пролому в заборе, к арке прокуратуры… Лишь выехав на проспект, я немного успокоился, все ещё не веря, что мы вернулись в мир, полный пока ещё живых людей. Сидящий рядом сосед, бледный как сама смерть, смотрел перед собой пустыми глазами, сжимая побелевшими пальцами цевье карабина.

— Братан, мы вырвались! — позвал я Лукина, надеясь вывести из шокового состояния. — Очнись!

Сосед встрепенулся, услышав голос, медленно повернул голову в мою сторону. Я увидел, как в его глазах разгорается тот самый огонь, напугавший всех вчера.

— Потерпи, братан! До дома пять минут, только через площадь проедем! — почти закричал я, видя, как искажается его лицо.

Поняв, что наши бедствия еще не закончились, я отчаянно пробивался через поток машин, стараясь как можно быстрее доехать до дома. Сосед пока еще держал себя в руках, но я понимал каким-то шестым чувством, что надолго его не хватит. Наконец, проскочив мимо ювелирного, я вывел машину на улицу, ведущую к дому. Еще немного…

Едва въехав во двор, я первым выскочил из машины и бросился к подъезду. Лукин вывалился из машины за моей спиной, рыча каким-то утробным, хищным голосом. Быстро обогнав меня, он помчался вверх, перепрыгивая сразу через половины лестничных маршей. Догнав соседа только возле его квартиры, я вырвал ключи из его пальцев, сведенных судорогой, и открыл дверь. Неожиданно, меня осенило.

— Стоять! — заорал я на Игоря, толкнувшего меня в спину так, что я едва удержался на ногах.

Лукин почему-то послушался, остановившись. Его могучая грудь высоко поднималась при каждом вдохе, глаза, налившиеся

кровью, смотрели на меня, как на аппетитный бифштекс. Решив не испытывать судьбу лишними разговорами, я бросился к бару, схватил первую попавшуюся бутылку, на ходу откупорил её и чуть ли не силой вставил в рот взбесившемуся гиганту.

— Пей! Глотай! Ещё!!! — снова криком принудил его к действию.

Сделав несколько больших глотков, он закашлялся, затем плюхнулся на задницу прямо посреди коридора. Уперевшись руками в пол, он пару минут тяжело дышал, медленно расслабляясь. Когда его дыхание пришло в норму, Игорь поднял на меня глаза, вновь наполнившиеся разумом.

— Что со мной?!.. — пробормотал он, пытаясь встать на ноги. — В голове будто короткое замыкание происходит, нутро гореть начинает… Ты как додумался в меня вискарь влить?

— Так, вспомнил, как ты после портвейна успокоился! Да и продуктов жалко, ты же все запасы сожрешь, крокодил! — попытался я пошутить, хотя вышло не смешно.

— Дай еще раз глотну… — Игорь взял бутылку, приложился к ней. — Я на тебя, как на кусок мяса сейчас смотрел, сожрать хотел!

— Да я заметил, напугал ты меня… Помнишь хоть, что во дворе больницы было?

— Помню! Страшила какая-то выскочила, мутант зубастый! Не пойму только, как он меня не поймал!

— Как? Ты прыгнул так, будто тебя взрывом швырнуло, я офигел просто! Тварь, по-моему, тоже! Десяток метров пролетел, как супермен!

— Да какой из меня супер… мэн… — недовольно пробормотал сосед, пробираясь мимо меня в комнату. — Чуть в штаны не накидал, как сверху стекло зазвенело. Я хоть попал в эту… в это?..

— Попал, еще как! Из него фонтанами жижа летела! Непонятно, зачем доктора такую тварь в больнице держали, может, опыты на ней проводили? Ты рассмотрел, что за зверюга?

— Не… Слишком быстро всё произошло. Похоже на гориллу, по-моему, — закончив наполнять плоскую флягу из недопитой бутылки, Лукин кивнул на неё. — Если спиртное меня успокаивает, лучше под рукой иметь, не хочу кого-нибудь сожрать. Пошли смотреть, что мы нашли!

Нашим трофеем оказался цельнометаллический «Соболь» «Соболь» — серия малотоннажных фургонов производства ГАЗ. В данном контексте модель ГАЗ-27527 с полным приводом, а также приличным набором инструмента в кузове. Вероятно, прежний его владелец работал сантехником…

Подогнав находку поближе к подъезду, мы поднялись в мою квартиру, увидев девчонок, сидящих за столом вместе с Бэтэром. Одинец почернел и ссутулился, казалось, даже сник в плечах, меж бровей прорезалась глубокая складка. На наше появление он никак не отреагировал, продолжая смотреть в одну точку, встречать нас вышла только Алька, Ксения осталась за столом.

— Ему лучше… Рвался бежать, вас искать, Ксюха его едва заболтала… — шепнула на ухо Санька, обнимая меня. — У вас все хорошо?

Я кивнул в ответ, затем подошел к Бэтэру, положив руку на его плечо.

— Здоров, братка! Выспался? — увидев чуть заметный кивок его головы, я посмотрел на стоящего позади Игоря, не зная, что дальше делать.

— Надо оружие почистить! — сказал Лукин, быстро взглянув на Виктора. — Нам сегодня выезжать, не ехать же с копчеными стволами?

Одинец вздрогнул при упоминании об оружии, даже вопросительно поднял на меня глаза, полные тоски и боли.

— Пришлось немного пострелять, ничего серьезного! Ты это, брат, сиди с девчонками, мы быстро! — успокоил я друга.

Пока мы приводили оружие в порядок, Ксения что-то говорила Виктору, а Игорь объяснял мне, как вести себя с другом. Закончив чистку, мы наскоро перекусили, затем я начал собирать смертоносные железки в дорогу. Сосед, в свою очередь, схватил самые тяжелые баулы, потащив их вниз, к машинам.

— Витек, брат, помоги Игоряну! — попросил я друга, когда Лукин скрылся за дверью. — Он без тебя не справится!

Тяжело вздохнув, Бэтэр поднялся с табурета, подхватил первые попавшиеся сумки, скрылся с ношей за дверью. Наскоро переговорив с девушками, наказал Саньке предупредить родителей о нашем скором приезде, с ночлегом всей компанией. Затем вооружился «макаром» вместо служебного «ижака», повесил за спину один из «калашей» и потащил вниз сумки с оружием. Пока девчонки окончательно соберутся в дорогу, а парни перенесут барахло в машины, мне придется дежурить внизу, понимая, что трофеи нужны не только нам.

Сборы заняли не так много времени, как ожидалось. Последней поклажей оказались две увесистых сумки, которые Лукин бережно уложил в багажник своего «Аутлэндера».

— Не бросать же… — немного смущаясь, сказал он, закрывая машину. — Это был мой бар, долго собирал. Бабла вложил, даже сейчас лучше не говорить…

— Да уж, знаю я твои вкусы! — ухмыльнулся я в ответ. —

Коньяки полувековые, портвейны сорокалетние…

— Не только… Если не разобьем ничего, узнаешь, что там еще есть! — загадочно улыбнулся сосед, затем вдруг стал серьезным. — Мы с тобой кое-что забыли сделать! Наркошу нашего не запамятовал?

Я чуть не ударил себя по голове… Колян! Лежит в своей квартире, связанный! Или уже нет? А если вырвался, и укусит еще кого-нибудь? Или зайдет кто-то, а там… Усадив Виктора на пассажирское место в его «буханке», Ксению за руль «Аутлендера», попутно вооружив своим служебным пистолетом, а Саньку в «Соболь», я последовал за Игорем в подъезд. По пути доставая ключи от квартиры наркомана из кармана на рукаве, где лежал ещё и его навороченный «коммуникатор». После нескольких секунд колебаний, всё же решил не выбрасывать, в таких игрушках, кажется, есть карты местности, только зарядное устройство надо найти…

Из ветхой берлоги барыги пахнуло густым смрадом, заставив нас закашляться, подавляя приступы тошноты. Трупные миазмы, приторные, липкие, смешались с химической вонью, выдавив слезы из глаз. Закрыв нос рукавом, я достал пистолет, отодвинул соседа в сторону и вошел в сумрачный склеп, вслушиваясь в его тишину.

Колян лежал на том же месте, где его и оставили, совершенно неподвижно. Сначала даже показалось, что он упокоился окончательно, однако, стоило нам войти в комнату, он дернулся, сначала едва заметно, затем задвигал челюстью, громко щелкая зубами.

— Стой… — остановил меня Игорь, отведя в сторону мою руку с пистолетом, нацеленным в голову мертвяка. — Не ты! Пусть Виктор немного пар спустит! Давай-ка мы с тобой его аптеку вынесем, тут обезболивающих со стимуляторами целый склад, шприцы тоже не помешают!

Завернув ящики с лекарствами и шприцами в найденную на кухне пленку, мы перенесли их в машины. Затем, оставив соседа на улице, я потащил Бэтэра за собой. В комнате с ворочающимся на полу Коляном, глаза Виктора вспыхнули почти так же, как у Игоря во время его приступов. Едва не бросившись на мертвяка с голыми руками, Одинец вырвал у меня пистолет, и, скрипя зубами от злости, всадил тому в голову весь магазин. Когда патроны закончились, Бэтэр еще долго нажимал на спусковой крючок, яростно рыча. В конце концов, отобрав у него оружие, я вывел друга из злополучного жилища, ставшего могилой…

Пробиться до Иваньково, где жили родители Саньки, оказалось непросто. Вереница машин, стоящих на проспекте

Октября, упиралась в огромную пробку перед развязкой, ведущей на Юбилейный мост.

Несколько раз удалось поговорить с водителями других машин, невесть откуда узнавших, что мост намертво перекрыт баррикадой и автоматчиками, по радио не было никаких новостей или сообщений. «Лебединое озеро» периодически прерывалось голосом диктора, призывавшего сохранять спокойствие, оставаться дома, сдать оружие правоохранительным органам, оказывать содействие… Только реальность выглядела совсем иначе, наполняя воздух гарью разгорающихся пожаров и вонью тысяч трупов, валяющихся под открытым небом, цепляясь за сердце ужасом от вида восставших мертвецов, хватающих зазевавшихся прохожих или запертых с «шатунами» в одном доме. В интернете, как сказала Ксения, их назвали «зомби». Что же, удачное название, хоть и отдает фантастическими ужасами. Впрочем, какая уж тут фантастика, когда весь мир сошел с ума…

Воспользовавшись повышенной проходимостью наших машин, мы кое-как пробрались по газонам на другую сторону развязки. Выбравшись на Тутаевское шоссе, мы потратили еще около получаса, чтобы преодолеть оставшиеся полтора километра. Тем не менее, мучения скоро закончились — наша маленькая колонна подъехала к дому Фроловых, старому, но крепкому бревенчатому терему в два этажа, украшенному изящными резными наличниками и карнизами. Илья Матвеевич, отец Саньки, даже убрал на задворки свою «шестерку», прицеп и пустые бочки, чтобы нам не пришлось оставлять машины за воротами.

— Заходите, гости дорогие! — гостеприимно распахнул двери Матвеевич, вышедший навстречу. — Вера Ивановна стол накрыла уже, подкрепитесь с дороги!

Пока Санька обнималась с отцом, мы, прихватив на всякий случай сумки с оружием, вошли в дом, пахнущий свежим хлебом и ароматным борщом. Моя будущая теща, такая же домоседка, как и Алька, хлопоча у плиты, деловито поздоровалась со всеми, не отрываясь от готовки, а мы принялись устраиваться. Первым делом я показал друзьям удобства, приготовленные для них комнаты, затем, наскоро умывшись, все расположились за столом. Аля с Ксенией помогли Вере Ивановне с сервировкой, Лукин притащил из своих запасов бутылку коллекционного рома «Пират Каск»… Если бы не доносящиеся из-за окон частые выстрелы, и мрачный как туча, Виктор, вяло ковыряющийся ложкой в стоящей перед ним тарелке, все происходящее походило бы на ужин большой дружной семьи в самые обычные, мирные времена.

Когда все поднялись из-за стола, Вера Ивановна перелила

остатки борща в банку, сложила в пакет несколько котлет и большой кусок домашнего хлеба.

— Денис, сыночек, отнеси гостинец соседям, Андрею с Артёмом. Они утром из детской больницы вернулись, там детки все… заболели… Артём, старший, седой весь пришел… Они так и не выходили после…

Братья Квасневичи, потомки древнего польского рода… Андрей, младший, был местным участковым, Артём служил в ОМОНе. Отличные ребята, давно хотел с ними познакомиться, да всё не получалось — то у меня дежурства, то у них служба. Теперь вот, предоставился случай… Старший, седым пришел… Вспомнив увиденное возле нейрохирургии, я нервно сглотнул, представив, ***что*** пришлось пережить братьям…

Шепнув Ксении, чтобы присматривала за Бэтэром, я кивнул на дверь Игорю. Выходить одному на улицу, да ещё с ношей в руках, сейчас как минимум глупо. Вооружив соседа полюбившейся ему «Сайгой», сунул в разгрузку свой ПМ и взял пакет с угощением.

Ночной весенний воздух, обычно свежий, пьянящий, стал совсем другим. Запах недалекого пожара смешался с какими-то непонятным, но вызывающим отвращение душком, похожим на гниющие водоросли, легкие порывы ветра не уносили прочь миазмы, наоборот, делали их сильнее. Стараясь не дышать глубоко, я достал пистолет, Лукин перехватил карабин, готовясь к возможной стрельбе.

К счастью, улица была пустынной. Ни суетящихся живых, ни шатко бредущих мертвых, только гул недалекого проспекта. Все, кто мог, кто имел какие-нибудь колеса, старались поскорее покинуть умирающий, превращающийся в кладбище город. Только фонари над головой, горевшие даже днем, пытались создать впечатление, что всё не так плохо, как кажется.

Дом Квасневичей, стоящий напротив, оказался не заперт, кроме того, тишина и свет, пробивающийся из-под прикрытой двери в комнату, заставили меня насторожиться. Передав идущему позади Игорю пакет с продуктами, я взял пистолет наизготовку, пошел вперед, стараясь ступать как можно тише. Подойдя ко входу в светлицу, аккуратно толкнул дверь, чуть заскрипевшую. Прислушавшись, прошел дальше, не опуская оружия.

За старым, советских времен столом, стоящим посреди просторной комнаты, увешанной многочисленными фотографиями, спортивными дипломами и медалями, неподвижно сидел Артем, одетый в забрызганную темными пятнами омоновскую форму с капитанскими погонами,

уставившись перед собой стеклянными, покрасневшими до черноты глазами. Перед ним, на скатерти, возвышалась почти допитая бутылка водки, справа от нее стоял наполненный до краев граненый стакан, накрытый горбушкой хлеба, а возле его руки лежал пистолет, «Стечкин».

Не выпуская из виду руку омоновца, находящуюся рядом с оружием, я быстро оглядел помещение. Перед телевизором в углу лежало сваленное в кучу снаряжение, винтовка СВУ-АС[4], рядом в беспорядке валялись пустые водочные бутылки. С другой стороны, у стены, на старинном кожаном диване, лежал труп Андрея, с простреленной головой. Сложенные на груди покойника руки, забинтованные по локоть, не оставляли никаких сомнений в настоящей причине гибели младшего брата…

Лукин, замерший в дверном проеме, с нелепо выглядящим сейчас пакетом, молча смотрел на сидящего за столом.

— Артём… — негромко сказал я, следя за его правой рукой, лежащей рядом с оружием. — Мы к тебе пришли… Я Денис, жених Саньки Фроловой, из дома напротив, помнишь меня?

Седой, почерневший, осунувшийся от горя, капитан ОМОНа не шелохнулся, лишь закрыл глаза. Обернувшись, я кивнул Лукину на выход, затем пошел следом за ним, не спуская глаз с лежащего на столе пистолета. Выйдя в коридор, прикрыл за собой дверь, затем так же, как раньше, бесшумно ступая, вышел во двор, к ожидавшему меня соседу.

— Что делать буд… — хотел спросить Игорь, но его слова прервал одинокий выстрел, глухо ухнувший в покинутом нами доме.

— Стой здесь! — тихо сказал я дернувшемуся от резкого звука соседу. — Я сам!

Снова подняв оружие, я вернулся в обитель Квасневичей. Всё та же тишина, всё так же тихо скрипнула оттолкнутая мной дверь…

Из головы лежащего на столе Артёма по скатерти растекалось пятно темной, густой крови. Пистолет покойного валялся на полу, из ствола еще поднималась тонкая, почти невидимая струйка дыма. Не стало и второго брата, побывавшего в аду при жизни…

— Надо похоронить ребят… — раздался голос Игоря за спиной, заставив меня вздрогнуть. — Я сбегаю к нашим, скажу, что задержимся…

Выкопав две могилы в небольшом огородике, мы завернули братьев в простыни, найденные в шкафу одной из спален. Стараясь не смотреть на фотографии, висящие на стенах… Засыпав тела землей, мы наскоро сделали два креста, написав на

них имена погибших. Налив до краев два стакана водки, принесенной Лукиным, поставили их у изголовий, затем молча сделали по глотку, прямо из горлышка, постояли минуту, поминая двух славных парней, пытавшихся защитить город от страшной заразы…

— Пошли в дом, оружие забрать надо, такие стволы бросать нельзя… — негромко сказал я соседу. — Похоронили пацанов, теперь можно, им оно уже ни к чему…

Лукин хотел было возразить, недоуменно уставившись на меня, но промолчал, лишь сверкнув своими не по-человечески зелеными глазами.

Вернувшись во двор дома Саньки, я спрятал снарягу омоновца, винтовку, патроны к ней и пистолет Артёма в кузове «буханки». Быстро приведя себя в порядок, мы с Игорем вошли в дом.

— Ну как, ребятки, посидели с братьями? — поинтересовалась Вера Ивановна, вышедшая из кухни. — Как они там? А вы чего такие грустные?

— Нормально, мама Вера, посидели… Рассказали они нам, что прошлой ночью было, вот и смурные… — я решил не огорчать не чужую мне женщину страшной вестью. — Проводили мы парней, на службу они ушли…

Глава 9
Иван Степанович Шепелев, начальник ИК № 5

23 марта, пятница, г. Рыбинск

Вот дело полководца: он должен сам быть
всегда спокоен и этим непроницаем для других;

Сунь Цзы, «Искусство войны»

Часы на столе начальника исправительной колонии строгого режима, Ивана Степановича Шепелева, едва показали шесть часов утра, как в кабинет начали входить сотрудники, исключительно из старшего начсостава учреждения.

— Сан Саныч, контингент изолирован по своим камерам полностью? — первым делом Шепелев обратился к своему заместителю по безопасности и оперативной работе, майору Качановскому.

— Никак нет, Иван Степанович! — отрицательно покачав головой, ответил майор. — Зеки третий день бунтуют, у нас уже двое раненных, контролеры, Разин и Сурков. В первом корпусе баррикадами входы загородили, только штурмом взять можно!

— Понятно. По остальным что? — Шепелев сделал большой глоток крепчайшего кофе, пытаясь сохранить ясность ума после трех почти бессонных ночей.

— В остальных корпусах ситуация полегче, все по камерам сидят. Но, режим не соблюдается, этой ночью были случаи поножовщины, драки, поджоги постельного белья. Шестерых посадили в ШИЗО ШИЗО — Штрафной изолятор, пришлось использовать спецсредства. За прошедшую ночь четыре случая членовредительства, всех в лазарет поместили.

— Из разных отрядов, в лазарете? — Шепелев поднял глаза, красные и зудящие от недосыпа, на подчиненного.

— Нет, из одного, из четвертого… Чёрт!.. — Качановский даже вскочил со стула, пораженный нехорошей догадкой. — Разрешите проверить обстановку?

— Давай, майор, только быстро, ситуация сложная, надо принять решение! — в голосе Ивана Степановича проскочили железные нотки.

Когда безопасник, сломя голову бросившийся на выход, покинул помещение, Шепелев выслушал доклады остальных своих заместителей и руководителей служб. Посещения запрещены, передачи тоже, склады в порядке, сигнализация в исправном состоянии, автопарк замечаний не имеет, сотрудники на казарменном положении с двадцатого марта… Когда последний докладчик уже заканчивал говорить, в распахнувшуюся с грохотом дверь влетел покрасневший, запыхавшийся Сан Саныч.

— Там… Лазарет… Заперт изнутри, никто не отвечает! — с трудом переводя дыхание, сообщил Качановский.

— Сан Саныч, садись на свое место, надо кое-что обсудить. Больничкой потом займешься. — Шепелев встал, покривившись от неприятных ощущений в затекших ногах.

— Если кто-нибудь из вас еще не знает, докладываю, товарищи — обстановка в стране очень тяжелая. Федеральное правительство эвакуировано, областное тоже. Губернатор погиб, в ночь на двадцать первое, в своем доме. Часть областного руководства погибла при эвакуации. Начальник УФСИН со вчерашнего дня на связь не выходит. — увидев, что после первой части его рапорта, подчиненные, казалось, перестали даже дышать, полковник продолжил. — Сводки от наших соседей, от армейцев, от ФСБ, также не радуют. В Москве, Ярославле, других городах по всей стране происходят массовые нападения на людей. Больницы полностью захвачены инфицированными. Погромы, грабежи, убийства повсеместно. В Рыбинске, об этом знает каждый из вас, происходит то же самое. Начались дезертирства из армии. Наши соседи, первая, вторая, восьмая колонии, докладывают о бунтах, беспорядках, связь с первой сегодня ночью прервалась…

Шепелев сделал пару глотков остывшего кофе, затем, помолчав секунду, продолжил.

— Сложившиеся условия требуют принять сложное, неприятное решение. Существует секретная инструкция, на случай войны, или чрезвычайного положения. Кто-нибудь знает, что говорится в этой инструкции?

Двое, в том числе Качановский, утвердительно кивнули головой.

— Речь идет о фильтрации контингента, с последующей ликвидацией сидящих по тяжелым статьям. — опершись кулаками о стол, медленно произнес Иван Степанович,

пристально вглядываясь в лица присутствующих. — Ликвидация не позволит заключенным, вырвавшимся на волю, усугубить и без того сложную обстановку. У кого-нибудь есть вопросы?

Первым из оцепенения вышел Рыков, начальник оперативного отдела.

— Товарищ полковник, разрешите вопрос! — увидев согласие начальника, Рыков продолжил. — С убийцами, грабителями, насильниками все понятно. С ворами что делать будем?

— Гнилой народец, эти воры… — брезгливо скривился Шепелев. — кроме того, у нас первоходов нет ни одного, все с рецидивами. Выпустить таких, значит посеять хаос в городе. Моё мнение, ликвидировать их надо.

Подчиненные молчали, опустив головы. Полковник, половину ночи размышлявший о предстоящей зачистке колонии, прекрасно их понимал. Во-первых, убить тысячу человек, пусть даже преступников, давно потерявших право называться людьми, тяжелая ноша. Во-вторых, неизвестно, что будет с причастными к зачистке, после того как ситуация в стране придет в норму. Могут оправдать, а могут и пожизненное влепить, с отбыванием в «Белом лебеде» Белый лебедь — исправительная колония особого режима для пожизненно осуждённых в городе Соликамске[5]…

— Без директивы из главка, решение может быть принято тремя вышестоящими руководителями учреждения. — севшим от волнения голосом произнес Шепелев. — То есть, кто угодно из нас, может проголосовать. Понимаю, не все могут взять на себя такой груз, такую ответственность, поэтому, даю слово офицера, ни к кому из воздержавшихся претензий не будет. Итак, кто «за»?

Посмотрев на подчиненных, сидевших неподвижно, словно истуканы, Шепелев первым поднял руку. Прошло не меньше минуты, прежде чем поднялась вторая. Рыков, медленно, понурив голову, приподнял руку над столом. Качановский поднес руку ко рту, будто прикрывая зевок, но, дрогнув всем телом, опустил. Прошло еще около минуты, прежде чем проголосовал третий руководитель, начальник охраны, Веселкин Макар Николаевич. Остальные, увидев три поднятых руки, вздохнули с облегчением — грех на свою душу брать не придется…

— Вот приказы, за моей подписью. Рыков, Весёлкин, поставьте свои резолюции. — Шепелев достал из лежащей на столе папки стопку документов, со свежими печатями. — Зарегистрируйте в канцелярии, доведите до ведома подразделений. Сан Саныч, собери всех в клубе, через час. Да поможет нам Бог, ребята…

Когда подчиненные вышли из кабинета, Иван Степанович запер дверь на ключ, достал из шкафа баночку таблеток, резким

движением бросил в рот сразу три белых кругляша и запил водой из бутылки. Затем, по дороге к креслу, мотая головой из стороны в сторону, несколько раз громко ударил кулаком в ладонь, В висках шумело, голова налилась свинцом, хотелось кричать, но полковник лишь крепче сжал зубы. Понимание, что он делает всё правильно, не приносило облегчения. Президент исчез, губернатор погиб, начальник главка УФСИН неизвестно где, города охвачены неизвестной инфекцией, превращающей людей в кровожадных психов, а у него сидят полторы тысячи матерых уголовников, способных превратить и без того гибнущий город, в царство хаоса и насилия…

Когда лекарство подействовало, Шепелев поднял трубку телефона спецсвязи. Кошкин, Юрий Владимирович, мэр города, ответил моментально, словно держал руку над аппаратом в ожидании звонка.

— Ююаа..- заплетающимся, непослушным языком пробормотал полковник. — Мммы... ешили… сс… зза…

— Иван, с тобой все в порядке?! — встревоженно спросил Кошкин. — Ты выпил?

— Ннт… Лек... сстфоо… П..о.дет… — с трудом выговорил Иван Степанович.

— Сегодня… чистить начнете? — мэр знал о теме утреннего совещания в колонии.

— Ттаа… Скоо... оо..

— Ваня, держитесь там. Приходи в себя, звони, если помощь понадобится. У нас самих тут не сахар, но попробую что-нибудь сделать. — пообещал Кошкин. — Не прощаемся.

Положив трубку, Шепелев с облегчением откинулся на высокую спинку кресла, сомкнул налившиеся тяжестью веки. Голова еще кружилась, перед взором то и дело вспыхивали искры, но вскоре всё прошло. Проговорив вслух матерный стишок, сочиненный одним из давних сидельцев, Иван Степанович убедился, что язык уже не заплетается. Посмотрев на часы, грузно поднялся из кресла. Ноги предательски дрожали, хотя сознание уже очистилось.

— Соберись, тряпка! — вслух приказал сам себе полковник, одергивая китель.

Закрыв глаза, начальник колонии постоял еще минуту, глубоко дыша. Постепенно его плечи расправились, ноги перестали дрожать. Твердым, почти чеканным шагом, вышел из кабинета, прокручивая в голове слова предстоящего обращения к персоналу.

Начинался страшный, тяжелый день, в котором для слабости и сомнений не было места.

* * *

Поздним вечером, вертя в руке стакан с разведенным спиртом, полковник снова поднял трубку телефона для связи с мэром.

— Юра… У нас… Всё… — севшим до хрипоты голосом сообщил Шепелев. — Если можешь, пришли кого-нибудь, кого не жалко, убраться… Мои ребята, после сегодняшнего… Не смогут…

— Понял, Ваня… — мрачно ответил мэр. — Технику и стройматериалы тоже пригоню, на острове за дамбой весь день колонна стоит.

Бросив трубку на рычаг аппарата, начальник бывшей, уже бывшей колонии, которой в ближайшие дни предстояло стать фортом для размещения выживших, опрокинул в себя содержимое стакана и откинулся на спинку кресла, бездумно уставившись на стрелки часов, стоящих на столе… Ужасно хотелось вычеркнуть, вытравить, забыть прошедший день, звуки автоматных очередей, крики умирающих, безумие и боль в глазах подчиненных, исполнявших бесчеловечный, но необходимый для города и всей округи приказ…

Глава 10
Денис Хворостов, бывший охранник

23 марта, пятница, г. Ярославль

Убивает противника ярость,
захватывает его богатство жадность.

Сунь Цзы, «Искусство войны»

Поднявшись за час до рассвета, мы начали готовиться к отъезду. Пока женщины и Матвеевич, устроив жуткую суматоху, собирали вещи, а Бэтэр переносил тюки в машины, мы с Игорем соорудили из толстых кусков бруса нехитрый помост для переезда через железную дорогу. Я знал пару мест, где можно было без особых проблем пересечь на машинах железку, ведущую в Рыбинск, в обход кордонов, закрывших выезды из города. Требовался только простенький мостик, укладываемый на рельсы.

Закончив с помостом, мы приладили его к багажнику на крыше «буханки», другого места уже не нашлось, машины оказались забиты под завязку.

— Ну что, по машинам? Все готовы? — спросил я, осматривая наше разношерстно одетое воинство. — Игорь, Витя, вы в голове колонны, в «буханке», маршрут вы знаете. Саня, мама Вера, Матвеич — вы в джип. Я и Ксения замыкаем на «Соболе».

Когда Игорь, Санька и Ксения вывели машины из двора, к ожидавшему на улице Бэтэру, мы с Матвеичем еще раз осмотрели двор и дом, убедившись, что всё закрыто, выключено, потушено. Немного поискав сбежавшего куда-то кота, полудикого рыжего разбойника, тесть закрыл ворота, с сожалением окинул взглядом осиротевший дом с резными наличниками, и залез во внедорожник.

Когда колонна выехала на Тутаевское шоссе, я с удовольствием заметил, что дорога стала гораздо свободнее. Возможно, желающие сбежать из города люди еще не проснулись, может быть, кордоны открыли, позволив зажатым в пробках машинам разъехаться по области. Так или иначе, до поворота на улицу Урицкого мы доехали за каких-то пять минут.

Перемены, произошедшие с хорошо знакомой мне улицей, на которой я бывал много раз, потрясли до глубины души. Скверик возле станции скорой помощи был усыпан трупами, возле самой станции стояла распахнутая и покинутая «скорая», продуктовый магазин у дороги смотрел на мир пустыми глазницами выбитых окон и темным провалом вывороченной двери. Разбросанный везде мусор и полное отсутствие людей на улице, создавали тягостное впечатление заброшенности. В глубине дворов, плывущих за окном машины, промелькнули несколько неподвижных фигур. И снова до самой улицы Блюхера — трупы, трупы… Некоторые из них, вповалку лежащие на дороге, приходилось аккуратно объезжать «змейкой», чтобы не потревожить покой умерших. Можно было бы выйти, вытащить на обочину, но неизвестно, что или кто их убил. Лучше не рисковать, если есть возможность проехать.

— Брагино здесь! Брагино здесь! — Лозунг «пацанов» старейшего жилого района в Ярославле. Примерно значение «Брагино — здесь! Брагино — здесь все заодно!». Улица Урицкого расположена в данном районе. — печально ухмыльнувшись, сказала Ксюха, когда сваленные на дороге трупы остались позади.

Переехав через трамвайные пути, мы оказались почти в другом мире. Из дворов микрорайона то и дело выезжали груженые скарбом и людьми автомобили. Одни сворачивали в сторону Ленинградского проспекта, куда ехали и мы, другие в противоположную сторону, к Тутаевскому шоссе, протянувшемуся вдоль Волги.

Выехав на проспект Дзерджинского, ведущий к переезду через железную дорогу, наша маленькая колонна попала в неторопливый поток машин. Справа, в десятом микрорайоне, густо дымил выгоревший полностью многоэтажный дом, при неудачном порыве ветра окутывая удушливым черным туманом дорогу. Попав в ядовитое облако, Ксюха закашлялась, я пытался дышать через кепи, плотно прижав его к лицу. Вскоре дым повернул в другую сторону, а я обнаружил, что мы почти выехали к переезду. К счастью, он был открыт, и нам не придется совершать подвиг, форсируя железку с помощью помоста.

Миновав АЗС возле кладбища, мы поехали быстрее. На заправочной станции образовалась немалая очередь, некоторые даже пытались скандалить, но без особого запала, за порядком следили военные на двух БТР, стоящих у въезда и выезда площадки с бензоколонками. За домиком станции стояли два больших бензовоза, окруженные как минимум взводом автоматчиков.

— Заправиться бы! — сказала Ксения, кивнув на датчик

топлива, показывавший половину бака.

— Не надо. До деревни горючки хватит, а добраться надо засветло. — ответил я. — Сама видишь, что творится вокруг, сейчас всякая шелупонь начнет голову поднимать, беспредельничать.

— Да что ж, у нас оружия много! — довольно самоуверенно заявила жена Игоря. — Отобьемся!

— Оружия-то много, да стрелять некому! — хмыкнув, ответил я. — Из всех нас только я и Бэтэр что-то умеем. Ты за всю жизнь всего пять минут пистолет в руках держала, Игорь тридцать лет назад пять патронов выстрелил, да день назад на испуге шмальнул из карабина, хорошо не в себя. Про Санькину семью вообще молчу… Вас всех надо как минимум неделю гонять, чтоб друг друга не перестреляли и сами не поранились!

— А в деревне что, крепость? — ехидно спросила Ксюша, сворачивая с окружной вслед за первыми двумя машинами. — Почему там лучше, чем в городе? Здесь военные, скоро наведут порядок, а там что?

— Не справляются военные, сама видела, сколько мертвяков на улицах… Мы вчера с твоим мужем двоих похоронили, соседей Саньки. Только не говори никому, хорошо?

Ксения на несколько секунд отвлеклась от дороги, посмотрев на меня таким взглядом, будто испепелить хотела.

— Так вот почему вы так долго… — тихо сказала она. — Мы думали, вы с ними выпиваете… Черт, что это?!!

Ксения от неожиданности резко затормозила, а у меня пробежал мороз по коже от увиденного.

— Гони, вперед гони, быстро! — закричал я, наблюдая за несущимся на нас и стремительно теряющим высоту вертолетом. — Толкай джип в багажник, если придется!

Прямо на нас падал МИ-8, вращающийся вокруг оси несущего винта. Винтокрылая машина не горела, очевидно, потеряла управление, только нам от этого легче не станет, если упадет на дорогу. Или размажет по асфальту, или обломками в фарш превратит.

Колонна резко рванула вперед, стремясь проскочить вероятное место падения, но вертолет, к счастью, через дорогу перелетел. Цепляя верхушки деревьев, разросшихся на Чурилковском кладбище, он быстро скрылся за ними, а через десяток секунд за посадкой в воздух поднялись клубы пыли. Вероятно, упал за окружной, на аэродроме Карачихи. Не дотянули ребята совсем немного…

— Не взорвался? — обеспокоенно спросила Ксюша, ей не был виден момент авиакатастрофы.

— Нет… Похоже, просто упал. Может, топливо кончилось, так и взрываться нечему. — закрыв окошко, я снова наблюдал за дорогой и идущими впереди машины. — Кажется, он просто управление потерял.

Помолчав несколько минут, приходя в себя после пережитого, я продолжил прерванный разговор.

— В деревне, Ксюша, людей меньше, чем в городе. Все свои, все на виду. Если кто-нибудь… заболеет, за любым забором от него можно спрятаться, ты сама видела, какие они неповоротливые. К тому же, в нашей деревне много охотников, целый партизанский отряд, можно сказать, залетную шантропу вмиг на место поставить можно… Там нет зависимости от водопровода, канализации, даже электричество не так важно, как в городе. Опять же, продукты с грядки. Кто знает, сколько эта кутерьма будет длиться, может, через неделю всё наладится, так и поедем домой, отдохнувшие на природе. А если нет… — я сделал длинную паузу, представив себе, что может быть, если пришедшая беда превратится в катастрофу. — А если нет, то в городе не выжить…

— Никогда на земле не жила… — задумчиво ответила Лукина. — Я хоть и жила на юге, но всю жизнь в городе, деревня для меня, как другая планета. В детстве только, к бабушке с родителями ездила, но так и не прониклась. А это что такое?!

— Где? — встрепенулся я, хватаясь за оружие.

— Да вон, впереди! Самолет видишь?

Далеко впереди, не так уж и высоко, максимум в двух километрах от земли, по небу величаво плыл ИЛ-76, с грибообразной надстройкой на фюзеляже.

— Это самолет ДРЛО, радиолокатор то есть летающий. Ух, смотри какой за ним пошел! — удивился я, увидев четырехмоторный аппарат, чем-то похожий на ТУ-95, только заметно меньше.

— А это что за птичка? — спросила Ксения, когда над горизонтом показался огромный самолет со странным горбом на спине.

— Не знаю… Первый раз такой вижу! Далековато, чтоб получше рассмотреть… Но если это наш, то может быть ИЛ-86, вот только этот горб…

Дорога немного свернула, верхушки обступивших дорогу деревьев скрыли неожиданный авиационный парад. Немного поговорив о самолетах, мы вернулись к деревенской тематике, и следующие полчаса болтали так, словно не убегали от неведомой и страшной эпидемии, а ехали в гости к любимой бабушке. Я вспоминал о том, как бегал за соседской козой, сорвавшейся с

колышка, Ксения рассказала о знакомстве с недавно вылупившимися из яиц цыплятами и напугавшей её в детстве гусыне, пытавшейся ущипнуть любопытную девчонку. На какие-то минуты, обычно сложная и очень своенравная женщина, показалась мне маленькой девочкой, попавшей в незнакомый и удивительный мир, живущий совсем не по городским правилам. Наш разговор прекратился только тогда, когда «буханка», шедшая в голове колонны, начала тормозить, прижимаясь к обочине.

Перекресток на окраине деревни Никульское, несмотря на удаленность от города, напоминал оживленное пересечение дорог в центре Ярославля. Десятки машин стояли у обочины, некоторые сворачивали направо или налево, но самым удивительным было то, что большинство автомобилей не ехали дальше на запад. Водители выходили, говорили о чем-то с вооруженными охотничьими ружьями мужиками, сидящими у дороги на перевернутых ведрах, садились в свои машины и сворачивали, кто на север, в сторону Рыбинска, кто на юг.

Когда, наконец, мы приблизились к перекрестку, буханка остановилась, из нее сразу же выскочил Бэтэр, выглядевший в своем облачении натовского спецназовца совсем неуместно, на фоне раздолбанной дороги и облаченных в фуфайки мужиков.

— Тихо сиди, не дергайся! — приказал я Ксении, попытавшейся выбраться из машины. — Сам подойдет, скажет, что тут происходит!

Если бы глазами можно было поджечь что-нибудь, от меня тотчас осталась бы горстка пепла, после уничтожающего взгляда госпожи Лукиной. Однако, она не стала своевольничать, лишь поджала губы и уставилась перед собой, вцепившись в баранку.

Виктор, тем временем, закончив разговор с деревенскими, направился в нашу сторону. Высадившись из «Соболя», не забыв при этом свой карабин, я смотрел на друга, неторопливо идущего навстречу. Когда он подошел поближе, мне совсем не понравилось выражение его лица, по-прежнему мрачного и хмурого, с потухшими глазами. Но теперь на его губах играла хорошо знакомая по чеченским командировкам, кривая кровожадная ухмылка-гримаса.

— Денис! Местные говорят, впереди, в Большом Селе, много зараженных, проехать нельзя. Даже какие-то шустрые мутанты появились. Наверняка приврали, но насчет зараженных правда, там не проехать. — медленно, чеканя слова, сказал Виктор. — Вези наших в объезд, мужики сказали, через Миглино и Байково есть дорога, ты, наверное, знаешь, где это.

— Что значит, вези наших? — удивился я, догадываясь, что он ответит. — А ты куда?

— Я в Большое поеду! Сам! — категорично ответил Бэтэр. — За семью ответить надо!

Краем глаза я заметил, как Ксения подалась всем телом к открытому с моей стороны окошку, внимательно слушая Одинца.

— Брат… Давай не глупи! Много ты один навоюешь? Забыл, чем заканчивалось геройство в горах? — я решил зайти с козырей, чтобы не напоминать ему последние слова отца, это было бы слишком подло.

Бэтэр отшатнулся, будто от пощечины, побледнел. Ни он, ни я, до самой смерти не сможем забыть безрассудный поступок нашего друга и боевого побратима, Генку-Атоса, в одиночку бросившегося прикрывать отход взвода. Ребята через десять минут вышли к дороге, встретившись со спешившим на помощь подкреплением, усиленным броней, а самого Атоса больше никто живым не видел. Лишь через несколько дней разведка нашла его тело, со следами жестоких пыток, распятое на стене ветхого сарая. Он еще жил, когда бородатые выродки содрали с него кожу, прибитые гвоздями запястья и ноги Генки были изорваны в клочья во время агонии…

— Денис, я от своего не отступлюсь! — сквозь зубы процедил Виктор. — За отца, за мать, за сестренку!

За Генку он отомстил духам жестоко, со всей присущей ему прямотой. Десятерых за одного, той же монетой. Сами бородачи взвыли от ужаса, найдя останки тех, кто выбыл из стаи стараниями Бэтэра. Вот только сейчас не война, а против нас не живое зверье, а мертвое, которому, похоже, эмоции недоступны. Мстить мертвецам бессмысленно, они уже своё отбоялись…

— Значит так, Витя… Мы едем с тобой. — сказал я после коротких раздумий. — Едем, пока не увидим зомби. Я и ты выходим, зачищаем, остальные сидят в машинах, при малейшем риске уезжаем. Если мертвых слишком много, уезжаем. Когда кончится боекомплект, уезжаем. Возражения не принимаются!

Я подошел вплотную к нему, глядя прямо в глаза. Виктор сорвался, его уже несет горячка, лихорадка боя, его не остановить, можно только прикрыть ему спину. Он пройдет сквозь вражеские ряды как нож сквозь масло, будет ликовать от вида льющейся из врагов крови, как Арес Арес, его имя означает «воин». Один из богов греческого Олимпа. Кровожадный, ненасытный, яростный бог войны, не гнушавшийся никакими средствами для достижения победы., кровожадный бог войны, он не остановится, пока последний противник не застынет навеки…

— Да. — кратко ответил Одинец, не отворачиваясь, не опуская взгляд.

Сделав шаг назад, я развернулся и открыл салон «Соболя»,

где лежала большая часть моего боекомплекта. Достав увесистую сумку, дал команду совсем уж притихшей Ксении пересесть на пассажирское место, чтобы за руль сел её муж. По дороге к возвышающейся над пейзажем лифтованной «буханке» Виктора, объяснил Саньке, что, когда и как надо делать. Она промолчала, но блеснувшая в уголке глаза слезинка выдала её страх и тревогу.

— Игорь, планы меняются! — сказал я, открыв дверь УАЗовского вездехода. — Ты поведешь «Соболь». Возьми «мурку» у Виктора, на всякий случай, твоя «Сайга» мне понадобится.

— Что-то случилось? — озадаченно спросил Лукин, выбравшись из кабины.

— Да, случилось. В Большом Селе много мертвецов, дорога перекрыта. Будем чистить. Вы с Матвеичем отвечаете за женщин, из машин не выходите. Если мы с Виктором увязнем — разворачивайтесь и уезжайте. — категоричным тоном я размеренно выкладывал соседу план действий. — Большое можно объехать, через Миглино, потом на Байково, потом на запад до Андреево, за ним проселковой дорогой в обход Большого. Пусть Ксюха карту посмотрит, у вас в бардачке лежит. Как до Борока доедете, спросишь Хворостова, там его все знают. Все запомнил?

— Да, конечно… Денис… Почему мы все вместе не поедем в объезд? Зачем вам чистить Большое?

— Потому что мы ***можем***. Потому что так правильно! — ответил я, в глубине души понимая, что не так уж и правильно лезть в пекло, да еще и с женщинами за спиной.

Недоуменно пожав могучими плечами, Игорь пошел к Бэтэру за оружием. Тот быстро объяснил соседу, как заряжать, целиться через коллиматор, как стрелять, дал несколько пачек патронов.

Когда Лукин ушел, Виктор забросил в кабину свой чехол с «Вепрем», за ним сумку с магазинами и боеприпасами, затем влез сам, усевшись за руль. Загрузившись на пассажирское место, я вздохнул, посмотрев на пустую дорогу, ведущую в неизвестность, и мы тронулись.

— Витек, не гони сильно, я по дороге магазины забивать буду! — попросил я друга, устраивая на коленях сумку с боеприпасами. — Минут за сорок доедем, день впереди длинный, торопиться нам некуда.

Виктор чуть сбавил газ, ехать стало совсем приятно. Большие колеса почти не замечали многочисленных колдобин, позволив мне быстро, без пауз, снарядить пустые магазины.

Получилось по десятку «рожков» на каждого. Четыре по тридцать в моей разгрузке, столько же у Бэтэра. Еще по четыре в поясных подсумках, по два в карманы. Много это или мало, мы пока не знали. Может, там дюжина мертвяков на дороге стоит, а

молва их в сотню превратила. Но может случиться и так, что вся тысяча, Большое давно не село, почти город.

Закончив с «семеркой», я принялся снаряжать двенадцатый калибр. С этими еще проще, патроны большие, магазинов меньше. Разделив пополам, получил шесть себе, шесть Виктору. Это на особый случай, если придется отходить с пустым нарезным, впрочем, я надеялся, что до такого не дойдет. Поглядывая в зеркало заднего вида на следующие позади машины, хотелось верить в то, что опасность сильно преувеличена.

— Витя, притормози возле вооон того дяди! — сказал я, увидев машущего руками мужика возле дорожного указателя, на выезде из низины.

Каменское, последний перед Большим селом населенный пункт, заштатная деревенька на полтора десятка дворов. Перед самым въездом в деревню, под черно-белым указателем, стоял живописно-бородатый русский мужик, в фуфайке и расхрыстанной шапке-ушанке, отчаянно махавший нам руками.

— Аккуратнее с ним… На подъеме стоим, быстро свалить не успеем… — тихо сказал Бэтэр, подбираясь. — Время стремное, как бы чего не случилось…

Кивнув другу, я схватил карабин и выпрыгнул из машины, попутно снимая с предохранителя. Быстро окинув взглядом заборы и окна стоящих рядом домов, подошел к мужику, остановившись в нескольких шагах от него.

— Здоров будь, человече? — начал я разговор, приветливо улыбаясь, но все так же настороженно осматриваясь. — Случилось чего, помочь надо?

— Нее, не, мужики! Нормально все! — снова замахал руками, как крыльями, мужик, басовито хрипя. — Только вы дальше не ехайте! В Большом на дороге эти, людоеды! Сюдой не дошли, а за лесом уже ходят! Наши туды по утряни за соляркой поехали, так на заправке их и схарчили, только Федька вырвался!

— На заправке, говоришь?.. — немного расслабившись, спросил я. — Много их там?

— Та заправка та, погорела вся! А людоедов, пятеро было, как Федька сказал! Только лютые они, зенки во! — мужик вытаращил на меня глаза, скорчив страшную рожу. — Хватают грабками своими, и давай кусать!

— Федьку тоже покусали? Где он сейчас?

— Та не, он же за рулем был! — уже предсказуемо взмахнул руками деревенский. — Как мужиков жрать начали, так он по газам, и деру! Щас знамо где, спит, после литры окаянной, беду запивал!

Пятеро… Плюс покусанные местные, еще трое-четверо. До Никульского слухи дошли об огромной толпе, чуть ли не в тысячу шатунов. Впрочем, не удивительно, молва народная умеет раздуть из мухи слона. Но если там только пятеро, почему на встречной ни одной машины?

Поблагодарив мужика, я забрался в машину, Виктор тут же тронулся с места.

— Непонятное что-то, Витек… — начал я, поудобнее устраиваясь. — Этот говорит, на заправке за лесом пятеро было, нескольких местных покусали. На перекрестке нас пугали огромной толпой. Кому верить?

— Да что тут думать? — как-то совсем уж мрачно возразил Бэтэр. — Сами все увидим. Десяток упырей положить не проблема.

Проехав участок дороги, зажатой с двух сторон лесом, мы остановились. Впереди, в паре сотен метров, виднелся коптящий остов АЗС, на другой стороне дороги белел грузовичок, съехавший на обочину. Для верности, я забрался на крышу «буханки», прихватив бинокль, компактный Veber, купленный несколько лет назад для охоты.

— Увидел семерых, стоят на площадке. — спрыгнув на асфальт, сообщил я нашим, вышедшим из машин. — Матвеич, садись за руль, Санька, марш на заднее сидение, к маме, и не смотри! Держитесь в паре десятков метров от нас! Игорь, колонну замыкаете вы с Ксюхой, прикрывайте тыл. Увидишь что-то непонятное — сигналь, кричи, стреляй! Понял?

Лукин сдержанно кивнул, Ксения воинственно вздернула подбородок, тесть иронично хмыкнул, в роли командира он не привык меня видеть. Что же, все когда-нибудь происходит и познается впервые…

К счастью, местность вокруг заправочной станции была ровной, без кустиков и прочих укрытий для всяких неожиданностей вроде засады на охотников вроде нас. Жухлая трава прижималась к самой земле, источником опасности мог стать только грузовичок. Остановившись в тридцати метрах от него, мы с Виктором выпрыгнули из кабины, моментально разбежавшись на разные стороны дороги.

Меня все еще не покидало ощущение неправильности происходящего. Сейчас придется стрелять в людей… Пусть они зараженные, больные, но всё же люди, наши люди, не духи горные! Недавно некоторые из них ехали сюда, чтобы купить топлива… Наверное, водки выпили перед этим, а до того, работали, ссорились, дружили, помогали друг другу, детей растили… И вот мы, два таких красивых рэмбы, сейчас начнем их

убивать! А потом, когда все уляжется, следователь изучит пули из их трупов, начнет задавать вопросы…

Мои невеселые мысли, промчавшись серым вихрем за мгновения, растаяли где-то далеко, стоило лишь взглянуть на плотную группу неряшливых, потрепанных фигур, покачивающихся на площадке перед остовом выгоревшего дотла здания. Они не ходили, и не стояли, их движения напоминали перетаптывание с ноги на ногу, толкаясь при этом плечами. Нашелся и восьмой бедолага, не замеченный мной издалека. Обглоданный до пояса, почти до костей, он лежал на асфальте, судорожно дергая руками. От увиденного даже замутило…

Краем зрения увидел затянутый в черное силуэт Бэтэра, уже осмотревшего брошенный грузовик. Виктор поднял левую руку, показывая «ОК» пальцами. Вот и хорошо, слева чисто, можно начинать.

Как много лет назад, в кавказских горах, все сомнения, мысли, переживания, разом исчезли, стоило прикладу упереться в плечо. Детали местности размылись, даже голубеющее над головой небо превратилось в мутный блеклый фон. Только узкий сектор за прицелом стал резче, глубже, ближе, как и детали внешности будущих жертв. Лицо со шрамом и откушенным носом, оторванное ухо, разодранный рукав измазанной кровью рубашки… Звуки также приглушились, уступив место биению размеренно бьющегося сердца.

Мы выстрелили практически одновременно, звук двух выстрелов слился в один звонкий, хлесткий хлопок. Две фигуры тут же осели на землю, зато остальные моментально развернулись в нашу сторону, как по команде, никто из них даже не подумал пригнуться или укрыться за лежащими на земле трупами. Трое, коряво переставляя негнущиеся конечности, медленно заковыляли в нашу сторону, лежащий на земле огрызок человека встрепенулся и попытался ползти, скребя скрюченными пальцами по асфальту. Не угроза… В отличие от оставшихся двух.

Пара упырей, неожиданно шустрых, бегом бросилась прямо на нас, не обращая внимания на куски горячего металла, рвущие их плоть. Стремительно несшиеся в нашу сторону, упыри как-то не по-человечески наклонялись и разгибались при каждом шаге, не давая прицелиться. Сдвоенный выстрел, еще даблтап, еще… Наконец, один упал, прокатившись кубарем и замерев навечно. Перенос прицела, снова даблтап… Второй спринтер упокоился, не добежав лишь десяток метров. Упав на бок, перекатился пару раз и застыл мордой вверх, распахнув необычно широкий рот.

Убедившись, что бегуны не шевелятся, мы перенесли огонь на нескладно бредущую троицу. С этими было бы совсем просто, не

шатайся они, как маятники. Впрочем, уловив ритм, я без труда уложил двоих, третий остался за Виктором.

Когда последний упырь осел на землю, превратившись в неряшливую, грязную кучу, Бэтэр поднялся с колена и пошел вперед, контролируя ближайший к нам труп. Я быстро огляделся по сторонам, вновь обретя способность видеть и слышать все вокруг, заметил бледное лицо тестя, застывшего за рулем «аутлэндера», затем пошел вслед за Виктором. Он как раз подошел к лежащему на спине бегуну и замер, пристально всматриваясь в лицо покойника.

— Дэн… Что за хуйня? — удивленно спросил Бэтэр. — Это вообще, что такое?

— Эээээ… — только и смог выдавить я.

Перед нами лежал труп неизвестного существа. Оно, подобно человеку, имело две руки, две ноги, голову, одежду. Вот только голова и руки слишком уж отличались от человеческих — вместо обычных ногтей, заскорузлые пальцы венчались мощными, короткими когтями, на месте нормального рта зияла широкая безгубая пасть, заполненная звериными, острыми зубами. Уши, сильно меньше нормальных, прижаты к безволосому черепу, покрытому серой шершавой кожей. С пулевым отверстием посередине лба.

— Пришелец какой-то… Может, это они заразу принесли? — сдавленным голосом произнес я, обретя способность говорить. — Сильно шустрый он для наших мертвяков…

Виктор, не говоря ни слова, дважды выстрелил в оскалившуюся клыками морду существа. Пнув труп носком ботинка, двинулся к следующему «спринтеру», лежащему в десятке метров дальше. Я пошел за другом, пару раз оглянувшись на неведомую тварь.

— Это что, баба? — сказал Бэтэр, перевернув пинком ноги второго бегуна. — Если они еще и размножаются, нам точно пиздец!

Второе существо выглядело очень похожим на первого монстра, но отличалось ростом и одеждой. Женская блузка, вышитая ромашка на джинсах, розовые ботиночки на ногах, ясно говорили о том, что перед нами существо, притворявшееся (или бывшее?) при жизни женщиной. Вот только не бывает у земных женщин таких клыков, серовато-белесых глаз и когтей на пальцах!

— Слушай, может они раньше маски носили? С волосами и нормальными лицами! — я попытался объяснить происходящее. — Жили рядом с нами, а потом взяли, и атаковали биологическим оружием!

— Да ну… Бред какой-то… — пробормотал Виктор, впрочем, с сомнением. — Скажи еще, что с Марса прилетели!

К счастью, на второе существо патроны для контроля тратить не пришлось — задняя половина черепа, развороченная пулей, прямо говорила о том, что монстр мертв, окончательно и бесповоротно. Дальше мы пошли уже вместе, привычно отдалившись друг от друга на несколько шагов.

Остальные покойники выглядели вполне обычными людьми, без клыков и когтей. Изодранные в клочья, покрытые бурыми пятнами запекшейся крови, тела выглядели довольно привычно, для побывавших на войне наблюдателей. Погибшие от гранат порой выглядят намного хуже… Странно было только одно — у троих упокоенных на телах виднелись пулевые ранения. Точно не наши, с двадцати метров попасть в грудь вместо головы, ни я, ни Виктор не могли. Да и те двое, пришельцы, тоже были со следами ранений на одежде.

— Витек, по-моему, им еще до нас крепко досталось! Как думаешь, их живыми застрелили, или уже после того, как… — я замолчал, не зная, как назвать явление, поднимающее покойников на ноги.

Бэтэр внимательно осматривал один из трупов, присев перед ним на корточки. Мужчина, на вид годков за сорок, не выглядел искусанным, как случается с теми, на кого напали упыри. Лицо, измазанное кровищей, аккуратная дырочка во лбу, клетчатая рубашка, щедро залитая бурым, с дыркой на спине. Задрав рубашку, мы увидели входное от пули, под левой лопаткой.

— Кто ж вас так… — задумчиво пробормотал я. — Ты, наверное, убегал, раз в спину пришло…

Пока я рассматривал остальные трупы, Виктор упокоил последнего, заметив, как я старательно отвожу взгляд от невыносимого вида копошащейся на земле половины человека. Закончив с покойниками, мы обошли территорию сгоревшей АЗС, пытаясь понять, что здесь произошло, найдя в нескольких местах на недавно отстрелянные гильзы, все еще остро пахнущие пороховой гарью.

— Не больше суток прошло… — сказал Бэтэр, отбрасывая в сторону одну из гильз. — Заметил, что покусаны только четверо?

— Заметил… — ответил я. — Это что же получается, остальные стали упырями без укусов? На тех двоих, пришельцах, только пулевые, на двоих медленных тоже.

— Может пули зараженные были? Обмазали их кровью упырей, ну, типа как мы тогда, салом мазали… — высказал свою догадку Виктор.

Мне сразу вспомнилась та грязная и жестокая война, без

правил и милосердия. Нашим пацанам резали головы, их четвертовали живьем, мы старались в долгу не оставаться. Только в древних еврейских сказках надо подставлять правую щеку после удара по левой. В реальной жизни, если тебя ударили по щеке, надо в ответ вывернуть челюсть, чтоб врагу больше никогда не захотелось распускать руки…

— Кому же такое понадобилось? Их и так тысячи уже! Непонятное что-то происходит! Давай, что ли, Лукина позовем, он человек образованный, может ему что умное в голову придет?

Однако, Игорь тоже ничего не смог понять. Основательно проблевавшись, увидев «огрызок», хоть и неподвижный, но все же, страшный, сосед послал все нахер и пошел к машине.

— Мда… Не боец наш качок… — разочарованно пробормотал Бэтэр, глядя вслед удаляющемуся Игорю.

— Ничего, привыкнет… Если это все затянется… Вспомни нас после первых боев, тоже харчи метали!

Потоптавшись еще немного, мы пошли к машине, обсуждая следующий шаг. Стоит ли соваться в Большое, если на его окраине такие зубастые красавцы бегают? А вдруг их там не двое, а двадцать? Мало того, что никаких патронов не хватит, так еще и нас сожрут, если толпой бросятся.

— Вот как мы поступим… — подумав, сказал я. — Едем плотной колонной, наблюдаем издалека за группами. Если увидим таких же пришельцев, как эти двое, едем в обход. Соваться в пекло с женщинами не позволю! Одиночек валим в два ствола.

Осмотрев брошенный грузовик, разжились парой канистр дизтоплива, слив его из баков, упаковкой двухлитровок с водой и нехитрым шоферским инструментом. Нам он без надобности, но бросать добро не позволила совесть и звание прапорщика. Снова собрав всех наших, объяснил им, что делать и как ехать, отметив изрядно притихшую Ксению, видимо, Игорь рассказал ей об увиденном. Оно и к лучшему, девочка горячая, такая в героиню способна поиграть, увлекшись…

Проехав мимо безлюдного асфальтового завода, мы спокойно катили еще два километра, пока не добрались до молочного завода, и длинного ангара складов гражданской обороны на другой стороне дороги. На территории склада, вероятно, прошел серьезный бой — дежурка побита пулями, ворота выворочены взрывом, за ними сгоревший УАЗ. Вероятно, кто-то добрался до запасов народного добра, припасенных на случай войны.

— Притормози… — сказал я Виктору, когда за окнами замелькали жилые дома. — Надо магазины зарядить, и бинокль нормальный достану.

— Пентакс твой? — удивился Бэтэр. — Нахрена он тебе в городе? Им же с километра можно прыщики на заднице рассматривать! Давай лучше на крыше сядем, там мостики эти, удобно будет.

— На крышу? Хорошая идея, но кто машину вести будет?

— Игоря посадим, Ксюха с «Соболем» вроде справляется. Только один из нас должен за тылом присматривать.

Внимательно осмотрев окрестности, я не заметил чего-либо опасного. Вокруг ни души, ни живой, ни мертвой. Казалось, все сущее разбежалось, спряталось, затаилось, даже собаки не брехали за заборами.

Немного повозились с мостками на крыше, расположив их так, чтобы было удобно сидеть, надежно закрепив всё веревками. «Буханка» стала немного похожа на птицу с короткими деревянными крыльями, только, к сожалению, взлететь не сможет. Закончив с помостом, затащили на него оружие и сумку с боекомплектом. Лукин, посмотрев на наши приготовления, посоветовал самим привязаться там, наверху, чтоб не слететь вниз, если машина дернется. К совету товарища прислушались, использовав для привязи оружейные ремни.

Первых упырей мы увидели, проехав поворот на Крестьянскую улицу. В двухстах метрах впереди, у автостанции, на дороге замаячили неподвижные фигуры. Взглянув в бинокль, все тот же, компактный, я насчитал больше полутора десятка мертвяков. Как ни присматривался, «пришельцев» среди них не заметил, хорошо бы вообще их не увидеть…

Стрелять мы начали с полусотни метров. Первые выстрелы всполошили лениво качающихся упырей, часть из них быстро поняла, откуда стреляют и пошла в нашу сторону. Остальные бестолково засуетились, впрочем, скоро они пошли вслед за своими более сообразительными товарищами по несчастью, навстречу своей погибели.

Уложив первую группу мертвяков, мы проверили расход патронов. Двадцать у меня, двадцать у Виктора. Две штуки на тушку, нормально, можно спокойно перезарядиться и ехать дальше, пока ничего страшного. Несколько голов вышло из дворов позади здания почты, что вполне ожидаемо, не стоять же им всем на дороге. Тем не менее, тревожные знаки тоже были — несколько мертвяков двигались намного быстрее остальных. Осмотреть бы их, только вот слезать с безопасной позиции совсем не хотелось.

Благостное настроение как ветром сдуло, когда мы проехали пологий поворот, возле все той же почты. Впереди, насколько хватало обзора, покачивались бредущие навстречу фигуры.

Сотня? Две или даже три? Я почувствовал, как вспотели ладони. Из-за домов вышло еще несколько упырей, довольно заторможенных.

— Витек! Что делать будем? Отобьемся, или валим нахер отсюда?! — прокричал я, отстреливая выходящих из-за домов мертвяков.

Бэтэр молчал, стреляя по бредущим навстречу упырям. Экономно, тщательно целясь, расчётливо, каждым выстрелом он укладывал на асфальт одного упыря. Закончив со своими, идущими с фланга, я присоединился к другу, так же тщательно выверяя каждый выстрел. Патронов у нас не слишком мало, но выбить их все в первый же день, как минимум глупо.

— Пришелец! — заорал Виктор, увидев бегущее на нас, легко перепрыгивающее через лежащие тела, существо.

Бросив на помост нарезной карабин, я схватил гладкоствольную «Сайгу». Сюда бы пулемет, да где ж его взять…

Стремительного бегуна сначала начали рвать пули Бэтэра. Не обращая ни малейшего внимания на раны, существо бежало на нас, широкими скачками. Тридцать метров, двадцать, пятнадцать…

Я стрелял не в голову, отчаянно прыгавшую в прицеле, а в ноги. Три заряда картечи, рассеявшись на таком расстоянии лишь немного, вошли в конечность существа, раздробив кость. Пришелец упал, как подрубленный, однако, вместо того чтобы биться в агонии от невыносимой при таком ранении боли, живо пополз в сторону, на обочину, тщетно пытаясь скрыться от опасности. Теперь его голова превратилась в удобную мишень, а вскоре он и вовсе застыл навечно.

Снова сменив оружие, зарядил полный магазин. Упыри шли довольно плотной толпой, стрелять было несложно, каждая пуля находила цель. Многие из идущих падали, споткнувшись о лежащие на земле трупы, неловко, неловко поднимались, тормозя собой наступающую орду, давая нам время на отстрел самых шустрых, идущих или даже бегущих со скоростью обычных людей.

— Лукин! Сдавай назад потихоньку! — заорал Бэтэр, когда толпа подкатилась к нам на десяток метров. — Держи расстояние пятнадцать-двадцать, понял?

Я оглянулся назад, Матвеич и Ксюха тоже попятились назад, быстро поняв наш маневр. Инструктаж явно пошел на пользу, колонна движется как единое целое… Нам бы еще одного стрелка, только где ж его взять, пока до деревни не доедем?..

Израсходовав семь магазинов, бросил взгляд на боекомплект Одинца. Четыре в разгрузке, все полные. Пятый в карабине.

Хорошо, жить можно, добить изрядно поредевшую толпу хватит. Там, дальше, еще остались, но уже не таким плотным стадом. А у нас в запасе еще тысячи полторы только семерки, да двенадцатого калибра полно, сами пробьемся, и для остальных дорогу расчистим. Хорошо, если бы этим военные занимались, только где они теперь? Охраняют сами себя за заборами гарнизонов, или полегли первыми, как тот отряд ОМОНа в детской больнице?

Когда у меня остался один полный магазин, и второй наполовину опустошенный, больше никто не шевелился, не пытался подняться, не шел навстречу. Откатились мы к тому месту за автостанцией, с которого начали стрелять по первой группе упырей, вся дорога перед нами была устелена телами несчастных, умерших дважды. Из-под цевья раскалившегося карабина поднимался дымок, сидящий рядом Виктор размазывал по лицу грязный пот.

— Ебал я ихнюю маму! — заорал он, положив оружие на колени, с рвущей душу болью в голосе. — Столько народу почем зря! Это же чьи-то отцы, сестры, матери! Твари поганые, ублюдки, падлы!!! Какая сука это придумала?! Мирняк травить, людей жрать!

В его глазах мелькнули те искры бешеного гнева, которые я не раз видел в горах. Хорошо, что мы здесь, на крыше, пристегнуты к мосткам. Случись с ним такое на земле, пошел бы мой друг в рукопашную, с него станется…

Несколько минут мы сидели, ничего не делая. Бэтэр тяжело дышал, пытаясь успокоиться, я оглядывал окрестности, Игорь, сидящий за рулем, не издавал ни звука.

— Братка, ты как? — осторожно спросил я друга, когда тот, наконец, посмотрел на меня вполне осознанным взглядом.

— В поряде… — тихо прохрипел Виктор. — Пить хочу…

Над окном кабины тут же появилась бутылка воды, из поднятой в грузовике упаковки, Лукин будто догадался, что нам нужно. Услышать просьбу Бэтэра он никак не мог, а впрочем, какая разница? Главное, нам на двоих хватит этой «соски», остальное неважно…

— Что делать будем, брат? — сказал я, выбрасывая пустой пластик в сторону. — Здесь не проехать, дорога завалена. Во дворы соваться не будем, там завязнуть можем.

— Что делать… Пердеть да бегать! — зло ответил Одинец. — Поехали назад, я там бульдозер видел! На асфальтовом заводе, вроде!

— Кто вести его будет?

— Я и поведу! А ты прикрывай! Справишься?

Поняв, что спорить с ним сейчас бесполезно, я махнул рукой тестю и Ксюхе, дав команду разворачиваться. Через минуту мы неторопливо покатили в обратную сторону. Обратным порядком. Теперь «Соболь» шел впереди, с отважной, но одинокой женщиной за рулем.

К счастью, дорога заняла не больше десяти минут. Можно было ехать, как прежде, но наша позиция на крыше лифтованной «буханки» оказалась чертовски хорошей. Дворы, дорога, поле, жидкий лесок, просматривались отлично. Добравшись до места, мы с Виктором спустились вниз, затем из кабины выбрался белый, как больничная простыня, Лукин. Казалось, даже его не по-человечески зеленые глаза стали бледнее.

— Эм… Мужики… Ко-кошмар… — запинаясь, заикаясь, попытался что-то ещё сказать сосед.

— Не ссы, салага! — шлепнул его по плечу Виктор. — Блевать перестал, привыкнешь значит!

Проверив для начала территорию завода, строительный вагончик и небольшое здание, мы, не найдя ничего опасного, принялись осматривать здоровенный «Кировец», оснащенный с одной стороны подъемным ковшом, с другой обычным бульдозерным отвалом. Трактор оказался на ходу, в баке плескалось вполне достаточно горючки. Быстро освоившись с управлением, Одинец вывел трактор на дорогу.

— Заряжаем магазины, и двигаем! День не резиновый! — скомандовал я.

Отдав Виктору полный магазин, оставил его в охранении. Втроем, с Ксюхой и Игорем, мы быстро снарядили опустевшие магазины. Мой запас «семерки», казавшийся огромным в прежние времена, быстро растаял. Ничего, у Витьки больше цинка патронов, да у отца что-то найдется. А там, наверняка, военные порядок наведут… Или разживемся где-нибудь, в мутные времена оружие и боеприпасы раздобыть не сложно.

Назад, в Большое, поехали прежним ордером, если не считать громадину «Кировца» в голове колонны. Я сидел на крыше буханки, вертя головой во все стороны, теперь мне одному приходилось контролировать фланги и тыл. Доехали до автостанции без приключений, Виктор опустил отвал бульдозера и медленно покатился вниз, собирая наш кошмарный урожай в кучу. Асфальт за ним тут же окрасился в грязно-бурый цвет, без красноты. Я сглотнул подкативший к горлу ком, даже мне такое зрелище оказалось не по силам. Что творилось с Матвеичем и Ксенией, даже думать не хотелось…

Миновав почту, трактор остановился. Я крикнул Игорю, чтобы тот остановился сбоку, а не позади «кировца».

Перед нами лежали десятки неподвижных тел, а чуть дальше, где начиналось это страшное поле смерти, перед трупами сидели на корточках и стояли на четвереньках несколько упырей, пожирая убитых товарищей. Лукин не выдержал, и высунувшись из окна, избавился от остатков содержимого желудка. А мне стало уже все равно, вдруг накатило полное безразличие, отупение, хоть потроши передо мной живого человека, хоть жри его…

Вскинув карабин, уложил ближайшего, со второго выстрела. Затем еще одного, стоявшего раком. Остальные поднялись, пошли на выстрелы… Что ж вы так, товарищи каннибалы, вам прочь бежать надо, здесь убивают, а вы буром прете, будто бессмертные! Один, второй, третий, четвертый… Все, десяток, кончились!

Трактор, выпустив черное облако вонючего выхлопа, сдвинулся с места, сгребая тела сначала в кучу, а затем на обочину. Я смотрел на это отрешенно, наслаждаясь пустотой в мыслях и чувствах. Вот какой-то тормоз вышел из-за дома, получил меж глаз, улегся… Мягко тронулась вперед машина, я покачнулся. Хорошо то как! Весна, тепло, небо чистое, голубое, река рядом поблескивает, эх, искупаться бы сейчас, прыгнув с разбегу в ледяную воду! Еще один бредет, а ты куда, болезный? Держи и ты гостинец свинцовый, как, вкусно? Да-а-а, понравилось тебе, а у меня на всех хватит! Пивка бы сейчас, холодного, да под воблу сухую, жирную! Эй, а вы, граждане, куда претесь? Вы же мертвые, вам лежать надо, тихонечко так, низенько! Не за песни весны над равниною, дорога мне зеленая ширь, полюбил я тоской журавлиною, на высокой горе монастырь! Последнее предложение — отрывок из стихотворения «За горами, за желтыми долами…», С. Есенин.

Оглушительный выстрел совсем рядом немного привел меня в сознание. Повернув голову на звук, я увидел Бэтэра, вылезшего на капот трактора, с дробовиком в руках. Нервы у тебя, брат, железные, завидую! Черт, мне показалось, или я сказал это вслух?

— Не завидуй, помогай!!! Тут ещё бегун! — крикнул в ответ Виктор, стреляя куда-то из «Вепря».

Отцепив ремень, привязывавший меня к мосткам, я вскочил во весь рост и увидел существо, ползущее за угол трехэтажного дома с вывеской «Сбербанк» на первом этаже. Ноги существа не двигались, наверное, Витек перебил ему позвоночник. Однако, оно и руками неплохо справлялось, еще бы полминуты, и все, пришлось бы гоняться за ним. Не ушел…

— Эй, Берёза, ты в норме? — с тревогой в голосе спросил Бэтэр, когда стрелять уже было не в кого. — Ты всякую херню орал, пока мы ехали! Какое нахер пиво с воблой, какой

монастырь?!

— Да, в норме уже, почти… — пробормотал я, усаживаясь на свой насест.

Это ж надо так, мозги набекрень свернулись, со мной такого и не случалось никогда… Видел, как другие плыли, но чтоб сам… Потряс головой из стороны в сторону, похлопал ладонями по ушам, вытряхивая из головы наваждение.

— Все, мужики, порядок! Поехали дальше! — крикнул я, поняв, что вполне контролирую себя и обстановку.

Выехав на перекресток, мы остановились. Слева от нас, возле одноэтажного магазинчика «Промтовары», стояли два обгоревших остова армейских «Уралов». Возле них кучей чернело какое-то тряпье, не хотелось даже думать, чем оно могло быть. Везде пятна запекшейся крови, россыпи гильз, следы от пуль и осколков на стенах зданий. Вот откуда взялись те упыри в военной форме, что попадались в прицел!

Сняв нескольких ходоков, шедших со стороны моста, я спрыгнул на землю. Бэтэр наоборот, влез на крышу трактора, контролируя обстановку. Следовавшие за нами машины я расположил между трактором и склоном вниз, к реке, здесь им будет безопаснее всего. Расставив всех по местам и дав короткие указания, отправился исследовать местность, держа оружие наизготовку. Если здесь были военные, может, осталось чего полезного? Патроны, например. Да и нормальный автомат не помешает, со «спортсменами» сражаться.

Не нашлось ничего. Кроме россыпей гильз и элементов обмундирования, вроде кепи или окровавленного бушлата, от военных не осталось ничего. Будто ехали они пустыми, или кто-то собрал все имущество. Ладно, не с руки сейчас в следователя играть, надо убираться отсюда, пока новая толпа не набежала.

Уже направляясь к машинам, краем зрения заметил что-то необычное под мостом, такое, чего там не должно быть, а именно, армейский «УАЗ» лежащий на боку. Подойдя поближе, увидел, что машина совсем немного не долетела до воды, окунувшись лишь передком капота. Если что-то и уцелело, то только здесь, машину, кажется, никто не вскрывал.

Спустившись вниз, первым делом постучал рукой по кузову, прислушался. Если бы внутри был кто-то, живой или не совсем мертвый, наверняка отозвался бы. Тишина… Заглянув внутрь, через лобовое, увидел двух военных, к счастью, совсем мертвых, лежащих на прижатом к земле борту машины. Убедившись, что никто и ничто мне не угрожает, вспорол брезентовую крышу ножом.

А ведь не зря мы сюда приехали! В салоне сразу увидел два

автомата, стандартных армейских АК-74М. Один взял без проблем, со вторым пришлось повозиться, вытаскивая придавившие ремень мертвые тела, с пробитыми затылками. Кто ж вас так, ребята? Сзади стреляли, по дыркам в тенте и стекле видно… Не те ли любители стрелять в спину, что на заправке мужика грохнули?

Выбравшись наверх, к своим, я гордо нес на плече два полноценных «калаша», а в руке вещмешок с восемью полностью заряженными магазинами и какой-то солдатской мелочевкой. Наш арсенал стал еще круче, вот только бы стрелять кто-нибудь еще научился… Пять карабинов, три пистолета, два автомата, снайперская винтовка, импортный магнитофон и замшевая куртка! И на все это добро, нажитое непосильным трудом, всего лишь два опричника!

— Где взял? — спросил Бэтэр, когда мы снова продолжили путь.

— У реки армейский «козлик» лежал, в нем подпол и сержант, холодные. Кто-то им черепушки продырявил на ходу, они с моста и ушли вниз. Калаши при них были.

— Кто-то покрошил военных… — сказал Бэтэр несколько минут спустя. — Я насчитал не меньше двух взводов «сапогов» «Сапог» — народное прозвище солдат и вообще военных, среди упырей. И тот бегун, крайний, тоже в форме был.

— Бегун, в форме??? — изумился я. — Нелюдь среди военных? Как же он прятался? Ну точно, кранты всем, если эти уроды еще и оружием пользоваться умеют!

Бэтэр промолчал. Он вообще как-то осунулся, помрачнел, почернел даже, после расстрела толпы мертвяков. И без того хмурый ходил после сообщения от отца, а сейчас словно постарел…

— Стой! — резко сказал я, когда мы выехали за пределы Большого Села. — Остановись!

Когда мы проехали деревеньку Шамнино, сразу за Большим, меня словно током ударило. Сознание пронзила болезненная, страшная мысль.

— Витек… Ты понимаешь, что это не изменить?! Это навсегда!!! — чуть ли не закричал я. — Всему пиздец! ОМОН, армия, менты, гражданские! Все легли! Там, в селе, в городе, в Москве, везде! Эпидемия, пришельцы, насрать кто виноват! Только это — навсегда!!! Не будет больше никогда, как раньше было!

— Дошло наконец?.. — угрюмо спросил Виктор, сжимая баранку побелевшими от напряжения пальцами. — Я все понял в ту ночь, когда…

Оспины выбоин убегали под колеса, жужжащие глубоким протектором по асфальту, оживающий после зимней спячки лес, сжимающий дорогу с обеих сторон, иногда расступался, сменяясь полями грязно-желтого цвета или дворами придорожных деревень… Если бы не пережитое недавно, я бы, наверное, задремал, переделанная прежним хозяином «буханка» по уровню комфорта не уступала какой-нибудь иномарке. Виктор молчал, я пытался уложить в голове мучительные, пугающие мысли, смириться с тем, что жизнь круто изменилась, что всем планам на будущее так и не суждено сбыться, что вместо уютного и тихого семейного очага меня и Альку ждут борьба за существование и выживание…

— Берёза, соберись! — откуда-то со стороны раздался голос Бэтэра, чужой и далекий. — в Новое въезжаем!

Вынырнув из сумрака своих дум, первым делом я проверил состояние оружия, затем завертел головой по сторонам, всматриваясь в окна и дворы набегающих домов. Проехав двухэтажный жилой дом, мы увидели толпу людей, живых людей, а не упырей, толпящихся за гастрономом, расположенным в самом центре поселка.

— Что за?.. — пробормотал Виктор, притормаживая перед поворотом.

У боковой стены магазина, на небольшой грунтовой площадке, покрытой остатками травы и мелким мусором, прямо на земле лежало около дюжины трупов, обернутых пленкой или тряпками. Одного из покойников зачем-то завернули в старый ковер. Бабы, в волнующейся в нескольких шагах от трупов толпе, плакали, мужики тихо переговаривались, некоторые при этом поглядывали, на понаехавших нас, с беспокойством или даже злостью.

— Что случилось? — спросил я у пожилого мужика, кряжистого и крепкого.

— Митрич… В ковре который… Участковый наш, в доме возле магазина жил… — неожиданно молодым, живым голосом заговорил мужик. — К полуночи бандиты приехали, крутые, на нескольких джипах, вот как вы, только у вас бабы, а они сами… За фурой гнали, вон она, лежит перед мостом…

— А дальше что? — поинтересовался я, оглянувшись перед этим на двадцатиметровую тушу «дальнобоя», наглухо перегородившую въезд на мост.

— Дальше… — мужик вздохнул. — Дальше фура на повороте, крутой он, в занос пошла, да и на бок легла… Митрич на шум выбежал, его и положили, первым. Мужики, что рядом жили, тоже выскочили… Шоферов из фуры тоже… Вон, все мертвые… А эти…

В кожанках все… Походили тут, поискали чего-то, добили раненых по головам, да и уехали обратно, на Большое… У Митрича даже пистолет не забрали, сами с автоматами, ну точно, как вы!

— Да это не автомат, батя!.. — поторопился успокоить старика. — Карабин охотничий, из калаша сделанный, очередями не стреляет. Я ж сам местный, к родителям в Борок еду, друзей везу. В городе больных много, эпидемия. А бандиты эти, в Большом тоже наследили, сильно наследили…

Поболтав с мужиком и потолкавшись в толпе еще несколько минут, я дал отмашку своим и запрыгнул обратно, в машину. До дома оставалось совсем немного, а на меня вдруг, после разговора с местным, накатилась безумная усталость, просто валящая с ног. Смерти, нескончаемые смерти… За три прошедших дня больше, чем за две войны. Всего двадцать километров, проехать, там дом, отец, соседи охотники, можно будет хотя бы денек отлежаться, прийти в себя, совсем расклеился…

— Бандюки тут погуляли, в Большом, похоже, тоже они. — ответил я на немой вопрос Виктора, аккуратно протискивавшего машину сквозь толпу на дороге. — Местные про ходячих мертвяков знают уже, больными считают. Рассказать бы им больше, но начнут вопросы задавать, до полуночи домой не доедем…

— Жалеть будут, лечить? — спросил Виктор.

— Нет… Знают, что неизлечимо. Кто-то из Москвы сюда успел добраться, просветил немного.

Родители, вместе с другими деревенскими, встретили нас на окраине села Могилицы, что рядом с деревней моих родных. Перед самым поселком красовался небольшой блокпост, все еще достраиваемый мужиками. Сваленные в две кучи мешки с песком, бревна, потихоньку перетаскивались на свои места, образуя два габиона Габион — оборонительное сооружение из мешков или плетеных корзин с грунтом или песком, на обочинах, и заграждение на дороге. Первыми нашу колонну увидели мужики, в одном из которых я узнал Вадима, местного егеря. Высокий, за два метра ростом, с лысой и блестящей, как бильярдный шар, головой, он был заметен издалека. Вооруженный такой же, как у меня, нарезной «Сайгой», только без обвеса, он взял оружие наизготовку, одновременно махнув рукой в сторону обочины, приказывая остановиться.

— Тормози, Витёк, приехали… — выдохнул я с облегчением. — Можно расслабиться, свои.

Оставив карабин в машине, я выпрыгнул из машины. Эх,

хорошо то как! От близкой реки пахнуло влажной свежестью, легкий ветерок трепал волосы, мягкое, весеннее солнце приятно согревало лицо. Если б не это всё…

— Ба, Денис! Где так долго?! — сразу успокоился Вадим, узнав меня. — Тебя тут с утра ждут! Проезжайте!

Пока я здоровался с егерем, колонна проехала за блокпост, остановившись у крайнего дома с красной крышей. Наши выбирались из машин, беспокойно оглядываясь. Матвеич вышел, пошатываясь, тут же отбежал к обочине и начал блевать, согнувшись пополам.

— С боем пробивались, Вадим… В Большом такого насмотрелись, что тесть, вон, кишки сейчас выплюнет…

Договорить я не успел. Из калитки выбежала моя мама, одетая в охотничий камуфляж. Как всегда, улыбчивая и ухоженная, словно жила не в деревне, а в центре столичного города. Несмотря на шестидесятилетний возраст, она сохранила свою красоту, вместе с привычкой пользоваться аккуратным количеством косметики. Следом за ней вышел отец, с неизменной «вертикалкой» за спиной. Приняв от меня в подарок на юбилей охотничье ружье «беретта», батя носился с ним, как с главной ценностью всей жизни, игнорируя любое другое оружие. Неторопливо, в отличие от мамы, он пошел в мою сторону, по пути здороваясь за руку с Бэтэром, Лукиным и Ксенией. Матвеичу, возле которого хлопотали жена и Алька, только кивнул. Впрочем, тому сейчас было не до приветствий — Вера Ивановна поддерживала его, пока он пытался умыться из бутылки, расплескивая дрожащими руками воду.

Оказавшись в жарких объятиях, сначала матери, а потом и отца, я окончательно почувствовал себя дома. Скупые слезинки в уголках глаз мамы, заострившиеся черты отцовского лица, и без того резкие, выдавали пережитую тревогу.

— Мам, пап, что случилось? — спросил я, когда, наконец, мы перестали обниматься.

— Да тут, сынок, такое дело… — ответил отец. — Из Нового утром приезжали, у них людей побили, да ты, наверное, сам уже знаешь.

— Да, знаю…

— Неспокойно в округе. Бандиты там были. Через нашу деревню ночью две машины пролетели, Федор, лесник, видел. За реку поехали. Мы с утра туда сунулись, а там у пристани, возле кафе, толпа этих, больных…

— Что вы сделали с ними? Никого не укусили? — встревожился я.

— Не… Мужики издалека на них посмотрели, да уехали. Ты

же предупредил, что они заразные, а я мужикам сказал, чтобы не приближались. — успокоил меня отец. — Так там и ходят…

— Черт… — тяжело вздохнул я. — Придется ехать… Разбредутся по округе, беды не миновать…

— Да что ж ты сынок, куда собрался? — запричитала мать, положив руки мне на плечи. — Пускай, милиция и врачи с ними разбираются!

— Нет больше милиции, мам… И врачей тоже… — мне было неприятно огорчать её, но бесконечно скрывать правду ещё хуже. — Мы сами по себе теперь. Как всегда…

— А что вы с ними будете делать? — не унималась мать. — Они же заразные, ты сам говорил!

— Ма… — я посмотрел ей в глаза, не решаясь сказать, что именно мы сделаем. — Мы аккуратно… На паром загоним и запрем!

Оставив родителей, я пошел к Виктору, окруженному толпой местных. Одетый, снаряженный и вооруженный, как крутой спецназовец, он моментально оказался в центре внимания. Мужики с интересом рассматривали снарягу, расспрашивали, разглядывали навороченный обвес карабина. Впрочем, Витек никому не давал оружие в руки, лишь показывая и объясняя его характеристики и возможности. Оно и к лучшему, что его так отвлекли, смотреть на мою встречу с родителями ему было бы невыносимо…

— Игорь, Витек! Собрались, нам придется прогуляться! — скомандовал я, вокруг сразу стало тихо. — Надо к парому на Мышкин проехаться, тут недалеко. Там, похоже, то же самое, что в Большом…

Местные сразу загудели, кто осуждающе, а кто и с готовностью помочь. Лукин скривился и закатил глаза, Бэтэр, наоборот, облегченно встрепенулся. Обычно становившийся центром, душой компании, сегодня Одинец был совсем в другом настроении. Понимаю, брат, сам хочу забиться в глухой угол, никого не видеть…

С трудом отбившись от желающих поехать с нами, мы загрузились в «буханку». Ребята разместились в кабине, а я кое-как устроился в набитом вещами салоне, на крышу лезть было рановато. От блокпоста с нами поехал только егерь, на своем УАЗе, да и тот остался в Бороке, у моста через Юхоть, у другого такого же укрепления, уже построенного. Четверо мужиков, вооруженные охотничьими ружьями, обживали габионы, другие, безоружные, работали топорами, сооружая из бревен что-то похожее на противотанковые ежи.

Сразу за поворотом на Коровино мы остановились. Я влез на

крышу, устроившись на мостках, Бэтэр решил наступать пешим порядком, впереди машины. Впрочем, до пристани двигаться ещё пару километров, поэтому он остался в кабине.

Машина, тихо урча мотором, не спеша ехала по центральной улице, довольно крупного по местным меркам села. Я безостановочно вертел головой, вглядываясь в каждый двор, тревожно-тихий, в каждое окно проплывавших мимо домов, вслушиваясь в окружающие звуки. Странно, не слышно собак, обычно они заливались лаем, но не сейчас. Пугающая тишина давила на нервы, деревня словно вымерла. Неужели все жители там, на пристани, смотрят перед собой мертвыми, белесыми глазами, от взгляда которых мороз по коже? Нет, не все! Из некоторых окон на мгновение выглядывают бледные, испуганные лица, тут же скрываясь в глубине комнат…

Положив нарезной карабин на мосток, взял дробовик, здесь он более уместен. Дорога с обеих сторон зажата заборами, дистанция для стрельбы, если что, минимальна.

Проехав лес, отделяющий деревню от пристани, мы остановились. Бэтэр выпрыгнул на дорогу, огляделся по сторонам, держа свой «Вепрь» наготове. Еще Лукин в кабине, у него МР-133, отобьемся, если что, хотя, здесь навряд ли можно ждать такую толпу, как в Большом…

Бэтэр шагал впереди машины, я внимательно рассматривал местность сверху. Первый упырь, одиноко стоящий посреди дороги, попался возле стоянки, где обычно останавливаются автобусы и маршрутки. Сейчас она была совершенно пустой, только мусор валялся, да на лавочке крытой остановки лежала забытая кем-то дорожная сумка.

Услышав шум мотора, упырь дернулся, повернулся к нам, будто наводясь на цель. Неловко сделал первый шаг, затем еще один, двигаясь как заржавевший робот. Машина остановилась, и я, прицелившись, снес ему голову первой же пулей двенадцатого калибра. Грохот выстрела разорвал тишину, прозвучав так, словно стреляли из пушки. Мы снова начали движение, миновали лежащее на асфальте тело, и тут увидели их…

Толпа из десятка мертвяков, заторможенных, конвульсивно дергающихся при каждом шаге, вышла из-за деревьев в полусотне метров впереди. Некоторые из них шли чуть быстрее остальных, цепочка упырей растянулась по дороге. Когда расстояние до них сократилось метров до двадцати, Бэтэр вскинул дробовик и выстрелил по их лидеру. Взмахнув руками, мертвяк отлетел назад на метр, выплеснув на серое полотно дороги содержимое черепа. Я взял прицел чуть дальше, укладывая на асфальт идущих позади. Детская забава, тир… Мертвяки валились наземь один за другим,

и, если бы не выходящие из-за деревьев их собратья, дело закончилось бы очень быстро.

Добравшись до кафе «У причала», мы остановились. От реки к нам двигались еще два десятка упырей, разной степени обглоданности и резвости. Из-за угла запертой кафешки с разбитым окном тоже показались унылые фигуры. Сколько же их здесь, вместе с теми, что мы уже положили? Полсотни, больше?

Выстрелы звучали уже непрерывно. Не стрелял только Лукин, мы же, с Бэтэром, расстреливали магазин за магазином, частенько промахиваясь, раскачивающиеся из стороны в сторону головы то и дело выскакивали из прицела. Несколько собак, таких же заторможенных, как люди, бывшие люди, навеки успокоились, не добравшись до добычи. Я почему-то не удивился, увидев четвероногих, бродячие псы падаль любят… Странно только, что они не убегают, а наступают вместе с упырями. Однако, удивляться потом буду, сейчас надо зачистить причал от восставшей мертвечины.

* * *

Тишина, наступившая вместе с последним, осевшим на землю упырем, резанула слух не слабее выстрела. Виктор, воткнув в дробовик полный магазин, осмотрелся по сторонам.

— Чисто! — крикнул я ему, пожалуй, громче, чем надо, уши заложило канонадой. — Надо кафе проверить!

Бэтэр, видимо решив передохнуть, снял шлем, расчесав пятерней русые волосы. Зачистить бы здание вдвоем, но нас слишком мало, чтобы ещё и округу держать…

— Не стреляйте!!! — вдруг раздался звонкий девичий крик, из-за разбитого окна кафешки. — Мальчики, не стреляйте!

Через пару секунд дверь распахнулась, оттуда вихрем вылетела девчонка, коротким ёжиком белых волос на голове похожая на мальчишку-подростка, в испачканной белой курточке и джинсах.

— Витя, Витенька!!! — прокричала она, запрыгивая, словно обезьянка, на окаменевшего от неожиданности Бэтэра. — Это ты!!!

Заметив движение в дверях кафе, я насторожился, но тут же успокоился — за девчонкой наблюдал лысоватый мужик, опираясь рукой на какую-то палку. Явно живой, только очень уставший.

— Марина?!! — удивленно и радостно проревел Одинец, бросив шлем на землю и подхватывая девчонку на руки, будто

пушинку. — Ты?! Как ты здесь оказалась?!

Глава 11
Олег Иванович Курганов, авторитет по кличке «Курган»

23 марта, четверг, г. Ярославль

Когда противнику что-либо дают, он обязательно берет;
выгодой заставляют его двигаться, а встречают его неожиданностью.

Сунь Цзы, «Искусство войны»

Окна большого особняка, стоящего на слиянии маленьких речек, Пахмы и Которосли, выходили на живописную долину за неширокой лентой реки. Солнце, степенно плывущее высоко в голубом небе, играло отблесками в глади темной воды, не так давно освободившейся от ледяных оков.

Идиллическую картину весеннего рая нарушали лишь черные столбы дыма, поднимающиеся над Ярославлем. Однако, именно они, темные вестники наступившего Апокалипсиса, обещали не только многие печали, но и невиданные доселе возможности…

Олег Иванович, одетый в безупречный английский костюм ручной работы, выгодно подчеркивавший его жилистую, худощавую фигуру, стоял посреди кабинета, оформленного в стиле цыганского рококо. Украшенного амурами и феями на расписном потолке, обрамленном золотыми карнизами, которые, в свою очередь, поддерживались сусальным золотом лепнины на стенах, покрытых глянцем венецианской штукатурки молочно-белого цвета, с прожилками кофейных оттенков. Курган смотрел сквозь бронированное стекло на такой противоречивый пейзаж, размеренно и задумчиво покачивая бокалом, на треть заполненным вином «Шато Мутон Ротшильд» урожая 2001 года. Уши хозяина кабинета ласкали ноты оперы «Тоска» Джаккомо Пуччини, негромким потоком лившиеся из хай-энд колонок штучной работы мастерской аппаратуры элитного звука, широко известной среди узкого круга богатых аудиофилов.

Сегодняшний день, третий по счету после начала мутного

кипеша, должен был стать решающим для многих людей, завязанных в большую и опасную схему. Опасной она считалась из-за непонятной ситуации, возникшей после начала эпидемии, делавшей людей похожими на жмуров. При этом сами жмуры себя такими не считали, бросаясь на вполне себе живых терпил. Сам Курган не видел, что творится в городе, за пределы поместья он вообще редко выходил, разве что прогуливался до поселка на Ивановском перевозе, почти полностью заселенном братвой из его ближнего круга. Но, пацаны рассказывали gпро беспредел в Ярославле, с сотнями ходячих жмуров на улицах, беженцах и грабеже магазинов. Воры из других городов говорили о том же, а последним доводом, доказавшим, что в стране, как и во всем мире, стал вчерашний выпуск новостей по телевизору. Хаос на улицах Москвы, Петербурга, Нью Йорка, Токио, Пекина, уже не походил на привычное журналистское фуфло.

Тем не менее, опасность была в другом. Если власти смогут взять ситуацию под контроль, навести порядок, все занятые в предстоящем деле попадут на кичу, пожизненно. Кургану же, просидевшему «на хате» большую часть из своих пятидесяти двух лет, совсем не хотелось возвращаться в серые палаты тюремного санатория. Пить горькую чифу вместо коллекционных вин, слушать вечный тюремный блатняк вместо оперы, жрать баланду вместо деликатесов европейской кухни, всего этого Олег Иванович не хотел больше никогда.

Хотя, выгоды при удачном раскладе вырисовывались запредельные. Он становился полноправным хозяином города и почти всей области, за исключением разве что Рыбинска, и южных окраин, граничащих с московской областью. Никаких мусоров, судов, этапов, только абсолютная и неоспоримая власть, над каждым, кто окажется в границах его земель…

Размышления Кургана прервал осторожный, но настойчивый стук в дверь кабинета.

— Войдите! — крикнул Олег Иванович, обернувшись к входящему в помещение слуге.

— Ваша Светлость! — служка с поклоном обратился к хозяину. — Господа изволили-с приехать!

— Окажи им внимание, да проводи ко мне! — ответил Курган.

Стоило слуге выскользнуть за дверь, как Олег Иванович направился к своему креслу, стоящему во главе роскошного письменного стола, изготовленным итальянскими мастерами по образцам мебели из самого Лувра. Классическими были не только убранство особняка, но и манеры, и даже одежда его обитателей. Еще на зоне он увлекся литературой, читая книгу за книгой, всем

остальным жанрам предпочитая русскую классику. Толстой, Тургенев, Гоголь, Чехов… Обычаи ушедшей эпохи очаровали Кургана, видевшего себя то барином, секущем плетью нерадивых крепостных, то князем, ведущем войско по завоеванным землям, собирая по пути кровавую дань. Откинувшись с зоны, он начал создавать свое поместье, живущее по старым обычаям, изменилась даже речь. На тюремный и блатной жаргон Олег Иванович наложил жесточайший запрет, нарушение коего каралось показательной поркой. Отныне, все окружение Кургана, как и он сам, общалось на языке старой русской интеллигенции. По крайней мере, им самим так казалось.

— Ну здоров, Олег Иваныч! — средних лет господин весьма затрапезного вида, при этом одетый в приличный, даже дорогой костюм, поздоровался таким тоном, что Курган мысленно выругался, тем не менее, не подав вида.

— И вам здравствовать, сударь! — не слишком приветливо буркнул хозяин поместья. — Присаживайтесь, будьте любезны!

— Ой ну-те, какие мы вежливые стали! — с издевкой ответил гость. — Будто не род…

— Коля, завязывай! — зычным, властным окриком перебил нагловатого гостя второй посетитель. — Присаживайся давай, нам одно дело делать, а ты никак со старых рельс не съедешь!

Солидный и крупный господин неопределенных лет и весьма невыразительной внешности, одетый в светло-серый костюм от кутюр, из ткани с легким, роскошным жемчужным отблеском, всем своим видом внушал уважение.

Усевшись за сервированный водой и фруктами стол для совещаний, приставленный к хозяйскому, как ножка буквы Т, гости раскрыли принесенные кожаные папки, привычные для руководителей силовых ведомств. Второй гость, выделявшийся не только статью, но и степенностью, открыл принесенный чемоданчик, обшитый крокодиловой кожей, и демонстративно нажал несколько кнопок, включив глушилку любых микрофонов и радиопередатчиков.

— Что же, начнем! — заговорил наконец Курган, дождавшись, когда чемоданчик исчезнет под столом. — Время не терпит, партнеры торопят!

— Спеши не спеша, Олежа! — второй гость снова перебил говорящего. — Давай сначала между собой решим, чего кому надо! А то, может, ты пасть разинул на все золота мира, и царицу Шемаханскую впридачу?

— Бери ношу по себе, чтоб не падать при ходьбе… — цитатой из фильма «Брат» ответил Курган. — Отнюдь, Максим Георгиевич, мои пожелания скромны и разумны. При этом, я

возьму не меньше, чем Тутаевский нефтеперегонный и контроль над городом! Над Ярославлем, то бишь…

Синевников Максим Георгиевич, прокурор области, сдержанно хмыкнул, чуть улыбнувшись уголком рта. Гость, вошедший первым, но играющий вторую роль, начальник УВД, Кашин Николай Петрович, хотел было что-то сказать, однако, закрыл рот, увидев тяжелый взгляд прокурора.

— Мои запросы не изменились, господа… — спокойным, при этом не став менее значительным, голосом, сообщил о своих желаниях Синевников. — Подо мной будут Рыбинская ГЭС и пятая Зона, с куском земли на левом берегу Волги. С партнерами договорился, их все устраивает. Остальное меня не интересует, делитесь как хотите.

— Угличская ГЭС, господа. И сам город с прилегающими землями. Больше мне не съесть, людей мало… — вставил и свое слово Кашин.

Трое вчерашних врагов, по странной прихоти судьбы ставших союзниками, замолчали, переглядываясь. Первым заговорил прокурор, заметив что-то во взгляде хозяина кабинета.

— Олежа, давай, выкладывай. Что-то не так?

— Братве надо Ростов отдать. В Ярославле слишком разгуляются, а мне самому город нужен. — негромко, но решительно сообщил Курган, стараясь не смотреть на вертевшего в пальцах ручку Кашина, эта его давняя привычка ужасно бесила.

— Город он сберечь хочет! — не выдержал Кашин, ручка на миг перестала крутиться. — А раньше ты чем думал? Не твои ли барыги по клубам и ВУЗам дурь разносили? Левые фирмы на ремонт дорог кто ставил? Свобода вон, в ямах вся после твоего ремонта прошлогоднего!

— Коля! Да хватит уже! Всё, проехали, нет той жизни! — Синевников резко одернул не в меру едкого мента. — Сам знаешь, под кем Олег Иванович ходил, без такой крыши ему бы щепоть «травы» продать не дали, о группировке вообще речи не было бы! А у тебя самого рыло не то, что в пуху, мхом поросло!

— На себя посмотри… — буркнул неугомонный Николай Петрович, но замолчал, сосредоточившись на мельтешении «паркера» в своих руках.

Выдержав небольшую паузу, Курган заговорил. Как всегда, при встречах с «красными», он говорил тихо, неторопливо, тщательно подбирая каждое слово, чтобы ментам приходилось напрягаться, вслушиваясь в его слова.

— Партнеры сообщили, что сегодня начнут брать Рыбинск…

— Знаю! — перебил его Синевников, от чего Курган болезненно скривился.

— …позвольте закончить, милейший! Бойцы из столицы уже в Рыбинске, взяли мост через Волгу и блокпост перед шлюзами. Дальше пока не могут пойти, местные «погоны» встали намертво. Я собираю пацанов из седьмой зоны в Тутаеве, чтобы пробиться к пятой, освободить братву…

— Так по левому берегу иди! — Кашин, наконец-то, перестал пикировать своего давнего подопечного, взмахнув ручкой, словно дирижерской палочкой. — Там же час езды!

— Интересы кое-какие на правом берегу есть… Успеть надо, чтобы с московскими в долю войти. — в голосе Кургана все же проскочили нотки раздражения из-за бесцеремонности этих двоих. — Кроме того, партнеры просят помочь по городу, у них свободных людей почти не осталось. Кстати, любезные, а почему вы не можете помочь с расселением пятой зоны?

— Не наше ведомство, дорогой! — ответил прокурор, снова заполонив звучанием своего голоса все помещение. — ФСИН мне не подчиняется, к тому же начальник там пропал куда-то. На самой зоне, Шепелев, хозяин пятой то есть, мужик упертый, с ним разговаривать бесполезно. В общем и целом, без нас. Я и так занят с партнерами по самые уши, работой на земле занимайтесь сами.

— Да ты не менжуйся, Олег! — перехватил нить разговора Кашин. — Я тебе оружия подкину, патроны есть у тебя самого, кажется есть, так? На Петербург перед всем этим, сколько «маслят» отправил? Полтонны?

Курган побагровел, недобро сверкнув глазами в сторону начальника МВД. Невыносимо захотелось забить проклятую ручку менту в глаз.

— Какая сссука сдала? Кончу ссстукача, своими руками! — прошипел он в ответ, нервно поднимаясь с кресла.

— Олежа, ша, тихо! Не нервничай! — властно повысил голос прокурор. — А ты, Коля, еще раз такое устроишь, сам тебя подержу, пока он тебе кишки выпускать будет! Сдай ему сексота, он уже не пригодится, и замнем по-тихому!

— Нету его уже, помер… — мотнул головой из стороны в сторону Кашин, опасливо поглядывая на бандита. — В первый же день, на стадионе, укусили… «Тишка» его погоняло. Было…

— Ссука поганая… — растеряв весь свой аристократический лоск, Курган стал похож на обычного урку, но, тем не менее, откинулся на спинку кресла, пытаясь казаться спокойным.

— Господа, давайте все же вернемся к нашей работе! — прервал некрасивую паузу Синевников. — Надо с Рыбинском разобраться, и на своих делянках порядок навести! Потом будете отношения выяснять, если уж так не терпится! Олег Иванович,

выкладывай свой план, мне его с партнерами согласовать надо!

Следующие три часа троица новоиспеченных «хозяев» области провела за обсуждением деталей предстоящего захвата власти в Рыбинске, изредка прерываясь на кофе, угодливо подносимом вышколенными прислугой хозяина поместья. Каждый из заговорщиков делал пометки в своих блокнотах, постепенно заполнявшихся колонками цифр, списками связных, курьеров, паролями и другой необходимой для дела информацией.

— Максим Георгиевич, и все же, если это все… — Кашин махнул рукой в сторону окна. — …вдруг закончится, если армия наведет порядок, где мы с вами окажемся, вы думали?

Курган расслабленно откинулся на спинку, довольно улыбнувшись. Неудобный вопрос, все время вертевшийся на языке, прозвучал из уст этого урода, по недоразумению носившего погоны, а не ведра с парашей. Ему, князю, не пришлось мараться словами трусоватого вопроса.

— Коля… Какая армия? Ее и так не было считай, а сейчас они сами себя защитить не могут! Вокруг города несколько блокпостов было, все сняли! Только на мосту остались, десантура там наглухо отбитая, да в нескольких местах заправки держат, пока еще, и на ЯНОСе окопались, целым полком. Президента на гору эвакуировали, вся Москва разбежалась, кто куда. Министра обороны, свежеиспеченного, след простыл в первый же день, ваш ментовской тоже сбежал. Нету власти, Коля! Ни здесь, ни там, за бугром, куда наши маршалы с министрами побежали! Теперь МЫ власть! Я, ты, он!

Курган чуть заметно покривился от того пренебрежительного жеста рукой, который позволил себе в его сторону прокурор… нет, теперь уже бывший прокурор, теперь это…..Синя! Жаль, нельзя его прямо здесь и сейчас, на полосы распустить, плетями… Или нет, лучше, пером пописать, неглубоко, так, чтобы кровью истек, медленно…

— Олег Иванович, вы с нами?! — громкий вопрос Сини вывел Кургана из мечтательного забытия.

— Да, Ваше благородие, всенепременно с вами! Не сочтите за труд выслушать мое предложение, возможно, это поможет разрешить многие сложности, возникающие в нашем деле! — Курган умышленно произнес «наше» чуть громче остальных слов.

Оба чиновника заинтересованно уставились на хозяина поместья, Кашин завертел ручкой быстрее прежнего, Синевников откинулся на спинку стула и сцепил пальцы на выдающемся пузе. Олег Иванович выдержал эффектную паузу, чтобы разжечь интерес, он умел манипулировать людьми, благодаря чему едва

не стал вором в законе. К сожалению, авторитетные воры не сошлись в мнениях на его счет, и корона уплыла из-под носа…

— Мои…..сотрудники, сделали очень хороший препарат для тех, кто хочет немного расслабиться. Совсем недавно…

— Олежа, все уже знают про твое «масло», давай к делу ближе… — Синя снова перебил Кургана, не меняя позы.

— Сударь, не обессудьте, но я закончу… — князь постарался скрыть раздражение, хотя у него получилось не слишком убедительно. — Совсем недавно формулу улучшили, теперь «масло» можно не только колоть по вене, но и примешивать к напиткам. Как вы знаете, зависимость развивается после первой же дозы. К тому же, зависимость не вызывает ломку, однако, психологически человек уже не может обходиться без препарата и способен за дозу пойти на любое дело… безрассудство. Подумайте, сколько замечательных и нужных людей окружает вас ежедневно!

— В напиток… — задумчиво произнес Синевников, с тревогой посмотрев на стоящую перед ним чашку кофе. — Пожалуй, полезный у тебя, Олежа, препарат. На пробу есть образец?

— Обижаете, Ваше благородие! — не смог сдержать улыбку Курган, доставая из стола два небольших плоских футляра с ампулами. — Для вас, и только для вас есть небольшой презент, можете использовать его по своему усмотрению!

— Сколько этой дури ты сможешь поставлять? — спросил Кашин, подобно прокурору отодвигая от себя чашку с ароматнейшим кофе «Копи-Лювак».

— Учитывая обстоятельства, милейший… В месяц… Пока что по литру старого препарата, и не больше ста-двухсот грамм нового. Вам навряд ли доложили о том, что препарат очень дорогостоящий в производстве, да и сырье сейчас, увы, достать будет сложно.

— Понимаем, Олежа, понимаем… — заговорил Синя, рассматривая медицинские ампулы, заполненные жидкостью, похожей на глицерин. — Сколько этой дряни нужно, чтобы словить кайф?

— Достаточно одного кубика, чтобы несколько часов видеть мир в алмазах, и никогда уже не расставаться с нектаром, дарящим неземное удовольствие! — довольно и даже сыто ухмыльнулся Курган, рыбки наживку заглотили. — Половины кубика хватит, чтобы добавить в жизнь красок и радости, оставаясь в сознании. Тяга после первой дозы слабее, но есть.

— То есть, тысяча доз старого, и сотня доз нового… — задумчиво подвел итог Синевников. — Неплохо, очень неплохо!

Если использовать только для… полезных людей, можно создать коллектив очень преданных и верных… единомышленников, так?

— Вы как всегда правы, Максим Георгиевич! Я собираюсь продавать очень ограниченное количество препарата, цена на рынке будет высокой. Можно даже сказать, эксклюзивной! — Курган с удовольствием произнес это слово. — Но для вас, как для партнеров, цена будет почти равна себестоимости!

Гости заулыбались, предвкушая отличный навар, ручка Кашина завертелась, как пропеллер. В головах обоих галопом понеслись схемы и цифры будущих сделок. В смутные времена торговать дурью не менее выгодно, чем жратвой и боеприпасами, а уж такой, что подсаживает после первой дозы, втройне прибыльно. И никакого тебе наркоконтроля…

— Олежа, это все замечательно… — после некоторой паузы солидно продолжил Синевников. — Но давай еще раз пройдемся по карте области. Твои пацаны должны не то, чтобы обходить места, что я сейчас укажу, но и защищать их. За каждый косяк с тебя будут спрашивать. Согласен?

— За всех и каждого не подпишусь, много беспредела из московской губернии понаехало… — задумчиво ответил Курган. — Да и местные вольницу почуяли… За своих отвечаю, за залетных и вольных не могу.

— Значит, сделай так, чтоб твои бригады даже близко понаехавших не подпускали! Там серьезные люди, им покой нужен и вежливое обхождение! Своя охрана у них есть, но все приезжие. Опять же, людей мало…

— Сделаю, коль просите, Максим Георгиевич… Однако, не без своей выгоды. Мы немедля о цене поговорим, или вам надо обсудить с гостями?

— А ты тот еще жук, Олег Иванович!.. — хмыкнув, влез в разговор Кашин. — Тебе доли от партнеров мало?

— Максим Георгиевич, извольте показать поместья нужных нам господ… — Курган проигнорировал очередной выпад потерявшего берега мента, передавая бывшему прокурору карту области.

— Олежа, радует твое гостеприимство! — довольно заулыбался Синевников, в его голосе зазвучали покровительственные нотки. — Партнеры товаром заплатят, как установят оборудование. Сам понимаешь, цена лекарств станет не меньше, чем твоя дурь, а я договорюсь, чтобы не обидели.

Первым на карте прокурор пометил дворянское поместье между Тутаевым и Рыбинском. Следующей точкой стали рыбные пруды на болотах в Варегово, после них деревни Твердино, Демино и Коприно… Все эти места давно облюбовала местная и

столичная элита, застроив роскошными коттеджами, с бассейнами и вертолетными площадками. По мере того, как на карте появлялись все новые красные круги, Курган все больше мрачнел.

— Ваше благородие, вы слишком высоко оцениваете мои возможности! — решительно заявил вожак бандитов, когда список объектов перевалил за десяток. — Где я вам столько людей возьму? Сам испытываю нужду в лишних душах… Арсеналы в Бурмакино и Гладышево брать, Ростов с Ярославлем держать, Мендель опять же… Не обессудьте, но на полудюжине земель придется остановиться! Разве что, после того как возьмем пятую зону…

— А ты много не ставь, Олежа! — возразил Синевников. — На полудюжине, как говоришь, ставь сколько надо. На остальных, трое-четверо братков пусть вертятся, глаза мозолят. Покажи гостям нашу заботу! Как с пятой разберешься, так и закроешь все дыры!

— С Гладышево я тебе помогу… — неожиданно для всех вставил свое слово Кашин. — Сам ты два арсенала не проглотишь, а московские обязательно пасть разинут на такой кусок. Мы же как-то договоримся меж собой, согласен?

Курган недовольно скривился… Делиться с ментами таким сокровищем, как боеприпасы для стрелкового оружия и брони, а также игрушками поубойнее, вроде ракет для «Града», совсем не хотелось. Тем не менее, в словах бывшего начальника областного МВД доля истины была, столько объектов одному не потянуть. Опять же, можно подставить «цветных», если станет горячо…

— Благодарствую, Николай Петрович! Ваше предложение очень кстати! — изобразив улыбку, ответил Олег Иванович своему вынужденному союзнику.

Еще около получаса заговорщики обсуждали вопросы взаимодействия, снабжения и связи, причем, как ни странно, Синевников оказался более чем полезен в решении тактических вопросов. В конце концов, закончив совещание, бывшие чиновники покинули кабинет, не забыв попрощаться.

Проследив на экране видеонаблюдения за удаляющимся кортежем машин своих «союзников», Курган неторопливо поднялся из кресла. Отодвинув мастерски исполненную репродукцию картины Рембрандта «Отречение Петра», висевшую на стене рядом со столом, Олег Иванович нащупал пальцем маленькую неровность на изнанке золоченой рамы. После нажатия на нее ногтем, открылось потаенное гнездо с картой памяти, на которую записался весь разговор. Прокурорская глушилка не могла отключить запись, вся электроника была

заключена в заземленный металлический корпус, а микрофоном служило само полотно.

Спрятав чип в тайник возле сейфа, Курган нажал кнопку вызова прислуги. Тотчас же в кабинете появился лакей, затянутый в старинного кроя ливрею.

— Сенька, убери вон эту крысиную парашу! — Хозяин брезгливо кивнул в сторону стоящих на столе чашек с едва тронутым гостями кофе «Копи Лювак», зерна которого прошли через желудки каких-то азиатских зверьков. — Чашки и джезву в помойку… Хотя нет, оставь, еще пригодятся, только на кухне их не держи!

— Будет исполнено, Ваша Светлость! Прошу извинить, но Вас ожидает гонец с аэродрома! — отрапортовал лакей и тут же направился к столу, убирать напиток для особо «уважаемых» посетителей.

— Пусть войдет! — скомандовал Курган, без особого удовольствия ожидая очередного визитера, время обедни давно наступило.

Тем не менее, новостей с летного поля он ждал с большим нетерпением. Несмотря ни на что, сегодня от Дурмана, сектанта и варщика из Петербурга, вертолетом прибывал ценнейший груз — набор компонентов для нового наркотика с подробным описанием, что с чем и как смешивать. Специалист из Северной столицы доработал рецепт Коли Шила, сделал его чище и убойнее, при этом подвизавшись регулярно поставлять сырьё.

Даже если бы новый товар был такого же качества, как местный, надо было за него хвататься. Шило доставлял слишком много хлопот своими пьянками, слишком борзый к тому же. Хотя как варщик, он не имел себе равных — его новая дурь стоила сущие копейки в производстве, химию можно купить без проблем и разрешительных документов у любого поставщика фармпрепаратов, а что-то и вовсе делалось на коленке из товаров для кулинарии. Впрочем, так говорил сам Шило, любивший похвастаться своими умениями, а кроме него никто не знал состав его «масла». Исключением стал тот самый сектант из Петербурга, которому Шило в очередном припадке хвастовства разболтал рецепт наркотика.

— Разрешите, Ваша Светлость! — вошедший гонец вытянулся в струнку у самого порога.

— Давай уже, не томи! — раздраженно рявкнул Курган, чей желудок настойчиво требовал отобедать.

— Осмелюсь доложить… Произошло… несчастье… — гонец тщательно подбирал слова, угодные Хозяину. — Вертолет-с разбился, прямо на поле…

— Как разбился?!! — Курган вскочил, как ужаленный, закричав не своим голосом и напрочь позабыв про обед. — Чё ты гонишь, падла?! Давно разбился? Почему сразу не доложил?!!

— Ви… Виноват, Ваша Светлость! — испуганно пролепетал гонец. — Вас… Вас не вели… лели… Не велели Вас беспокоить!

— Я тебе сейчас в очко засуну вели-лели, и по губам повожу! — заорал Курган. — Что с товаром??? Где Куцый?!! Почему не он пришел?

— Прошу прощения, Ваша Светлость… Боярин Куцый там, на поле, с братвой… Собирали ящики из упавшего вертолета, меня к вам отправили… — проблеял гонец, с ужасом наблюдая за беснующимся паханом.

— Что?! Какие нах ящи… — Курган вдруг осекся, сознав услышанное. — Ящики? Вертолет просто упал? Товар целый?!

— Не могу всё знать, Ваша Светлость! Но ящики уцелели, очень прочные! Железные! Просто упал, так точно! — побледневший гонец был просто счастлив сообщить, что авиакатастрофа обошлась без взрыва и пожара.

— Пшел вон, Веля-Леля! — без сил падая в кресло, прошипел Олег Иванович. — Да позови сюда Сеньку!

Лакей явился незамедлительно, стоило гонцу покинуть хозяйский кабинет.

— Слушаю, Ваша Светлость!

— Телефон мне подай… Или эту, как её там, рацию…

Навороченный кирпич радиостанции, как по волшебству возникший в руках Сеньки, немедленно перекочевал в ладонь Хозяина.

— Алло, Куцый! — скорее крикнул, чем сказал Курган, зажав тангенту. — Что там у вас?!

— Проблемы, Ваша Светлость! — моментально ответила рация, противно скрипя. — Упала машинка!

— Хер с ней, с машинкой! Товар цел?!

— Ящики конкретные, целые! Вертолет не горел, рухнул на поле, сам в хлам, а ящики как новье!

— Давай вези все, что есть! Сейчас же!

— Слушаюсь! — прохрипела рация и отключилась.

Бросив устройство связи на стол, Курган тяжело поднялся, включил первую попавшуюся композицию на музыкальном центре, и под торжественное звучание пятой симфонии Баха налил треть стакана виски «Чивас Роял Салют» двадцатиоднолетней выдержки. Влив в глотку элитный напиток, одним глотком, словно самогон, Олег Иванович поморщился от боли в измученном гастритом желудке, затем расслабленно растянулся на кожаном шезлонге, стоящем на резных, в форме

львов ножках. Товар не пострадал… Жаль вертушку, но куда эти военные, служаки безродные денутся? Жрать захотят, хоть бомбардировщик с эскортом истребителей гонять будут, куда скажут! Куда он, Курган, скажет! Теперь он здесь Хозяин, Закон, Власть!

Прошло не более получаса, как в дверь снова постучались. Курган, едва не задремавший после расслабляющей порции алкоголя на голодный желудок, тяжело поднялся, набросил пиджак, затем снял его и повесил на спинку антикварного стула.

— Войдите! — скомандовал Олег Иванович, придав голосу властный тон.

В распахнувшуюся дверь ввалилась гурьба братков, несущих в руках кучу матово поблескивающих металлических кейсов с хромированными уголками, и странным рисунком ромба с вписанным в него крестом на крышках. Сколько же их? Десять… пятнадцать… восемнадцать… Выгнав лишних людей из кабинета, Куцый принялся раскладывать чемоданы по порядку номеров, нарисованных на боковых стенках.

— Портфель где? — спросил Курган, когда все носильщики покинули помещение.

— Какой портфель? — недоуменно обернулся бригадир, заканчивая выкладку кейсов.

— Кожаный, бля!!! — заорал Хозяин, зло сверкая глазами. — Портфель где, я тебя спрашиваю?!!

— Курган… Сукой буду, не было там портфеля! Все выгребли, до последней тряпки! Обшмонали салон, кабину, все железки растащили!

— Кто первый к вертолету подошел? — Олег Иванович начал свирепеть, отчего бригадир опасливо попятился назад. — Дать сюда эту крысу!

Куцый пулей выскочил из кабинета, через несколько секунд вернувшись, толкая перед собой здоровенного братка с татуированными до синевы руками.

— Матрос… То есть, Владимир Павлович, это он первым у вертолета был! — поспешил сообщить Куцый.

— А чё я… — протянул было Матрос, но тут же замолчал, получив болезненный пинок в почку от стоящего позади бригадира. — Ваша Светлость… Я первый возле вертолета… Был…

— Ты у меня на кол сядешь, если не скажешь, кто портфель скрысил! — худощавый пахан смотрелся совсем тощим, на фоне груды мышц подчиненного. — Ну?

— А чё я… — снова затянул свое Матрос и опять получил пинок. — Не было там портфеля! Сумка с инструментом, ну

была… Барахло у шоферов, ну было, ну так мелочь одна… Ну… Котлы разбитые, крестики, ну…

— Сенька! — заорал Курган и влепил бугаю крепкую пощечину, наотмашь, пропахав перстнем глубокую царапину на щеке.

— Слушаю, Ваша Светлость! — лакей моментально нарисовался на пороге.

— Зови Кашу и Бермуда, пусть с этими башмаками на поле съездят! Если найдут портфель, этих всех, в холодную, без жратвы и выпаса на неделю! А если не найдется, пусть шмонают всех и каждого, большой вальс устроить!

Проводив взглядом испарившегося лакея, Курган перевел дух и зацепился глазами за лежащие на полу ящики. Что-то в них не давало ему покоя, какая-то незаметная деталь выбивалась из порядка…

— Кууцыыый… — негромким, почти ласковым голосом Курган позвал бригадира, отчего тот едва ли не испариной покрылся. — Ты мне что, баланду мутить вздумал?

— Курган… Я…

— Кууцыыый… Валетом не прикидывайся! — еще ласковее обратился к бригадиру пахан. — Ответь, считать умеешь?

— Я… Ну да! — явно не понимая происходящего, ответил бандит.

— Так скажи мне, родной, как может после третьего чемодана, сразу идти пятый?

Невысокий, суховатый, плотного телосложения бандит, много лет «работавший» с Курганом, уставился на металлические ящики. Первый, два вторых, третий, пятый, три шестых, седьмой, четыре восьмых, два девятых, три десятых. Пересчитав ящики несколько раз, Куцый перевернул каждый из них, но на другой стороне виднелись те же номера, рядом с эмблемами ромбов с вписанными крестами.

— Курган… Ничего не понимаю! Здесь все, что было в вертолете и рядом с ним… — цепенея от осознания неизбежной расправы, прошептал Куцый.

— Зато я понимаю!!! — взорвался криком Олег Иванович. — Ты! Прошел бортом! Весла развесил, а не дела делал! Пшел отсюда! Боталом землю рыть будешь, пока не найдешь! Барана своего рисованного забери! Не будет портфеля и ящика, я из тебя медузу сделаю!!!

Когда за выбежавшими братками закрылась дверь, Курган устало пошатнулся, добрел до стола и жадно присосался к горлышку бутылки элитного вискаря. Желудок снова обожгло, но Хозяин не обратил внимания на такую мелочь. Все схемы летели

псу под хвост! Без этой наркоты он не сможет держать четыре сотни полосатых, державших, в свою очередь, три с лишним тысячи уголовников, вырвавшихся на свободу из нескольких колоний!

— Ладно, ладно… — пробормотал сам себе Олег Иванович, устраиваясь поудобнее. — На первое время хватит… Две сотни литров в заначке, к продаже готовился, хорошо, что не успел отдать… Хватит…

Поерзав немного в кресле, ставшем вдруг слишком жестким, слишком тесным, Курган вытащил из ящика спутниковый телефон. Сотовая связь последние два дня работала с большими перебоями, дозвониться куда-либо за пределы города почти не получалось, оставалась надежда только на спутники, работающие как прежде.

— Абонент недоступен, перезвоните, пожалуйста позже! — раздался из трубки механический голос, повторив затем фразу на английском языке.

Олег Иванович бросил бесполезный аппарат обратно в ящик и задумался. Если с питерским варщиком что-то случилось, дела совсем плохи. Планы на будущее придется менять на ходу, хотя, есть же Шило… Этот, конечно, проблемный, конечно, сварил дурь не такую чистую, как его питерский коллега, но все же свой, под боком живущий. А с господами цветными, насчет чистого продукта можно объясниться, время такое нынче, непростое…

Вызвав лакея, Курган отдал распоряжение найти вечно пропадающего, вот как сейчас, Коляна, достать хоть из-под земли. Если бухой, привести в сознание. Если зажмурился или не на квартире зависает, собрать все записи, карты, найти мобилы, компьютеры… Найти если не самого варщика, то его рецепты. Не в голове же он держал все!

Отобедав на скорую руку, Олег Иванович даже не почувствовал вкус деликатесов, приготовленных поваром, перекупленном в свое время из дорогого французского ресторана. Вдоволь наголодавшись в сиротском детстве и просидев слишком долго на скудном пайке арестанта, он изо всех сил старался наверстать упущенные радости от вкусной и сытной еды. Яства, всегда неторопливо вкушаемые с благоговением, сегодня стали лишь лекарством от изжоги в испорченном тюремной баландой желудке.

Встав из-за богато сервированного, в стиле Людовика XIV, стола, Курган снова уединился в кабинете, включил диск с оперой «Норма» Винченцо Беллини, налил немного вина в любимый бокал богемского стекла, украшенный замысловатой золотой росписью. Теперь осталось только ждать. Пропавшего при

авиакатастрофе груза, подручного варщика, или обратного звонка из Петербурга. Хорошо бы получить все сразу, однако, для восстановления душевного покоя, хватит и чего-то одного.

— Ваша Светлость, прибыли господа с аэродрома! — торжественно заявил лакей, осторожно войдя в помещение, на его стук Хозяин не откликался.

Вынырнув из тяжелых мыслей, Курган недобро взглянул на Сеньку.

— Чего ждешь? Заводи их сюда, быстро!

Трое вошедших вошли в кабинет, замерев у самих дверей. Каша, смотрящий за поместьем, круглолицый татарин, выглядящий значительно старше своих сорока семи лет, держал в руках сумку-портфель, весьма дорогую на вид, даже издалека. Тисненая кожа, поблескивающая золотом фурнитура… И болтающийся на ручке наручник с цепочкой.

— Сюда неси… — скупо махнув рукой, приказал Курган, внутренне ликуя, портфель нашелся!

Помощник поставил бесценную сумку на стол, затем выгреб из кармана кучу дорогого барахла. Часы, бумажник, телефон, запонки с бриллиантами, золотую заколку для галстука, массивный перстень, блокнот в кожаной обложке и маленькой золотой ручкой на клипсе, несколько бумажек, маленький металлический цилиндр, обшитый кожей.

— Жмур лежал… Ходил то есть, за дорогой, у кладбища. Это при нем было, сумка тоже. — сообщил Каша, вытянувшись по струнке.

— Чемодан где? — не поднимая глаз, спросил Хозяин.

— Не было чемодана, Ваша Светлость! — уже без былого задора в голосе ответил Каша. — Обыскали всю округу, все кладбище, чемодана нет. Возле жмура натоптано было, может он сам наследил, может кто-то чужой. Правда, с него ничего не сняли, все при нем. Лопатник, котлы, сумка…

Курган бросил короткий взгляд на мнущегося у двери Куцого и стоящего чуть за ним Бермуда, неподвижно, как скала.

— Бермуд! — окрикнул подчиненного Хозяин. — Давай, медузу делай!

Куцый дернулся, но кулак бывшего товарища моментально сбил его с ног. Боксер подхватил приговоренного, лежащего в глубоком нокауте, и потащил за дверь.

— Матрос где? — задал новый вопрос Курган, все так же рассматривая лежащие на столе предметы.

— Иваныч… — по-свойски заговорил Каша, нервно пригладив рукой короткие, с густой проседью волосы, когда все посторонние покинули кабинет. — Мой косяк… Сбежал Матрос!

Как поиски закончили, был, как в машины садились, не было…

— С кем я работаю, Касим Шакирович? — Хозяин, наконец, поднял взгляд на стоящего рядом человека. — У одних ума не хватило осмотреть местность вокруг, другие штрафника не могут привезти… Каша, мы же с тобой полжизни по одним хатам чалились! С тебя спрашивать западло, но кто за косяк ответит? Почему вертолет упал, разобрались?

— Горючка закончилась, насухо! — быстро ответил подельник Кургана. — Непонятно, почему они не сели, как баки дно показали. И не спросить уже, летунов в мясо разлохматило.

Никто уже не мог узнать о том, что вертолет попал под удар системы РЭБ, находившейся на одном из бортов президентского конвоя, так некстати пересекшегося маршрутами с доставлявшим товар МИ-8. Взбесившаяся электроника винтокрыла не только заблокировала управление машиной, но и моментально высосала остатки топлива, которого вполне хватало для посадки в Карачихе, если бы полет проходил в штатном режиме…

— Найди этого, Велю-лелю! — приказал Курган после небольшой паузы. — Доставь его на бойню, сам с ним разберусь.

— Кого? — не понял Каша, выражение удивления промелькнуло на его лице, покрытом глубокими морщинами. — Не знаю такого!

— Да этот… Гонец Куцого, как его там… — Курган пытался вспомнить имя или кличку вестника печали. — Молодой, с шрамом на руке.

— А, Костыль! — обрадовался смотрящий. — Сей момент!

Проследив за удалившимся подельником, Олег Иванович принялся перебирать лежащие на столе предметы. Перстень… Четыре крупных бриллианта ромбом, один в центре. Между ними дорожки из маленьких алмазов, образуя символ, подобный нарисованному на чемоданах. Запонки, с такой же инкрустацией, заколка для галстука с тем же символом.

— Секта, чтоб их… — пробормотал Курган, открывая блокнот.

Полистав несколько секунд странички, испещренные странными крючками, палочками-галочками, отбросил в сторону. Шифр, пусть возятся с ним другие люди… В бумажнике нашлось пара тысяч долларов сотенными купюрами, несколько золотых пластинок, весом около грамма каждая, фотография странно одетого мужика с шрамом от ожога на пол-лица. Телефон, ожидаемо закрыт паролем, тоже работа для умников… Несколько таблеток в цилиндре, лекарства наверное…

Закончив с мелочевкой, Курган смахнул в ящик стола все цацки, оставив только блокнот и мобилу сектанта. Раскрыв сумку,

вытряхнул на стол ее содержимое, затем принялся ковыряться в многочисленных отсеках и кармашках портфеля. Кроме папки с документами, внимания заслуживал почти незаметный на дне, если не всматриваться, длинный пенал, набитый стеклянными ампулами, наполненными прозрачной тягучей жидкостью, похожей на глицерин.

Олег Иванович не поверил своему счастью — в его руках было настоящее богатство, стократно перекрывающее всё рыжье, доставшееся от зажмурившегося курьера. Пересчитав ампулы несколько раз, Курган довольно откинулся на спинку кресла. Сотня кубиков! На этом можно держать двоих-троих дойных коров не один месяц, если давать по половине дозы, и не каждый день!

Помечтав о чем-то несколько минут, Олег Иванович схватился за папку. Как и было договорено с Дурманом, через его барыгу, в папке описывался процесс изготовления готового наркотика из прибывших ингредиентов. Однако, через минуту чтения, радость Кургана сменилась яростью — вместо нормальных названий химии, в рецепте описывались только номера ящиков! «3 грамма из колбы номер 10 разогреть до 70 градусов, влить 1 куб из колбы номер 8, не снижать температуру до полного растворения…..½ грамма из колбы номер 3…..2 куба из колбы номер 8 смешать с 1 граммом из колбы номер 4…» Проклятье! Номер четыре!!!

Выскочив из кресла, Олег Иванович бросился к лежащим на полу ящикам. Вскрывая один за другим, он находил в них емкости из толстого прозрачного пластика, заполненные порошками и жидкостями, пронумерованные так же, как хранившие их ящики. Первый, второй, третий, пятый! Четвертого нету!

Дрожащими руками Курган долистал до конца документы из папки. Ни слова о том, что же за дрянь содержится в каждой из колб! Хозяин поместья забегал по кабинету, словно загнанный на флажки волк. Перед ним лежит огромное сокровище, но без проклятого четвертого ящика оно не стоит и рубля!

— Сенька!!! — заорал Курган, лакей сразу же возник в дверях. — Шило найти! Быстро!

— Люди уже отправлены, Ваша Светлость! — спокойно ответил служка. — На квартиру и на склады, куда он обычно привозил товар! По прибытии господина Шило, немедля поставлю Вас в известность!

Снова потянулось тягостное, напряженное ожидание. Олег Иванович несколько раз останавливался у развешанной на стене коллекции холодного оружия, бездумно рассматривая дорогую

инкрустацию сабель, затейливую цубу катаны, ледяные отблески на клинках кавказских кинжалов. Время уже близилось к вечеру, когда в кабинете появился неизменно спокойный лакей.

— Ваша Светлость, прибыли господа с новостями!

— Пусть заходят… — равнодушно ответил Курган, чувствовавший себя опустошенным и разбитым.

Зашел опять Каша, несущий в руках внушительных размеров картонную коробку и полиэтиленовый пакет, набитый каким-то хламом. Поставив их на пол, у раскрытых ящиков с колбами, Касим перевел дыхание, вероятно, коробка весила немало.

— Иваныч, зажмурился Шило… Пацаны его нашли на квартире, связанного. Кажется, он уже опарышем был, когда остыл полностью, от трупа ацетоном повanивало. Башка в фарш развалена, а крови мало натекло. Тот, кто его кончил, всю обойму расстрелял…

— Да что ж за день такой сегодня, Касим Шакирович? — Курган болезненно скривился. — С утра мусора на моих стульях сидят, потом это все… Что в коробке?

— Все, что в квартире собрали. Обшмонали все тайники, полы вскрыли даже. Каждая бумажка, диск, блокнот, всё здесь. Мобилу не нашли. Со складов «масло» привезли, Колян неслабо поработал.

— Сколько? — поинтересовался Курган, чуть оживившись.

— По две канистры с каждого склада, несколько баллонов двухлитровых. Литров двести пятьдесят, туда-сюда, получается походу.

— Ну хоть ты меня радуешь, Касим! — заулыбался пахан, понимая, что запасы наркотика увеличились почти до полутонны, теперь можно даже продать немного. — Где он дурь варил, не нашли?

— Нет, Иваныч… — Каша пожал плечами. — Ты же знаешь, Колян хоть и любил метлой почесать, лабу свою никому не показывал. Где варил, никто не знает.

— Поищи. Хорошо поищи! Поспрашивай, если есть у кого, копайся в этих бумажках… — Курган кивнул на коробку. — … только из кабинета не выноси. Найди, кто мобилу мог забрать, говорилка у него новомодная, вроде с навигатором была? Вроде в ней все места отмечаются, куда ходишь?

— Всё сделаем, Иваныч! — кивнул Каша. — Моментом начнем!

— Сенька!!! — крикнул Хозяин, с удовольствием наблюдая молниеносную исполнительность лакея. — Барину принесешь кофе, закуски, поможешь, если что прикажет.

— Понял, Ваша Светлость! — отрапортовал слуга. —

Изволите-с отужинать?

— Накрывай… — махнул рукой Курган, давно ощущавший легкий дискомфорт в желудке, тут же переключившись на помощника. — Каша, работай.

Уже спускаясь по лестнице, Олег Иванович понял, что в ближайшее время очередной встречи с Синевниковым, Синей, не избежать. Надо отправлять пацанов в Петербург, искать Дурмана, а в наступившем бардаке для этого нужен как минимум вертолет. Или, лучше, самолет. Вертушкам, как показал сегодняшний день, доверять нельзя…

Глава 12
Мотыль и Жбан, шпана воровская

23 марта, воскресенье

Мотыль и Жбан нашли друг друга, мотая срок на девятой зоне, расположенной к северу от левобережной части Ярославля. Обделенные пониманием смысла жизни, воспитанием и уважением со стороны старших товарищей, они закорешились, решив после выхода на волю работать вместе. Дружба Мотыля и Жбана доставила немало веселья сокамерникам, чморивших их сочетанием первых букв погонял, М и Ж, называя шконку корешей «второй парашей» и поручая им самую грязную работу, низведя тем самым почти до ранга опущенных. Презрительное отношение остальных зеков только сплотило шнырей, находивших понимание исключительно в обществе друг друга.

Мотыль впервые попал за решетку ещё по малолетке, намотав срок за избиение и попытку изнасилования малолетней девчонки из соседнего двора. Откинувшись чуть ли не в день своего совершеннолетия, он вернулся в казенный дом ровно через сто дней, попавшись на краже иномарки. Отсидев пять лет, Мотыль уже целый год гулял на свободе, промышляя мелким воровством, разносом закладок с наркотой и шестеря на бригадиров Кургана, местного авторитета, метившего в «законники». Начав курить ещё до школы, Мотыль едва дорос до полутора метров в свои двадцать пять лет, во всем походя на подростка благодаря покрытому прыщами лицу и тщедушному телосложению. Шнырь жил одним днем, неизменно просаживая весь заработок на карты, водку и наркоту.

Жбан выглядел ему под стать — худой, с впалой грудью, повыше ростом, с непропорционально большой головой, всегда обритой налысо. Стоило жиденьким волосам чуть отрасти, он становился похож на одуванчик, чей тонкий стебель увенчан большим шаром из пуха. Впечатлений от его внешности добавляли ещё и глаза навыкате. Неприглядная, но приметная внешность делала его предметом насмешек и издевательств как в школе, так и на зоне, куда он попадал также дважды, оба раза погорев на кражах. Откинувшись на три месяца позже Мотыля, Жбан составил корешу компанию во всех делах, мечтая однажды сорвать куш и поехать в Таджикистан за крупной партией «герыча». Он видел себя крупным наркоторговцем, купающимся в

роскоши, в компании двух тёлок модельной внешности и суровых телохранителей, падающих перед ним на колени за любую оплошность.

Катастрофа изменила привычный уклад жизни корешей. Клиенты, покупавшие «закладки», сменили свои пристрастия с поиска зарытых порошков на поиск живой плоти, воровство сменилось безнаказанным мародерством, поездка Жбана за героином и тёлки откладывались на неопределенный срок. Лишь одно осталось как прежде — братва Кургана, использовавшая шестерок в самых грязных делах, как прежде, так и сейчас…

* * *

В дверь ветхого деревянного дома, расположившегося в поселке Кармановское, близ железной дороги, с силой забарабанили кулаками.

— Эй, чушканы! — заорал кто-то с улицы, ударив ногой по стене. — Вышли быстро!

Всё ещё не отошедшие от вчерашней пьянки, после удачного грабежа магазина, Мотыль и Жбан с трудом понимали происходящее. Первым поднявшийся Жбан, нетвердым шагом пошел ко входу и открыл жалобно заскрипевшую дверь, столкнувшись взглядом с жлобом в кожаной куртке поверх спортивного костюма.

— Собрались быстро, запрыгнули в свою помойку и поехали с нами! — приказал бык, презрительно глядя на помятое лицо чушка.

— Браток, дай пять минут, похмелиться надо… — заскулил Жбан, отчего пришедший брезгливо скривился и плюнул Жбану под ноги.

— Навозный червь тебе браток, чепушило! — сказал бандит, после чего развернулся и пошел во двор, на ходу доставая сигареты. — Время вам, пока курить буду!

Выматерившись про себя, Жбан поковылял обратно в дом.

— Слыыы, братишкаааа! — протянул своим тонким, хрипловатым от курева голосом Мотыль, слышавший приказ. — Ломииит кудааа-тоо костиии бросать, без мазы ехаааать!

— Ага, мутную тему пахан задвинул… — согласился с корешем Жбан, разливая остатки водки по грязным стаканам, для опохмела. — В центре жмуров, шо в отрыв не уйдешь.

— Моооожеет иии неее в цеентр! — снова проскулил Мотыль, проглотив водку. — Всеее раааавноо беез маазы!

— По любому, надо идти, братишка. — Жбан понимал, что

откос им с рук не спустят. — Парафиниться перед паханом гнилая тема!

— Базарааа неет… Даавай потом пойдем, аа?

— Ты чё, корешок, рамсы попутал? Пацаны нам правилово устроят, если ща не пойдем!

— Нууу мляя, голимый расклаад… — Мотыль, откупорив новую бутылку, плеснул в стаканы ещё по глотку водки.

Ему хотелось вмазаться и поваляться до вечера в блаженной нирване прихода, но Жбан прав, ссориться с людьми пахана плохая идея, ливер отобьют моментом.

Выйдя из сумрака своего облезлого домика, шныри непроизвольно закрыли глаза, ослепленные ярким весенним солнцем, и не увидев из-за этого теплую компанию, дружно заржавшую при виде двух нелепых, тощих и грязных «пацанчиков».

— Эй, эМ-Жо, ну чё, напихали друг другу в шоколадные глазки? — глумливо крикнул кто-то из братков.

Жбан хотел было возразить, но в этот момент ему по затылку врезала ладонь того самого жлоба в спортивном костюме, да так крепко, что непроизвольно брызнули слезы.

— Э, чмошники, шевелите мослами! — прикрикнул браток. — Завели свое корыто и за нами поехали, быра!

Шестерки, зашуганно озираясь по сторонам, торопливо забрались в кабину изрядно потрепанной грузовой «газели», полуторатонки. К счастью, машина завелась почти сразу же, и Жбан поторопился догнать джип братков, уже выруливший на дорогу. К большому огорчению чушков, ехать пришлось в сторону города.

— Брааатишкааа, стреемно тудаа ехааать! — пропищал Мотыль, наблюдая, как идущий впереди внедорожник, выехав на Магистральную, свернул опять же, в сторону центра.

— Не бзди, кореш! — отмахнулся Жбан, который в их тесном коллективе был за старшего, благодаря относительно прохладному отношению к наркотикам. — Мы с братвой едем, пацаны любого зажмурят по-быстрому! А нам может обломится доля малая, если на дело едем!

— Нииишттяяк, брааатишкааа…

За окнами машины промелькнула промзона, замертвяченный строительный рынок на Вспольинском поле, потом мост, по которому совсем недавно ходили поезда, остался позади вокзал с площадью, заполненной зомбарями с первого дня Катастрофы, улица Свободы, местами затянутая дымом пожаров. Свернув на улицу Володарского, Жбан на секунду притормозил у забора «Шинника», наблюдая, как на малом поле стадиона, услышав шум

машин, вяло зашевелились несколько мертвяков в изорванных спортивных костюмах.

— Прикинь, футболисты! — заржал Жбан. — Приколись им мячик бросить!

— Аххааа, прикооол! — противно всхлипывая, заржал Мотыль.

Догнав чуть ушедшую вперед машину с братвой, «газель» шестерок свернула во двор одного из трехэтажных домов сталинской постройки, выкрашенных в радостный желтый цвет. Вывалившиеся из джипа братки первым делом уложили нескольких мертвяков, развернувшихся в сторону людей, в нескольких окнах мелькнули испуганные лица пока еще живых жителей. Жбан с Мотылем, дождавшись окончания расправы с опарышами, резво выпрыгнули из кабины, опасаясь гнева старшего бандита.

— Аллё, чуханы, сюда подошли! — скомандовал старшой, закуривая очередную сигарету. — Метнулись оба в этот подъезд, там квартира Коли Шила! Номер два! Поглядели чё как, вышли, сказали! Хазу не шмонать, если открыта, мослы выдерну, если чё скрысите! Сделаете всё тип-топ, коробок «маруси» отсыплю!

— Брааатишкааа, аа еслиии таам жмуурыы? — жалобно проскулил Мотыль, на всякий случай шагнув за спину Жбана.

— Знач «маруся» мне останется! — заржал старшой. — Ипальником не торгуй, может и тебе чё отломится!

Опасливо войдя в подъезд, через забрызганный бурыми пятнами тамбур, Жбан прислушался и поводил носом из стороны в сторону, подъезды часто таили в себе опасность, это он успел изучить за прошедшие дни. Звонкая тишина лестницы еще ни о чем не говорила, тем более, отчетливо воняло трупятиной. Когда глаза попривыкли к полумраку, Жбан кивнул корешу в направлении второго этажа. Мотыль метнулся наверх, а через минуту вернулся, мотая головой. Чисто…

Стоило взяться за ручку двери Коляна, как та подалась, открыв проход в пахнущую трупной вонью квартиру.

— Кореш, тут жмуром воняет! — предупредил Жбан своего дружка, неохотно переминавшегося с ноги на ногу за спиной.

— Отстоой в нааатууре! — тихонько пропищал тот, выглядывая из-за плеча.

Вслушиваясь в неясные шорохи, шаг за шагом, Жбан осторожно, боязливо осматривал каждый угол сталинской однушки, в которой жил варщик пахана. Наткнувшись на связанный труп хозяина, живописно раскинувшего мозги по половине комнаты, шныри испуганно отпрянули, затем, собравшись с духом, продолжили исследовать жилище.

— Нууу чёёё, ниишттяяк! — протянул Мотыль, когда в квартире не обнаружилось ничего подозрительного или опасного.

— Зырь, кореш! Хату по ходу уже обшмонали! — Жбан рассматривал коробки и прочий хлам, вывернутый из шкафа на пол.

Такая же картина ждала их и на кухне — содержимое всех тумб и шкафчиков валялось под ногами. Бросился в глаза лишь пакет с шариками, чьё содержимое Жбан отлично знал. Жесткая химозная дурь, с первой затяжки била в голову, как кулак Майка Тайсона. Приход нёс в себе галлюцинации, иногда откровенно порнографические, но чаще страшные, словно попадаешь в преисподнюю. Эту дурь головастик не любил, в отличие от Мотыля. Но тому, что ни дай — скурит, снюхает, или по вене задвинет.

— Ахааа, ништяяяк! — кореш увидел шарики, жадно схватив пакет. — Заторчим сегодняяя, брааатишкаааа!

— Приныкать надо, а то пахан бошки отрежет! — не стал спорить с напарником Жбан.

Мотыль бросился перерывать все ящики и ниши на кухне, затем, ловко запрыгнув на кухонную стойку, оторвал пластиковую решетку вентиляции, засунул туда руку и тут же выдернул ее обратно, сжимая в пальцах находку — флакончик из-под нафтизина, заполненный тягучей желтой жидкостью.

— Гляяя, браатиишкаа, Мааслооо! — радостно завизжал Мотыль, спрыгивая на пол.

Быстро обшарив квартиру, шестерки нашли еще и баночку с наклейкой «Мультивитамины», доверху наполненной отменным «пластилином». Завернув обе находки в пакет с шариками, Жбан просунул его сквозь решетку за форточкой, хорошо размахнулся и отбросил подальше.

— Атас, пацанчик! Рвем на хазу! — он позвал за собой пританцовывавшего от нетерпения Мотыля.

Выскочив во двор, шныри едва не налетели на стоящих перед подъездом братков, долго и мрачно ожидавших результатов разведки.

— А ну стоять! — скомандовал старшой. — Карманы вывернули!

Шестерки, понурившись, начали выворачивать карманы, однако в них ничего, кроме мелкого хлама и мятой пачки сигарет с замызганной зажигалкой, не обнаружилось. Бандит, с выражением отвращения на лице, прохлопал шнырей, ничего не найдя.

— Че там? — спросил он, вытирая руку влажной салфеткой, поданной кем-то из пацанов.

— В нааатууурее голояк! — протянул Мотыль, но заметив гневный взгляд пахана, замолчал.

Жбан, по-быстрому рассказав об увиденном, о связанном трупе, о пустом подъезде, об основательном шмоне квартиры кем-то левым, получил от пахана обещанный коробок с травой и звонкий подзатыльник. Братва снова заржала и ломанулась в дом, а шныри, дождавшись, когда те скроются за металлической дверью, бросились к машине. Жбан за руль, Мотыль, пугливо оглядываясь, метнулся за дом, забирать пакет с дурью. Когда грузовичок вырулил со двора, прыщавый уже бежал обратно, прижимая к груди драгоценный груз.

— Ниииштяяяк, брааатиииишкаа! — запрыгнув в кабину, визгливо прокричал Мотыль, тяжело дыша. — Заааатааарчиииим!

По дороге домой, шныри обнесли небольшой, чудом уцелевший магазинчик, неподалеку от вокзала. Остановившись у входа, пацанчики шустро вскрыли монтировкой закрытую рольставней дверь, затем, подогнав «газель» задом к двери, быстро набросали в кузов все, что смогли найти. Получилось не так много, как им хотелось бы, но жратвы, бухла и сладких напитков хватит не на одну неделю, если никто из братвы не отберет. Хотя, маловероятно, никто из блатных в машину шнырей не полезет, западло мараться.

Закончив погрузку, перед посадкой в машину Жбан немного задержался, увидев медленно идущую к ним дохлую тетку, с ошметками гнилой плоти вместо лица. Встав в эпическую позу, с десятка метров он разнес её голову одним-единственным метким выстрелом из обреза старой двустволки, вытащенным перед шмоном магазина из бардачка. Удовлетворенный подвигом, под радостное ржание Мотыля, Жбан завел двигатель и вырулил на дорогу. Осталось всего ничего — доехать без приключений домой и разгрузить добычу так, чтобы никто не позарился на драгоценную добычу.

* * *

— Мотыль, по четкану мы сёдня впряглись! Чутка напрягов, и в деловую масть войдем, слы? — довольно пробормотал Жбан, вымакивая корочкой хлеба остатки масла из добытой баночки шпротов.

Однако, того уже мало что интересовало. Едва закончив таскать упаковки с лимонадом и пивом, Мотыль лихорадочно намотал жгут на руку, предварительно заправив инсулиновый шприц из найденного в квартире варщика пузырька. Не поев и не

раздевшись, наркоман запустил по вене кубик золотистого «масла», провалившись на несколько часов в усыпанный сверкающими бриллиантами рай… То, что после выхода оттуда его ждут адский сушняк, обоссанные штаны и пожелтевшие на сутки белки глаз, Мотыля, похоже, совсем не интересовало.

Дождавшись, когда подельник застынет в странной, выгнутой позе, характерной для «масляных», Жбан неторопливо забил в стеклянную трубочку для курения гашиша маленький шарик «пластилина» из банки, отхлебнул пива из мутного от грязи бокала и блаженно затянулся. Жизнь налаживалась.

notes

Примечания

1

Плетка (жарг.) — Винтовка

2

Партаки (жарг.) — тюремные татуировки

З

Камок, камо, камка (жарг.) — Камуфляжный костюм.

4

СВУ (ОЦ-03) — самозарядная снайперская винтовка компоновки булл-пап, разработанная ЦКИБ СОО на основе СВД., вероятно, Артём служил снайпером

5

Пермский край